

A stylized, high-contrast illustration in a graphic, almost woodcut-like style. It features a close-up of a young man's face, likely a sailor, with light-colored hair and a slight smile. He is wearing a dark sailor's uniform with a white collar. To his left, a ship's mast or rigging is visible, with a prominent red section. The background is dark and textured with some light-colored streaks.

А. ПУШКАРЬ

ОСТРОВА
КУРИЛЬСКИЕ

А. ПУШКАРЬ

*Острова
Курильские*

САХАЛИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Южно-Сахалинск
1960

«И домогатца ему всякими мерами... чтоб учинить с японским государством меж русскими людьми торги немалые как и у китайцев с русскими людьми бывают торги... И приложить тщание о сыску иных народов богатых, которых реки в Море-Окиян Восточной впади и живут на островах, и проведывать про них ласкою и учинить с ними дружбу и торговые промыслы. И про те народы всякую ведомость имать... и от камчадалского пути, с которой стороны из Якуцна до тех островов ближе, чертеж особый учинить...»

(Из наказа якутскому десятнику Василею Севастьянову, посланному на службу в Камчатку. От 9 сентября 1710 года).

*Здесь сочетанье севера и юга,
Таймыр и Крым, Сибирь и Сочи тут...
На горных склонах, спорящие с вьюгой,
Среди берез магнолии цветут,
Венками лег шиповник ярко-красный
У неприступных ноздреватых скал...
Поверив слухам, я, видать, напрасно
Далекий край на островах искал.
Здесь — край родной. И новыми чертами
Мне дорог лик курильской стороны.
Искусно переделанный руками
Моих друзей, вернувшихся с войны!..
Смотрите: у подножия вулкана
Поселок,*

стадо,

огород,

бахча,

*Подсолнух в двух шагах от океана
Лицо подставил солнечным лучам.
Когда ж сгустятся синие потемки
И конусы спрячутся в туман,
У берега гористого по кромке
Огни, огни качает океан.*

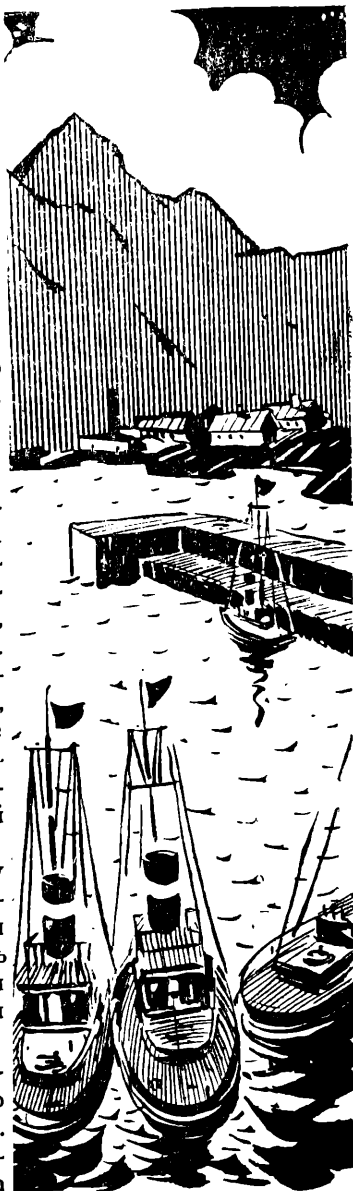
А. МАНДРИК

Сквозь толстое запотевшее стекло иллюминатора пробился желтый луч. Он подождал на дверной ручке и скакнул в темный угол каюты.

Да ведь это — солнце!.. «Балхаш» отшвартовался от причала Корсаковского порта в полуночную темень, а сейчас, выйдя на палубу, я зажмурил глаза от резкого света. Безбрежное, синее, все в кружевах белаяков, расстилось вокруг Охотское море. Воздух был холоден и свеж, небо — чистое. Лишь впереди, на горизонте, лежала сизая гряда туч. Но там, где она смыкалась с синей ширью, солнце пробило узкую щель и расточительно лило оттуда яркий лимонный свет.

Пароход держал курс навстречу солнцу. Оно било в глаза, порождало в косых крыльях буруна тысячи маленьких радуг, и мне припомнилась старая русская фраза из рапортов и отчетов землепроходцев: «а шли мы встреч солнца...».

С XVI столетия, пробивая дороги в неведомые земли, неудержимо двигались на восток русские люди. Это были отряды казаков и служилых Ермака Тимофеевича и Ивана

Москвитина, Василия Пояркова и Ерофея Хабарова, Федота Попова и Семена Дежнева, Михайлы Стадухина и Владимира Атласова, а впереди них — сотни, тысячи безвестных «промышленных»¹ и «торговых»² людей, служивших им разведчиками и «вожами». Через Урал и Сибирь лежал путь землепроходцев, через таежные дебри и болотные трясины, через бурные реки и горные перевалы. Все дальше, все на восток, все «встреч солнца» шли они, одни «на прииск новых земель», другие — за «мягкой рухлядью»³, третьи — за волей. Смелые, выносливые, предприимчивые землепроходцы преодолели тысячи километров и увидели впереди туманные студеные моря. Но и моря их не остановили! Взявшись за топоры, они сколотили деревянные байдары и лодии. Парус. Якорь. Бочонок воды, да связка юколы. Вот и все, с чем отважились землепроходцы пуститься еще дальше на восток, на Алеутские острова и Американский материк, на Камчатку и Курильские острова.

Да, русским людям принадлежит честь открытия и освоения Курил. Первыми пересекли на байдарках бурный пролив, отделяющий Камчатку от острова Шумшу, казацьи отряды во главе с Даниилом Анцыферовым и Иваном Козыревским. Вслед за ними на Курилах побывали посланцы царя Петра — Евреинов и Лужин, участники Великой Северной экспедиции Мартын Шпанберг и Вилим Вальтон, сибирский дворянин Антипин и «русский Колумб» — Шелихов, знаменитые мореплаватели Крузенштерн, Головин и Рикорд. Они положили на карты и описали все острова гряды.

Не только ради новых земель да дорогих бобровых шкур шли русские на Курилы. Перебираясь от острова к острову на юг, они прокладывали торговый путь в неведомое тогда «Нифонское царство».

В 1792 году штурман Василий Ловцов вел по Охотскому морю раскрашенную и принаряженную бригадину «Екатерину». С миссией мира шел белокрылый корабль: он доставлял на Хоккайдо японских моряков, потерпевших у наших берегов крушение, и первое русское посольство.

И так было всегда. Почти каждая инструкция море-

¹ Добытчики пушнины.

² Купцы и мелкие торговцы.

³ Так называли пушнину.

плавателям и торговым людям содержала наказ — с ласкою относиться к «мохнатым курильцам», как называли тогда жителей гряды — айнов, и завязывать дружбу и торговлю с японцами. Не русские люди виноваты в том, что не получилось в те времена ни дружбы, ни торгов: за умильными улыбками, за поклонами японских чиновников скрывались враждебность и коварство. Как улитка в раковину, пряталась феодальная Япония в скорлупу политики самоизоляции.

Безмерно труден был путь землепроходцев и мореплавателей. Страшными морскими бурями, непроглядными туманами, предательскими рифами — потайниками, голодом и «чумой севера» — цингой встречал их Тихий океан. Но, терпя кораблекрушения, теряя товарищей, они все шли и шли на своих утлых суденышках, открывая новые земли, расширяя пределы России.

...Встреч солнца... Какой безумной отвагой, какой дерзкой мечтой веет от этих слов!...

Форштевень «Балхаша» легко и величаво рассекал синюю целину. Тысячи лошадиных сил вращали винт. Мы шли на восток, к цепочке островов, которые при взгляде на карту кажутся дугой, соединяющей Камчатку с японским островом Хоккайдо.

На палубах было многолюдно и шумно, как в воскресный день в городском парке. Пассажиры наблюдали за игрой дельфинов, сопровождавших пароход, разговаривали, пели, читали, стучали костяшками домино.

Большинство пассажиров — курильчане: рыбаки, рабочие совхозов, пограничники. Одни возвращались из отпусков, другие — из командировок и с курсов. Компания веселых девушек — студенток лесотехникума — ехала домой на каникулы, а хлопцы в бескозырках, на ленточках которых было написано «Николаевское мореходное училище», — на практику. Было несколько семей новоселов. Сахалинские рыбаки спешили на путину в Северо-Курильск. Туда же добирались монтажники, торговые работники, артисты областной филармонии.

С пристрастием вглядывался я в незнакомые лица, прислушивался к разговорам. Что за люди живут сегодня на самых дальних наших островах, в краю огнедышащих гор?

ВЕСНА НА ПАРАМУШИРЕ

Огни Северо-Курильска

Великий океан встретил нас тяжелыми непроглядными туманами. Невидимые проплывали острова. Сквозь туман проступали иногда лишь призрачные очертания земли: то конический силуэт вулкана, то основание мыса, похуже на уют, то иззубренная вершина хребта. Чтобы не столкнуться со встречным судном, пароход прорезал сырую серую муть короткими сильными гудками, и они звучали, как вопли большого раненого животного.

На шестые сутки вечером «Балхаш» сменил курс. Стало покачивать. В снасти ударил ветер. Мы входили во Второй Курильский пролив, разделяющий острова Шумшу и Парамушир. Впереди, в холодном синеватом сумраке, заблестали огоньки. Сначала их можно было пересчитать по пальцам, но с каждой минутой огней становилось все больше и больше, и вскоре цепочками, гроздьями, гирляндами они переливались уже с трех сторон.

Это были огни Северо-Курильска.

Пассажиры облепили борта и трапы, сгрудились на палубах. Соскучившись по земле, они с жадностью разглядывали медленно приближающиеся берега.

— Глянь, огней-то, огней!

— Оказывается, тут большой город.

— Не-е, посмотри получше: огоньки качаются. В иллюминаторах да на мачтах светятся...

— Флота тут, бра-ат!..

— А города никакого нет. Город стихия смысла. Слышал, небось?

— Извините, но это самая настоящая чепуха! Город не только существует, но и стал больше, чем до стихии!

¹ Речь идет о цунами, которое произошло на Северных Курилах 5 ноября 1952 года.

«Цунами — японское название волн, возникающих в морях и океанах обычно вследствие подводных землетрясений и гораздо реже — вследствие взрывов подводных или островных вулканов. Вдали от берегов, в открытом океане, цунами, как правило, очень пологи и неощутимы для судов. У побережий крутизна волн быстро возрастает, и они обрушиваются на берега с огромной силой... На Камчатке и Курильских островах с 1737 года зарегистрировано 14 цунами, четыре из которых имели большую силу» (А. Е. Святловский. «Цунами». Изд. АН СССР М., 1957 г.).

Очевидец «стихий», высокий, тщательно выбритый монах, куривший трубку, обстоятельно рассказал, как было дело... В ночь на 5 ноября курильчан разбудило сильное землетрясение. Многие вышли на улицы. Но вот подземные толчки прекратились. Наступила тишина. А между тем в природе происходило что-то странное. Океан вдруг далеко отступил и обнажил свое дно. Через полчаса после землетрясения с океана послышался тяжелый гул, и на берега ринулась гигантская волна, высота которой достигала десяти метров. Вслед за ней стремительно накатилась вторая волна, потом третья...

Слева, с горы, приветливо подмигивал красный огонек маяка, словно говорил: «Все в порядке, подходите спокойно».

Индустриальный берег

К утру курильский климат, очень непостоянный и сумасбродный, приготовил замечательный сюрприз — безоблачное небо и солнце.

Пароход, со всех сторон окруженный катерами и баржами, стоял в узком, как река, проливе. С одной стороны темнел низкий, еще полуприкрытый шубой тумана и потому мрачный остров Шумшу, с другой — возвышался гористый, величественный, сияющий снегами Парамушир.

Слева подымалась сопка с навигационными створами на плоской вершине. За ней, на втором плане, — отвесное, как стена, плато, видимо, древний лавовый поток. Справа такое же плато глубоко вдавалось в пролив. А над всем этим — хаотическое нагромождение конусов, пиков, хребтов, вознесшихся в небо на тысячеметровую высоту.

Ну, и поработала здесь природа! Смотришь на остров — и хочется сравнить его со строительной площадкой, на которой заготовили все необходимое для какого-то грандиозного сооружения.

Над водой возвышался лес мачт, ошестинились стрелами пароходы, доставившие грузы, застыли на якорях реф-оижераторы и траулеры. Небо было полно крикливых чаек.

На пирсе в этот день было самое многолюдное место в городе. Одни встречали родных и знакомых, другие собирались поехать на «Балхаш», третьи пришли просто так.

потолкаться, узнать материковские новости, ведь не каждый день бросают в бухте якоря пассажирские суда.

На территории порта, сплошь заваленной штабелями досок и леса-кругляка, жарко и пыльно. Снега нет и в помине. Пыхтит черномазый гигант-кран чехословацкой марки «Шкода». Дымят трубы холодильника. Грохочет камнедробилка.

Берег, огибающий бухту, имеет вполне индустриальный вид. Он застроен пирсами, деревянными эстакадами, гидрожелобами, посольными цехами, холодильниками. Всюду — толстые гофрированные шланги рыбонасосов и транспортеры.

У пирсов качаются сейнеры и боты, на них серебром сверкает сельдь ночного улова.

Я оглядывал берег и нигде не видел следов катастрофы, разразившейся в Северо-Курильске осенью 1952 года. Лишь за воротами порта, между песчаными валами, как ребра скелетов, торчали шпангоуты двух катеров, когда-то заброшенных сюда цунами.

С возвышенности открылась взору зеленеющая прибрежная терраса, по краям которой, на склонах гор и вдоль берега бухты, раскинулся Северо-Курильск. Это — деревянный одноэтажный город. Впрочем, вдали от берега есть и двухэтажные здания — новые жилые дома рыбаков и школа.

Нестерпимо сияют горы, от макушек до пят одетые снегами, а в городе — солнце, ветер, пыль, жара. Над головой — несмолкаемая песнь жаворонка, под ногами — кустики фиалок...

Остров, которому салютуют корабли

В центре города в фон снежных гор впечатана серебристая игла обелиска. Властно приковывают взор слова, начертанные на одной из граней:

«Память о вас, вернувших Родине Курильские острова, переживет века». Это памятник героям-десантникам. Кто были они, какие подвиги совершили?

Чтобы узнать их имена, пришлось съездить на Шумшу.

Природа не наделила ничем примечательным этот сравнительно плоский и голый островок. Но именно ему, проходя мимо, салютуют флагом военные корабли. Именно на Шумшу пригласили моряки Агриппину Яковлевну Вил-

кову. Старая женщина приехала с Волги, чтобы рассказать им о парне, который когда-то бегал в коротких штанишках, ходил в школу, водил баржи и горячо любил Родину, рассказать и взять горсть земли с его могилы.

Шумшу — славная страница истории Советской Армии и Военно-Морского флота. На острове и поныне живет один из тех, кто в 1945 году освобождал его от японских захватчиков, — Алексей Перминов.

Когда он вошел в красный уголок, где я его ждал, в комнате стало тесно от огромной фигуры, размашистых жестов, гулкого голоса. Казалось, что одежда ему маловата — настолько крупно он сложен. Глядя на этого русоволосого добродушного человека с орденом Красной Звезды на груди, я подумал, что вот такими богатырями были, наверно, прадеды, направившие байдары к Курильским проливам.

Алексей Перминов хорошо помнит боевые дни.

17 августа 1945 года в Авачинской бухте царило большое оживление. На корабли, стоявшие на рейде, грузились морские и пехотные части, пушки, пулеметы.

На десантных судах шли митинги. В кубриках звучали имена тех, кто открыл и нанес на карты Курилы — имена русских землепроходцев и мореплавателей. Царизм не оценил их патриотические дела, не придавал значения Курильским островам, не обеспечил защиту этого естественного океанского рубежа России. Захватив гряду, японские милитаристы превратили ее в крепость и плацдарм для военных авантур. Они опутали острова колючей проволокой, вдоль и поперек изрыли траншеями и дотами, заперли солдатами. «Курилы — это меч, направленный в грудь Камчатке», — писали японские газеты... Исконно русское Охотское море было заперто на множество замков.

17 августа караван десантных кораблей взял курс на юг и на рассвете 18 августа подошел к Шумшу. Остров окутывал густой туман. Не дойдя нескольких миль до берега, корабли остановились, и к острову, соблюдая строжайшую тишину, направились десантные баржи с группой захвата.

Баржи морского батальона, которым командовал майор Почтарев, подошли к северному мысу¹. Люди, перепоясанные пулеметными лентами, нагруженные пулеметами, про-

¹ Ныне мыс Почтарева.

тивотанковыми ружьями, минами, рациями, стали прыгать в воду и плыть к берегу. Ни выстрел, ни человеческий крик не нарушал напряженную предутреннюю тишину.

Наивысшая точка Шумшу — 170 метров над уровнем моря. Эта господствующая «высота 171», как она значилась в военных приказах, была укреплена наиболее сильно. Именно сюда и устремились десантники.

Японцы, застигнутые врасплох, вскоре пришли в себя. Заговорили орудийные батареи, затрещали пулеметы. Туман рассеялся, и новые отряды десанта, подходившие к берегу, встречались шквалом огня. Японские батареи, доты и дзоты били по заранее пристрелянным целям. Несколько барж загорелось. Десантники несли тяжелые потери.

Особенно мешал продвижению вперед двухамбразурный дот. Его пулеметы не давали поднять головы.

К доту, не дожидаясь приказа, поползли два моряка из роты старшего лейтенанта Кошея. По мокрой траве за ними тянулся серебристый след. Снизу воины следили за товарищами, пока они не скрылись в овраге.

Кто были эти смельчаки? Двадцатисемилетний волжанин, коммунист Николай Вилков служил боцманом на плавбазе «Север», товарищи избрали его парторгом. Парень из сибирской деревни, комсомолец Петр Ильичев был еще совсем молодым, необстрелянным матросом.

Вилков и Ильичев выползли на противоположный край оврага и стали присматриваться к амбразурам, изрыгавшим смерть в двух-трех десятках метров от них. Вилков швырнул гранату первым. В тот же миг его левая рука, раздробленная пулей, повисла. Но вместе с Ильичевым он кинул еще три гранаты.

Рота поднялась из ложбины. Опять замелькали огоньки в амбразурах, и несколько человек упало. Вилков рванулся к доту. Видимо, у него не было больше гранат. Он подбежал вплотную и, перерезанный пулеметной очередью, прикрыл своим телом правую амбразуру.

Один пулемет замолчал. Но левая амбраура по-прежнему в упор расстреливала бегущих к доту десантников. И тогда моряки увидели, как вскочил Ильичев... Он упал на левую амбразуру.

Так два моряка на другом конце советской земли повторили подвиг Александра Матросова.

Примером бесстрашия служил бойцам и майор Шутков,

подразделение которого одним из первых заняло плацдарм на Шумшу.

Еще на Камчатке его знали как человека большой отваги и воинского мастерства. В бою он был дважды ранен, но продолжал командовать отрядом захвата. Третья пуля попала ему в грудь. Она задела сердце, пробила партбилет. Когда Шутова унесли, командование принял начальник штаба старший лейтенант комсомолец Дайн. Наступление продолжалось.

На другом участке боя старший лейтенант Савушкин, сам раненый, повел подразделение в атаку на батарею врага, которая сильно мешала продвижению вперед. Батарея была взята, прислуга уничтожена, но Савушкин погиб смертью храбрых. Героически дрались коммунисты Кот, Водянин, Сигов.

Трое суток шли бои за остров Шумшу, за высоту 171. 23 августа враг капитулировал. Над Шумшу был поднят советский флаг. Боевые корабли неудержимо продвигались на юг, освобождая остров за островом. Вслед за гарнизоном Шумшу сложил оружие Парамушир. 25 августа красный флаг взвился над Онекотаном и Шиашкотаном, 28 августа — над Урупом и Итурупом, а к первому сентября вся Курильская гряда была возвращена Родине.

Над картой района

С любопытством присматривался я к сидевшему напротив маленькому подвижному человеку с крутым лбом, лысеющей головой и пристальным острым взглядом. На пароходе рассказывали, что он знает по имени и отчеству чуть ли не всех жителей Северных Курил. В 1945 году он, тогда парторг батальона, участвовал в освобождении островов, а потом, став секретарем райкома партии, извездил их вдоль и поперек, и не раз, добираясь на собачьей упряжке в дальние поселки, ночевал в снегу, застигнутый в пути пургой.

Застелив стол бледно-голубой картой, Степан Николаевич Пудов говорил о своем районе. Карандаш обежал Парамушир, прихватил с севера Шумшу, с запада острова Алаид и Анцыферова.

Парамушир (в переводе с айнского — большая земля) — второй по величине остров гряды. С крупномасштабной морской карты он смотрит бесчисленными вставленными

друг в друга кружками и овалами, обозначающими высоты. Вулканы и горы, хребты и ущелья, скалы и рифы, вечные снега, мох, стелющийся кедрач и ольховник — вот лицо острова. Поселки лепятся лишь на крохотных полосках прибрежных террас.

Но, может быть, и не стоит жить здесь людям? Может быть, нечего взять у этой земли?.. Нет, стоит! Уже не один год на острове работает экспедиция по изысканию серных залежей. Геологи поднялись в горы, к дымящимся кратерам, и нашли богатые кладовые желтых кристаллов — тысячи тонн серы. Оказывается, не зря веками курились вулканы. Освоив парамуширские месторождения, не надо будет везти серу на Дальний Восток издалека, загружать железные дороги и пароходы.

Но главные сокровища таятся не в горах, а в водах, омывающих острова. Северная часть Тихого океана и Охотское море издавна славятся обилием рыбы и морского зверя. Здесь, на стыках холодных и теплых течений, бурно развивается зоопланктон — мириады мельчайших живых существ, которые привлекают и несметные косяки сельди, и исполинов-китов. В глубинах скрыты богатые камбальные и тресковые банки. На рифах и прибрежных камнях греют спины морские звери. А сколько на скалах шумных птичьих базаров!

В последние годы Северные Курилы превратились в крупнейший на Дальнем Востоке район сельдяного промысла. Сахалинские и приморские рыбаки снарядили сюда большие флотилии, построили здесь несколько механизированных обрабатывающих баз. Около миллиона центнеров рыбы в год дают стране Северные Курилы. «Сельдь Тихоокеанская»... На Урале и в Сибири, в Москве и Киеве — где только не встретишь этой этикетки!

Быстро принять и обработать огромное количество рыбы — вот первая задача, которую решает районная парторганизация. Но есть много и других важных задач...

В Северо-Курильске в последние годы развернулось большое строительство. Сооружены новые портовые склады, мастерские, холодильники, консервный завод, клубы, школы, столовые, магазины, жилые дома. Но строители еще в долгу у курильчан. Население города растет очень быстро — надо строить и строить.

Жизнь действительно требует также развивать на острове сельское хозяйство. До 1954 года островитяне жили на

всем привозном. Скептики говорили: «Ничего здесь не вырастет». В 1955 году партийные активисты объявили им войну и с лозунгом: «Каждому коммунисту и комсомольцу — огород!» взялись за лопаты.

— Все растет — нужно только хорошенько удобрить землю, — подытожил секретарь райкома, и в глазах его заплясали задорные огоньки. — Хотим обеспечить район своими овощами, картошкой, молоком!..

Разговор подходил к концу, а мне хотелось узнать подробнее о самом Степане Николаевиче Пудове, партгоре батальона и секретаре райкома. В ответ на просьбу рассказать о себе он нахмурил высокий лоб, замахал руками:

— Вы думаете, один я — старожил? Ничего подобного. На острове остались многие из бывших десантников. А сколько тех, кто приехал с первыми пароходами в 45-м году! Ни суровый климат, ни стихийное бедствие — ничто не пугало их. Напишите о них. Замечательные люди!

...Простившись с Пудовым, я вышел на крыльцо райкома. Густой туман, напoлзший с океана, укутал Парамушир, и кроме ближних домов ничего не было видно. Но остров жил, работал, веселился — вечер был полон звуков. В бухте протяжными гудками перекликались пароходы. На пирсах все еще рокотали моторы. Из палаточного городка сезонников доносились переборы гармошки, рассыпчатый женский смех... Днем от подземного толчка звякнули пробки графинов и качнулись электрические лампочки. Наверно, это вулкан Чикурачки, незадолго до моего приезда посыпавший пеплом окрестности, опять напомнил о своем существовании. Но на легкое землетрясение никто не обратил внимания. Никто, кроме работников недавно открытой в Северо-Курильске станции по предупреждению цунами,¹ зорко охраняющей благополучие островитян. На Северных Курилах весна, горячая пора путины и посевной — и людям не до вулканов с их стариковским ворчанием!

ПОГОНЯ ЗА СИЯЮЩИМ ПЯТНОМ

С прояснившегося неба сияла луна, ночь была полна чарующего голубого света, когда я пошел в штаб рыболов-

¹ В 1960 году на Курилах начали организовываться еще две такие станции. Служба цунами гарантирует полную безопасность жизни на островах.

ной экспедиции, чтобы узнать новости из района промысла.

Эфир хрипел, свистел, гудел. Парнишка-радист в накинутах на плечи плаще крутил регуляторы приемника. И вдруг оттуда, из этой голубой ночи, послышался дрожащий от негодования голос:

— Черт-те что творится!.. Луна! Мешком бы каким-нибудь ее прикрыть, проклятую!.. «Контрабас сорок семь», ты слышишь меня? Не видно фосфора! Ну, еще полазим здесь до утра, Михал Иванович. Может, ее затянёт... — и тут последовала такая крепкая фраза в адрес луны; что радист от неожиданности уронил плащ.

— Ну, и влетит же кудаку: начальник экспедиции как раз эфир слушает! — воскликнул он.

Каждый вечер я заходил в штаб экспедиции. Все сильнее тянуло в район промысла, туда, где ищут «фосфор» и ругают луну.

И вот, я в море. Ночь дышит в лицо сыростью. Ветер остервенело набрасывается на огонек спички. Холодно. В плаще чувствуешь себя раздетым. Изволь натягивать овчинный полушубок, шапку, сапоги с теплыми портянками.

— Какая скверная погода!

— Наоборот, самая подходящая — рыбная, — вежливо возражает мне из тьмы чей-то молодой голос.

Туманно, ветрено, промозгло, и все-таки всюду в ночи — скрытое движение, всюду — жизнь. Если взглянуть с мостика вниз, туда, где режет волны форштень, невольно прищуришь глаза — настолько сильно фосфоресцирует вода. Вспыхивают и гаснут голубовато-серебряные пятнышки, сыплются каскады искр, текут сияющие ручьи. То и дело справа и слева море пронзают молнии — это резвятся крупные рыбы или дельфины. А то вдруг кто-то начнет чертить от форштевня серебряный пунктир, наверно, это увальни-глупыши, помогая себе крыльями, улепетывают подальше от судна.

Целая россыпь желтых точек светится на горизонте. Там пашут море десятки рыболовных судов.

Побитый, но славный корвет «Одесса»

И «Одесса» — маленький железный корабль с изрядно побитыми и, словно от неравномерного загара, облупив-

шимися бортами — идет в этой ночи своей невидимой до-
рогой, что пролегла по 120-метровой изобате¹.

Тьма навалилась на море ровно в одиннадцать. В этот час разбудили капитана, и он, еще не совсем проснувшись, с полушубком в руках, взлез по трапу наверх. Погасили свет. Задраили иллюминаторы, чтобы не выскользнул наружу (упаси бог) какой-нибудь лучик.

Во мрак погрузилась судовая жизнь. Темно в кают-компании, где в полном снаряжении прикорнули до времени матросы — кто на коротких диванчиках, а кто прямо на палубе. Выключен свет в штурманской, где чиркает пером по розовой ленте эхолот и, рисуя гористый берег, пятнышки встречающих судов, бегаёт по кругу голубой лучик радара. Лишь на верхушке мачты горит невидимый снизу топовый огонь да светятся бортовые огни.

На мостике молча курят в рукав, пристально всматриваются в темно-серые волны капитан и стармех. Кто-то из рыбаков забрался на мачту, чья-то долговязая фигура, как изваяние на древних парусниках, темнеет на носу сейнера, двое легли грудью на борт и смотрят вниз.

«Одесса» в поиске. Там и тут вспыхивают на мгновение волны. Но нужно найти большое светящееся пятно, только тогда можно рассчитывать на сельдяной косяк. В этом весь смысл, об этом думает каждый.

Их семнадцать. Семнадцать молодых и пожилых, бородатых и бритых матросов, механиков и штурманов — людей с жесткими, как смоленый канат, руками. Я пришел на «Одессу» в полдень, когда они, скинув робы, окатывали палубу толстыми струями воды, смывающими блески селёдочной чешуи. С некоторыми из рыбаков экипажа мне удалось познакомиться за обедом: на «Одессе», как, впрочем, и на других судах, народ очень гостеприимный и общительный.

Капитана зовут Васильичем. Его новый китель с золотыми нашивками, интеллигентная речь и то, как он подчеркнуто-пренебрежительно сказал об «Одессе»: «Наш уже побитый корвёт», сразу выдали в нем моряка с «длинным дипломом», то есть штурмана дальнего плавания.

У старшего механика редкое имя — Радист, но все называют его по старой флотской традиции дедом. «Деду» нет и тридцати — ковбойка обтягивает крутые мускулис-

¹ Линия на карте, соединяющая точки с равными глубинами.

тые плечи. Но он успел уже побывать в Сан-Франциско, Ванкувере и Портленде. После войны рыбачил на Сахалине. «Дед» славится своими прищуренными карими глазами с искоркой-насмешинкой. На эти «кошачьи» глаза экипаж возлагает особые надежды во время ночного поиска.

Моторист Никодимыч — это настоящий дед с пышным белым венником бороды. Балтика и Азов, Черноморье, Камчатка, Сахалин — везде побывал, везде половил рыбки старик. Силен, могуч Никодимыч. И летом, и зимой краснеет из-под бороды голая закаленная грудь.

Познакомился я также с худым и тихим судовым коком Толиком, высоким добродушным белорусом Мишей Федоровичем и с Геней Торпедистовым — сухим, тощим, как мумия, и вспыльчивым, как порох, мотористом.

Разный народ свела на «Одессе» судьба, свела и заставила жить вместе, работать плечом к плечу.

Запомнился разговор с капитаном.

— Обыденный труд, — сказал он, когда пообедав, мы зашли в каюту. — Ищем косяки. Тянем невод. Штормуем. Впрочем, иногда читаем книжки и смотрим кино. На «Одессе» есть своя библиотечка и киноустановка. Все очень обыденно, — еще раз устало повторил он.

Потом капитан лег спать.

Матросы возили с берега лед и чинили невод. Кок лениво чистил похожих на большие блины камбал. Двое моряков вели разговор о прогрессивке, подсчитывали, сколько получают денег. Что-то около десяти тысяч, если этой ночью снова повезет.

— Надо заловить селедку с чеком на хвосте, — сострил один из них, поросший рыжей щетиной, в берете, надвинутом на лоб.

...Туман капельками оседает на брови, ресницы, волосы. Капитан время от времени вытирает лицо большим мохнатым полотенцем. Приглушенное грохотание двигателя. Шум рассекаемой форштевнем воды.

Вот стармех подался вперед, застыл, напряженно глядявываясь в одну точку.

— Слева косяк!

— Вижу!

Зарокотал руль. Сейнер мягко накренился влево. Теперь и мне показалось, что впереди на волнах что-то свет-

леет, а через минуту я уже явственно различил молочно-белое овальное пятно.

— Че-пу-ха! — разочарованно протянул капитан, когда оно промелькнуло у борта.

— Пятачок! Не стоит мочить невод, — согласился «дед».

Светящиеся пятна и полосы начали попадаться часто, но эхолот делал очень «тощие» записи — косяки были мелкие.

Капитан стал заметно нервничать. Посовещавшись с «дедом», решил спускаться южнее, где было видно особенно много огней.

Здесь туман лежал на море полосами, и сейнер иногда выскакивал на чистое место. Но тогда золотые дорожки от огней собратьев протягивались чуть ли не к самому носу «Одессы». Счастливики, сделавшие замёты, были иллюминированы как на карнавале: включили палубные огни. Это мешало. На море всюду были отблески света.

— Придется опять лезть в молоко, — проворчал Васильич.

Так прошел час, второй.

Кошельковый лов сельди на «фосфор» — это бессонные ночи и терпение. Это — азарт, риск, воля, верный глаз. Большим искусством, даже особым талантом, должен обладать капитан. Не так трудно найти косяк, как угадать — хорош ли он, чтобы решиться на замёт — выбросить за корму дорогостоящий невод длиной в полкилометра и высотой в сто метров. Еще труднее правильно сделать сам замёт — быстро, в секунды, окружить рыбу капроновой стеной и собрать невод снизу в узел, наподобие большого кошеля. Нужно учесть и «характер» косяка, и силу ветра, и течение, суметь описать циркуляцию так точно, чтобы невода хватило как раз на замкнутый круг. А «потянуть пустышку» — значит потерять ночь, зря порвать невод, заставить людей напрасно мучиться и мокнуть. Не избежать тогда попреков и косых взглядов!.. Вот почему иногда даже поседевшие на море рыбаки в момент замёта волнуются, как десятиклассники, и наоборот, на долю молодых, смелых и «рисковых» капитанов выпадает рыбацкое счастье.

Впереди опять что-то засветилось. Может быть, на этот раз повезет? Сейнер идет прямо на пятно. «Дед» замечает рядом с ним еще одно, поменьше.

— Попробуем их сбить! — кричит Васильич стармеху, энергично вращая колесо штурвала. Внизу захлебываются звонки. Слышится топот ног. Аврал!

Сейнер описывает круг за кругом, постепенно уменьшая их. Временами пятна пропадают. Тогда, чтобы найти их, стопорят машину и сразу же дают полный ход. Это пугает рыбу, заставляет всплывать, и пятна на мгновение ярко вспыхивают.

Наконец, два пятна сливаются в одно. Но что это? Большой косяк «очнулся», пришел в движение. Пятно, заливая палубу серебряным светом, мчится рядом с бортом, и никак не удается обогнать его. Уже пять, десять, пятнадцать минут длится погоня. Матросы с палубы бомбардируют «голову» косяка камнями, чтобы испугать, заставить свернуть.

Но вот сейнер вырывается вперед. Косяк светится у кормы.

— В рубке! Следите за эхолотом!

— Восемь метров! — через секунду доносится снизу.

Восемь метров — толщина косяка. Это подходит. Нельзя терять ни секунды...

— От-да-а-ть не-е-вод! — что есть мочи, звонким от волнения голосом кричит Васильич.

Во тьме за кормой остается шлюпка с желтым огоньком фонарика. Широкой белой полосой, вызывая фосфоресцирование воды, улетает назад невод. Звонко разговаривают кольца, через которые стяжной трос соберет потом невод в кошелёк.

Сейнер шумно пытит, выбрасывая клубы черного дыма. Все дальше и дальше огонек шлюпки. Кто остался там один на один с ветром, с волнами?..

— Кто у вас шлюпочник?

— Толик... Кок... Ловкий малый! — не оборачиваясь, бросает Васильич.

Еще пара минут — и шлюпка перед самым носом сейнера. Но машина уже работает задним ходом, гасит инерцию. Толик, в ватных брюках и полушубке, толстый, как купец, бросает снизу выброску точно в руки друзей. Вот тебе и тихий парень!

Опять топот ног. Короткие, как выстрел, хриплые выкрики. Лихая, моментальная работа. Замешкайся сейчас один матрос, дай не тот конец — и все пойдет насмарку.

Но все матросы, одетые в стеганки, жесткие проолифенные робы, треухи и зюйдвестки, ловки и проворны.

А за бортом в это время происходит нечто сказочное... Невод еще не поднимали, на судне по-прежнему темно, а вокруг горит тысячами огней феерия. Громадный круг невода весь сверкает и переливается серебряным и голубым светом. Его пронзают молнии — это матросы кидают камни в «ворота», чтобы косяк не вздумал выскочить из капронового плена. Кажется, что вот сейчас выйдут из этого сияющего круга нагие наяды и начнут танцевать на палубе, и Нептун ударит своим трезубцем.

И впрямь, над бортом нависает бородача... Это Никодимыч ухватился могучими руками за трос, навязанный к выброске, чтобы закрепить его.

Что-то случилось. Видимо, сейнер отбросила волна. Трос резко натянулся, чуть не вырвался из рук старика. К нему с кошачьей ловкостью прыгнул кто-то, кажется, Федорович, и тоже схватился за конец троса. Но развё под силу людям удерживать невод, когда ветер и волна бьют в борт, отгоняя судно!

Застучали вверх по трапу сапоги капитана.

Двоих, что держат трос, медленно тянет к борту. Вот гигантская сила стала разжимать их согнутые, напряженные в локтях руки. Еще несколько секунд — трос полетит в воду и... пропал к чертовой бабушке замет!

Рукоятку телеграфа — на «полный вперед», руль — до отказа вправо. Это рискованно (об этом Василий рассказывал после, а в ту минуту он метался по мостику, как одержимый), очень рискованно — можно «расколоть» невод. Но руки тех двоих уже вытянуты до отказа. Их тащит через борт...

Наконец, загрохотал двигатель. Сейнер пошел вправо, и натяжение троса ослабло. На помощь к Никодимычу бросилось еще несколько человек.

— Ну и ночь! — сказал Василий, вытирая рукавом лоб. И в тот же миг сказка за бортом исчезает — вспыхивают все палубные огни, прожектор. За бортом синевато-серые густые волны, масляные блики света, мокрые тугие концы.

Натужно скрипит на корме колесо неводной борочной машины, тугим жгутом вытягивая из воды невод. Потом его по частям вздымают на стрелу, и он обликает людей.

холодным соленым ливнем. На палубу шлепаются оранжевые морские звезды, серебристые трепещущие сельди.

Прошло три часа с того момента, как Васильич дал команду на замет, за это время никто ни на минуту не оторвался от дела. За бортом остался лишь кусочек невода, так называемая сливная часть, или «кормилица». В ней кипит, переливается всеми цветами радуги сельдь. Ее черпают из-за борта конусообразным сетчатым мешком — каплером и выливают на палубу.

Все вымокли до нитки, но странное дело, на лицах нет и следа усталости. Присказки, шутки.

Кок Толик работает вместе со всеми и поэтому обращаются к Никодимычу:

— Жучок есть?

— А как же!

Старик лезет в люк машинного отделения и вскоре возвращается с охапкой «жучков». Это непотрошенная и нечищенная селедка, обернутая газетой, и в таком виде испеченная на коже главного двигателя. Вкусная вещь!

Васильич в ките (полушубок давно сброшен) стоит по колено в рыбе у лебедки и, возбужденно махая руками, кричит мне:

— Вот видите, «Одесса» и нынче — не последний корвет в эскадре. Шесть ночей не спим. Шесть ночей подряд с рыбой. Две тысячи центнеров. Держим марку!

Туман становится все гуще. Но все равно быстро светлеет. Над палубой, как лимон, желтеет забытая лампа.

Юнга

Где-то к югу от точки, в которой вторую ночь вела поиск «Одесса», туман набух багрянцем... Ну, и достается тем, кто по какой-либо надобности, не считаясь с интересами других, включает в районе промысла огни!

— Вот нахалы!

— Пираты!..

— Отставить разговоры!.. Справа по носу косяк!

Вот опять над горизонтом эта багровая краюха. Светит красным глазком рация «Урожай»: свист, гам, крики. И вдруг далекий взволнованный голос:

— Человек за бортом!.. Следите за мной!

И враз замерла разногласица, замолкли «Бутоны»,

«Конспекты», «Контрабасы», и взволнованный голос один заполнил весь эфир:

— Человек за бортом!.. Я — «Ола». Даю красные ракеты. Следите за мной!

Зловещий оттенок приобретает ночь!..

— Включить палубные огни! Прожектор! Сыграть аврал! Право на борт. Держать на красный огонь!

Все семнадцать, кроме вахтенного моториста, выбегают наверх, на крылья мостика и бак.

Посвистывает, потрескивает «Урожай».

Огнями расцвело море. Один, второй, третий... Десять, двадцать прожекторных лучей перекрещиваются на волнах. Ракеты обжигают небо.

Человек за бортом... Кто он? Капитан, механик, матрос?.. Неважно — кто! Если понадобится, весь флот прекратит поиск и включит огни ради того, чтобы спасти жизнь одного человека.

Наутро узнаю, что произошло на «Оле».

Во время замета, когда сейнер подходил к шлюпке, двигатель не смог отработать назад и погасить инерцию судна. Послышался треск дерева, крик снизу, из тьмы, и все смолкло.

Сейнер проскочил вперед еще метров сто. Все взоры были обращены за корму, где остался шлюпочник, боцман Черняев. Приглядевшись, можно было заметить, как он, в ватнике и тяжелых сапогах, барахтался в волнах.

Самое скверное было в том, что сейнер никак не мог развернуться или подойти к шлюпочнику задним ходом: за кормой висел невод. Стали бросать спасательные круги и выброски, но они не долетали, и течение относило их в сторону.

Холодна вода Охотского моря. Даже в июне недолго сможет продержаться в ней человек. Двадцать минут — и все: сведет судорогой ноги, потом руки, остановится сердце. Об этом знал каждый.

Боцман стал пропадать из виду... Он был хорошим парнем — первым рыбаком, гармонистом, судовым остроловом. И вот сейчас товарищи смотрели, как он барахтается в волнах, и ничем не могли помочь ему.

— И-эх! — всей грудью выдохнул капитан, рванув застёжки полушубка. И в тот же момент кто-то шмякнул

о палубу сапоги, и тонкая фигура в тельняшке на миг выросла над планширом.

Только спустя, может быть, минуту или две, когда человек, прыгнувший за борт, уже пошел кролем, рыбаки догадались, кто он, этот храбрец.

— Да это ж юнга!

— Практикант!

Что знали о нем на судне?.. Москвич. Отец где-то там, в столице, работает в универмаге. На Дальний Восток приехал два года назад. Учится в мореходке. Вспомнили, как боцман учил его вязать выбленочный, беседочный, шкотовый узлы и, как всякого салагу, посылал... на кло-тик за кипятком. Впервые став на вахту, юнга укачался, бросил руль и лежал бревном. Никто и не подозревал в нем ловкости в плавании!

И вот, на тебе — плывет. Держит в зубах конец выброски и толкает два спасательных круга, которые перед этим бросили боцману.

...Никогда раньше не приходилось Грише Желябину плавать в дальневосточных морях. Взлетая на волны, он видел впереди то голову, то руку боцмана, а холод все сильнее жег тело. Но Гриша ни разу не обернулся назад, думая об одном: только бы доплыть!

Боцман уже в двух метрах. Гриша видит его округлившиеся глаза. Последнее усилие, и теперь остается лишь навязать выброску на круг. Он с трудом разжимает затекшие челюсти. Пальцы не слушаются. Мелькает мысль, что боцман может не выдержать, и Гриша решает сначала помочь ему — толкает круг. Но в этот же момент из пальцев другой руки выскальзывает конец выброски. Она извивается на волне. Ее относит.

Гриша уже выбился из сил, тело онемело. Он подтягивает под грудь круг, чтобы отдохнуть, но в голове мелькает мысль: «Если выброску унесет, ни он сам, ни боцман не доплывут до сейнера». Собрав все силы, он резко бросается в сторону и успевает схватить конец.

«Не спешить!» — приказал он себе и с осторожностью стал обвивать выброской сначала один, а потом и другой круг, за который держался боцман. И только после этого услышал ободряющие крики с сейнера и свое бурное дыхание, увидел огни подходящих с трех сторон судов и рядом — лицо боцмана.

Им протягивают руки, их вытаскивают на палубу — крупного, широкоплечего боцмана в ватнике и щуплого, маленького юнга в тельняшке.

— Ну, и что, боцман больше не называет тебя салагой? — спросил я у Гриши Желябина, когда он окончил свой рассказ.

— Что вы! — ответил юнга. — Он же такой!.. На палубу вылез в одном сапоге, зубы стучат, а смеется. Говорит: «Вы думали я тону? Да это я сапоги снимал, чтобы побыстрее к вам добратся, а то ведь вы без меня, небось, соскучились»... Шутник он, — добавил Гриша.

Круглое мальчишеское лицо, блестящие большие глаза, полоски «морской души» на груди — таким запомнился мне юнга с «Олы», в семнадцать лет пересекавший просторы страны, чтобы подружиться с суровым восточным морем.

Фома

По «Урожаю» слышно, как несколько голосов требуют транспортных суда: уловы большие, на свою палубу не возьмешь и половину рыбы, попавшей в «кошелек». Особенно усердствует «Конспект 37-ой». Охрипшим голосом он поочередно зовет своих братьев: «Конспекты — 40-й... 41-й, 43-й». Но те его не слышат, и «37-ой» начинает перекличку сначала. Наконец, чуть не плача, он обращается уже ко всем рыбакам:

— Суда, находящиеся в море! Кто хочет залиться рыбой? Подходите к борту. Подходите, пожалуйста!

У рыбаков есть закон: взявшийся доставить часть улова на берег получает на свой счет сорок процентов от этой части. Но никто на этот раз не откликается на выгодное предложение «37-го». Почти у всех свои уловы.

— Тяжело ему, бедалаге, придется в эту ночь, — замечает капитан.

— И часто так бывает?

— Часто, — пожимает плечами Васильич. — И мы в такой переплет попадали.

— Но почему же так?!

— Вот походите еще с нами, узнаете, — многозначительно сказал мой собеседник. — А еще лучше, поговорите

с Фомой. Он вам все растолкует. Он давно против этого борется.

— Не спеши, не спеши. Видишь, какие у меня скороходы? Не сразу скорость наберешь... Но зато уж потом остановишься, — говорил Николай Гаврилович Фоменко, или Фома, как по-свойски зовут его рыбаки, тяжело шлепая по пыльной дороге громадными сапогами, похожими на ботфорты Петра Первого.

Это грузный человек, с седым ежиком волос и большим кирпично-красным лицом, с которого смотрят умные, вечно прищуренные глаза. Его юность началась на парусной байде на Азове. В тридцатые годы на деревянных сейнерах, только что появившихся на Дальнем Востоке, он гонялся за косяками сардины у берегов Приморья, а после войны стал энтузиастом и организатором активного морского рыболовства на Сахалине. Многие из бывших его матросов плавают нынче капитанами и штурманами, но старый мастер лова, став флагманским капитаном, по-прежнему передает опыт молодым рыбакам, пересаживаясь с одного судна на другое, «вытягивая» отстающих.

— Да, серьезный вопрос ты мне задал. Серьезный. В самую точку попал. Ох, и серьезный вопрос! — по многолетней привычке, выработанной на капитанских часах, Фома в разговоре повторял слова. — Сейчас у нас такой флот, такая техника, кадры, что мы можем давать рыбы в два-три раза больше. Да, в два-три раза больше, если...

— Как бы тебе лучше разъяснить, чтобы ты понял нашу специфику?.. Представь себе, что комбайн выехал на поле убирать пшеницу и работает так: намолотил бункер зерна — едет на колхозный ток километров за пятьдесят. Ссыпал, вернулся, намолотил еще бункер — и опять на ток... Глупо, правда?.. Так вот у нас приблизительно такая же картина получается: поймал сейнер полсотни центнеров рыбы — тащи на базу, хоть до нее иной раз восемь-десять часов хода. Я к чему привел этот пример? Наши сейнера тоже называются комбайнами. Этот тип судна приспособлен для работы разными орудиями лова, всякую рыбу может ловить. И так же, как зерновой, рыболовный комбайн способен работать бесперебойно, днем и ночью, если обеспечить его транспортом... На поле за комбайном закрепляют три-четыре грузовика. У нас автомашина, пожалуй, за-

буксует на зыбях, а вот приемо-транспортные суда, плавание 'посольные базы очень подошли бы.

— Теперь представь себе другой момент. Сейнерный лов, так сказать, оптовый. Можно неделю зря ходить по морю, но потом оно сразу наградит тебя за терпение огромным уловом. Скажем, поймал сейнер тысячу центнеров. Да-а. Учти, что так часто бывает. Если бы оказался у него под боком транспорт — сейчас бы он на него семьсот центнеров налил, остальные взял на себя. Но транспорта нет. Вот и приходится мучиться, как тому «конспекту», про который ты мне говорил... Правильно, Захарыч? — обратился Фома к шедшему с нами сутулому рябому механику Сурикову.

— Верно, — мрачным басом подтвердил механик.

— Но это еще не все, — продолжал Фома. — Видишь, вон, на пирсе, штабеля ящиков под брезентом? Я на них уже две недели смотрю. Это готовая продукция — малосолом называется. Жирная, вкусная штука! Деликатес. Но нежная. Нельзя малосол держать под открытым небом: портится, превращается во второсортную продукцию, в ржавую селедку, которая только пьяницам на закуску и годна. А сколько государство теряет! Во-первых, рыбак доставил рыбу свежую, как огурчик, и получил за нее как за первосортный сырец. Во-вторых, дополнительные расходы на переработку малосола иной раз превышают основные. Вот почему она золотой рыбкой оборачивается, селедка-то.

— — Две недели лежит этот малосол. Ждет рефрижератора, который должен доставить его во Владивосток. Рефрижераторы! Все упирается в них. Каждую путину дело кончается тем, что мы ставим весь флот на прикол, потому что береговые базы, завалившись готовой продукцией, не могут больше принимать сельдь.

— В чем же самый корень зла? Да в том, что добывающий флот за последние годы резко увеличился, а рефрижераторный остался пока на прежнем уровне. Диспропорция получилась. Я считаю — это ошибка бывшего Министрства рыбной промышленности. Но думаю, добьемся своего, создадим конвейер, чтобы рыба из невода шла прямо в посольные чаны, а оттуда — на холодильники и в магазины. Я вот как-то пораскинул мозгами: именно так, по конвейерному методу, и будут рыболовные суда работать в будущем.

Некоторое время шли молча. Наше внимание привлекла сцена, происходившая у крыльца магазина. Там лежал навзничь в пыли безусый матрос в разорванной рубаше, из-под которой виднелась тельняшка. Возле него топтался другой матрос с черной взъерошенной шевелюрой. Выпи-сывая ногами кренделя, он пытался приподнять товарища и орал:

— Вира якорь, керя!

— Вот еще одно зло, — снова заговорил Фома. — Основной состав экипажей — хорошие, работающие хлопцы, настоящие рыбаки-профессионалы. Но есть временные люди, гоняются за длинным рублем — я их золотоискателями зову. Есть бичи... Знакомо тебе это слово? Это те, кто не любит работать, кто, сойдя на берег, считает за доблесть и шик напиться, нашуметь. Их немного, но все равно — это позорное явление! Тут сказывается слабость воспитательной работы на рыболовном флоте. Недостаточно борются наши партийные, комсомольские организации за коммунистическую мораль... Вместе с тем нет еще у нас хороших условий для отдыха на берегу. Не хватает квартир. Нужны межрейсовые дома рыбака, где можно пожить в уютной обстановке, культурно отдохнуть; специальные суда — культбазы.

Когда мы подошли к штабу рыболовной экспедиции, Фома направился к своему начальству, а я остался ждать его на крыльце. Мне очень хотелось продолжить разговор. Этот старый рыбак и старый коммунист, с его любовью, к рыбацкому делу, с его нетерпимостью к недостаткам и дальновидностью, умел, как никто иной, поэтично рассказывать о труде на море и дать верные характеристики людям.

Но когда Фома вышел из штаба, лицо его было озабочено, и на этот раз он с места взял такую скорость, что я за ним еле успевал.

— Только что разведчики новость сообщили. — сказал он. — Косяки спустились к югу. Сегодня весь флот пойдет к Алаиду... Ну, мне в порт, — остановился Фома на перекрестке. — Спешу.

ВЕТЕР ОТ НОРД-ВЕСТА

Над головой басовито и тревожно гудел ветер. Даже по бухте шел большой накат, а пролив потемнел и покрыл-

ся беляками. С моря одна за другой возвращались мелкие рыбацкие «единицы». Подымался шторм.

Наконец-то мне удалось встретить «828-ой», маленький железный бот с пятью звездами на рубке!¹

На его палубе два рыбака, в одинаковых стеганках, сапогах и шапках, с молниеносной быстротой орудовали игличками, зашворивая порванную сеть. Один из них, приземистый, плотно сбитый, неожиданно подняв голову, окинул меня взглядом.

Это и был Михал Михалыч Трубчанин.

Он пригласил меня к себе домой...

Осматривая комнату, замечаю висящий на спинке стула морской китель, к правому борту которого прикреплен новый, сияющий золотом орден Ленина, фотоаппарат, ружье, гармонь...

— Это вы играете?

— Балуюсь. До войны, девочки хвалили, — неплохо играл, а теперь вот купил и приходится учиться заново.

Он накинул на плечо ремень, тронул изуродованной левой рукой басы, и они загудели, как потревоженные шмели. Пальцы правой легко пробежали по голосам, взяв плясовой перебор.

— Сашк! Иди-ка сюда. А ну!..

На столе лежит арбуз,
На арбузе муха.
Муха злится на арбуз,
Что не лезет в брюхо, —

бойко отчеканил белобрысый шестилетний малыш, сынишка капитана.

— Азовские частушки играем с этим вот артистом, — улыбнулся Михал Михалыч. — Мы ведь с Азова. И отец там рыбачил, и дед.

Дом их стоит среди серебристых тополей на обрыве, у самого моря, в нем прошло детство Михалыча, из него уходил на фронт, уезжал на Курилы.

Глаза капитана сузились в веселой усмешке, когда он рассказывал о красавице-шлюпке, что имеет парус в пятнадцать аршин... И о чебаке, который мать начиняла икрой, капустой и запекала в духовке. (Ох, и вкусен же тот чебак!)... И о старике Манульиче, что отстегал его смо-

¹ Звезды на рубке — знаки рыбацкой славы. Каждая соответствует одной тысяче центнеров рыбы, добытой экипажем.

ленным концом за то, что, парубкуя, он угнал однажды ночью в море колхозный каюк.

— Вот это старик был! — захохотал капитан. — Так отодрал, что на всю жизнь, извините за выражение, рубцы остались на мягком месте.

В комнату заглянула хозяйка и пригласила к обеду.

Мы сидели за столом, ели аппетитный балык домашнего копчения, борщ и яичницу, а ветер все усиливался, словно какая-то громадная масса наваливалась на крышу. Дом вздрагивал.

— Хорошо, что мы успели, — сказал Трубочанин. — Ветер с норд-веста заходит. Не завидую тому, кто сейчас в море!..

Несколько секунд он прислушивался, и в комнате установилось молчание. Потом сказал:

— Нас самих однажды так прихватило, что никто в кубрике не остался. Стояли в рубке и конца ждали. Целую ночь! В таких случаях сразу тоска нападает. Думал я тогда... Дал зарок: хватит! Если доберусь до берега, больше не пойду, распрощаюсь с Северо-Курильском. Уеду на Азов. Да, давал я себе такой зарок...

Свиреп и грозен северо-западный ветер. Родной брат тайфунам и ураганам, словно сорвавшись с цепей, несется этот ветер над морем и, встретив на пути острова, с огромной силой обрушивается на них. Прижимая к земле кедрач и ольховник, срывая с гор белые покровы и превращаясь в снежную бурю, он ревет в проливах, как в гигантских трубах.

Узкий и извилистый, стремительный, полный рифов, страшен в эту пору Второй Курильский пролив. Недаром пользуется он дурной славой у моряков!.. Едва почувствовав приближение норд-веста, спешат к берегу птицы, торопятся рыбаки, океанские пароходы немедленно поднимают якоря и уходят из бухты штормовать в открытый океан.

А ветер с каждым порывом усиливается. Радисты с берега все чаще, все настойчивее и тревожнее стучат ключами и кричат в эфир: «Всем судам в море... всем судам в море...» И вот уже летит в лица водяная пыль, и всюду пляшут белогривые волны.

Спешите, рыбак! Крепче хватайтесь за тугие концы, прибавляя оборотов лебедке.

— С огоньком, хлопцы, с огоньком!

Но однажды они не успели.

До ковша оставалось «пробежать» всего минут двадцать, как вдруг из-за мыса ударил такой ветер, что сейнер, не в силах преодолеть его напор и встречное течение, почти остановился.

Отстранив матроса, капитан сам стал на руль. Он надеялся все-таки «проскользнуть» за мыс, «прижаться» к берегу и пройти в ковш. Ведь он знал пролив, как свои пять пальцев: не раз приходилось искать порт в тумане! Но большая волна с грохотом ударила по баку и залила палубу по планшир.

Матросы не ждали приказа. Выскочив из кубрика, они свалили рыбу в трюм, прямо на ваера, но не успели задрать его, как волна опять хлынула на палубу и окатила людей.

Ничего в этом не было особенного. Рыбаки часто купаются в морской воде. В другой раз они пошли бы в кубрик, переоделись в сухое, растопили печку и вскипятили чайку, но сейчас, мокрые и угрюмые, один за другим вошли в рубку.

Навалившись грудью на колесо штурвала, не отрывая взгляда от плывущей картушки компаса, капитан чувствовал, как они дышали ему в затылок. Шесть человек. «Матросня», как он с шутливой и грубоватой лаской иногда называл их. С ними не первый год делил он тяготы рыбацкой жизни, знал, они уважают его, верят в его капитанский талант и удачливость, и все-таки... Ясное дело, они чувствовали недоброе, боялись сидеть в железном ящике кубрика. В трюм попала вода...

Пыхнув изжеванной папироской, капитан взглянул на часы. Было ровно двадцать три.

Обычно в это время сейнер стоял под бортом рефрижератора, а в счастливые вечера они уже, не спеша, шли домой... И все-таки какой-то голос в нем трезво говорил: «Надо было сделать этот последний замет — еще раз проверить трал. Слишком много дней возились с ним, чтобы сейчас, когда все висит на волоске, подпортить дело».

Трал... Много лет ловили треску удочкой, переняв у японцев «тэн-тэн». Бросали за борт нитку с крючком, наживив на него кусок селедки. Целый день «голосовали»: махали руками вверх—вниз. Вот и весь этот проклятый капиталистический метод! Зимой и весной, в дождь и мороз кололи крючками пальцы, голыми руками отцепляли каждую рыбину.

Как обрадовались рыбаки, когда привезли тралы! Но то ли они были неправильно пошиты, то ли не подходили для курильских вод — все, кто взял их, вернулись с моря без улова.

Рыбаки отказались от тралов. Только «828-ой» продолжал «цедить» воду.

Трубчанин был удачливым капитаном. Ориентируясь по горным вершинам, по мысам и водорослям на воде, он безошибочно отыскивал банки, а когда они скудели, доставал истрепанную по краям карту... Не раз открывал он на морском дне такие клады, что весь флот наутро пристраивался в кильватер «828-му».

Однако на этот раз рыбацкая фортуна отвернулась от него. Трубчанин испытывал трал на излюбленных, самых уловистых банках, тралил по течению, против, перпендикулярно течению. Исчеркав ворох бумаги, он изменил конструкцию трала. Напрасно! Зря были потеряны десять дней. Разругавшись с начальником отдела добычи, который приказал прекратить «бесплодные эксперименты», Трубчанин выпросил у директора рыбокомбината еще пару дней. Он решил попробовать трал при двойных водах, когда течения с океана и с моря уравниваются друг друга, и три дня назад «матросня» плясала на палубе, бросая в небо шапки и зюйдвестки, потому что кутец был полон крупной трески.

Да, надо было сделать этот замет, чтобы еще раз доказать преимущество трала. Восемьдесят центнеров трески в трюме... Вот удивятся-то те, кто три дня назад, завидя или не понимая, еще насмехались над ним!

Он опять взглянул на часы. Прошло еще тридцать минут, но впереди по-прежнему не было ни маяка, ни огонька, никаких признаков берега. Чтобы хоть как-то ободрить молчавших за спиной товарищей, он кашлянул и хрипло сказал:

— Обходим Левашова!

Трубчанин не был уверен, что они обходят этот ближайший к дому мыс, возможно, сейнер снесло на юг, но пара слов, сказанных капитаном, возымела эффект. Он почувствовал за спиной движение. Послышался голос:

— А помнишь, Михалыч, как семнадцатую шхуну-то мы спасали, как ты выскочил в кальсонах якорь-цепь рубать?

— Кажется, Левашова, а там черт его знает, — вы-

ворачивая штурвал и не ответив на вопрос, опять пробормотал капитан.

Волна завалила сейнер на левый борт и вынесла на гребень. Судно, лихорадочно молотя винтом воздух, застыло, казалось, на целые минуты. Матросы попадали. Только капитан, словно ноги его были привинчены к палубе, удержался в наклонном положении и еще плотнее навалился на штурвал.

Дыхание за его спиной стало хриплым и частым. Послышалась крепкая ругань. Но капитан даже не успел обернуться. На сейнер с грохотом обрушилась вторая волна, и показалось в этот момент, что несколько пулеметных очередей враз и со всех сторон прошли корпус. Зазвенело стекло. Осколки брызнули в рубку. Тугой струей ворвался ветер и запорошил снегом глаза.

Лишь через несколько секунд капитан понял, что значил этот грохот: ледяная шуга!.. Ни один осколок не коснулся его лица, но он почувствовал боль, словно и сам испытал силу удара, который принял на себя сейнер. Только сейчас он впервые по-настоящему почувствовал страх и понял меру опасности... Неужели это последняя волна?..

Сейнер лежал на левом борту. Машина изнывала. Семеро в рубке слушали ее надсадный стук, ждали: вот-вот оборвется.

Капитан рванул рукоятку «телеграфа». Звонки вернули надежду: машину не залило, механик держал себя молодцом!

Корпус уже не трясся в лихорадке вибрации. Винт погружился в воду, и вновь заработали все восемьдесят лошадиных сил двигателя. Сейнер покатился с пологой кипящей горы.

Высунув голову в окно, капитан вглядывался в снежную мглу. Ничего невозможно было в ней рассмотреть, но по каким-то признакам он почувствовал близость рифов. Мысль заработала четко и быстро: «Сбились с курса... бессмысленно рисковать... бесполезно просить помощи, вряд ли кто сумеет выйти в пролив и найти их...»

Выждав момент, он резко скатал руль до предела влево.

— Держись!..

Несколько раз сейнер положило с борта на борт. Картушка компаса быстро поворачивалась, и когда на румбе было почти 90 градусов, капитан выровнял руль.

— Придется ждать рассвета!

Теперь ветер бил по корме, и сейнер быстро несло в открытый океан во власть стихии. Оставалась надежда лишь на устойчивость судна, на механика, что обтирает тряпкой горячий дизель, на свои руки, уводящие сейнер от больших волн.

О чем думал капитан в ту ночь, длинную, как дорога от Азова до Курил? Может быть, о жестокости и неумолимости океана? В первые годы жизни на Курилах, когда работали еще на старых деревянных шхунах, ему часто приходилось быть свидетелем бедствий. Видел он, как люди с выпученными от ужаса глазами обнимали мачту тонущей шхуны, как жгли факелы и плыли на шарах. Не раз капитан Трубчанин подавал буксирный трос, бросал за борт спасательные круги, выручая товарищей. А было и так, что сам, сбившись в пурге с курса, чуть не разбил катер о камни, и вынужден был всю ночь с помощью якоря и работающего двигателя держаться против ветра...

А может быть, Трубчанин вспоминал трудную пору после «стихий»? Он был в отпуске и жил на Азове, но когда услышал о цунами, поспешил вернуться на остров. Здесь еще продолжались землетрясения. По ночам, как палуба катера, дрожал под ногами пол, сотрясались стены...

Мысль о том, что он уже не раз испытывал судьбу, ужаснула Трубчанина. И тут второй голос, голос ветра, страха, на некоторое время завладел его сознанием, громко закричал в уши: «Вспомни, рыбак! Не одна бочка пляшет на волнах пролива, указывая место, где затонуло судно, не один остов ржавеет, в растаявшем в песок, на берегах. Это океан берет дань. Пораскинь хорошенько мозгами! Одна секунда — и потеряешь все: и Сашку, который скоро уже потопает в школу, и берег, где люди спокойно спят по ночам, и дом на обрыве».

Всю ночь ревел над океаном ураганный ветер, и шторм обрушивал на судно громовые удары. Всю ночь стоял на руле капитан, никому не позволяя заменить себя. Никто не знал о смятении в его душе — ни ночью, ни в тот час, когда над неприхотным океаном забрезжил мутный робкий рассвет и, скатав руль вправо, капитан снова взял курс на nord. Не о многом догадались матросы и тогда, когда с висевшей плетью рукой капитан тяжело спрыгнул на настил пирса.

День угасал, сквозь серые тона неба проступала холодная синева, когда мы вышли на улицу.

— Что же случилось после той ночи? Почему вы остались? — спросил я Михал Михалыча, который в черном блестящем дождевике шел рядом со мной по дороге в порт: он хотел посмотреть, все ли в порядке на судне.

— Ничего не случилось, — ответил он. — Просидел неделю на бюллетене из-за руки — и такая тоска взяла по морю!.. Знаешь, — понизив голос, словно поверяя тайну, продолжал он, — рыба здесь колоссальная! Есть где силенку приложить. На Азове оно хоть и спокойнее, но рыбки маловато. Да-а, брат.

Тугой струной гудел в вышине ветер. Шумел взбужденный штормом пролив. Когда мы подошли к порту, в лицо, словно тополевыи пух, полетели белые хлопья пены. Они оставляли на губах соль.

Океан в буйной, но бессильной ярости бился о бетонный брекватер¹ ковша, в котором, как в крепости, укрылись до времени рыбацкие «единицы».

ОБЫКНОВЕННАЯ ЖЕНЩИНА

Ломакина... Где мне приходилось слышать эту фамилию? Кто она, автор заметки о коллективных огородах? — раздумывал я, передистывая подшивку Северо-Курильской районной газеты.

— Самая обыкновенная женщина. Домохозяйка. Варит борщи, стирает белье, ходит с авоськой по магазинам и так далее, — ответил на мой вопрос ответственный секретарь газеты. Но по лицу его было видно, что он лукавит и чего-то не договаривает.

— Не совсем, конечно, обыкновенная, — возразил второй работник редакции. — Огурцы выращивает, помидоры! С тех пор, как приехала на Парамушир, а это было давно, еще до цунами, — каждый год у нее рекордные урожаи.

Услышав слово «цунами», я сразу же вспомнил рассказ одного курильского старожила. Да, значит, эта Ломакина — как раз та самая Ираида Ивановна, что в ночь 5 нояб-

¹ Внешняя стенка, волполом порта.

ря 1952 года приняла в свой дом оставшихся без крова людей и раздала им всю свою одежду.

Решив немедленно познакомиться с ней, я отправился в «поселок ГЭС», расположенный километрах в трех от города, где три громких речушки, падая с обрыва, возвращают турбины маленькой электростанции.

Ираида Ивановна работала на крохотном огорожке, влажно черневшем под окнами дома. Прислонив к завалянке лопату, она распрямила спину, и я увидел полную женщину с большими натруженными руками. Из-под платка выбивалась прядь волос, словно посыпанная снегом, но в глазах сохранились искорки молодости. В манере держаться, в грудном окаяющем говоре чувствовались доброта и приветливость, умение ладить с людьми. Она была похожа на старую учительницу.

В комнате, сплошь заставленной консервными банками с огуречной рассадой, мы просидели до самого вечера.

Трудно жилось в Северо-Курильске людям, прибывшим с первыми пароходами весной 1946 года. Не было картофеля и овощей, кончились привезенные с собой лук и чеснок. Кое-кто посадил редиску и капусту, но всходы пожухли.

— Гиблое место. Все съедает туман. Ничего не вырастет, — говорили волжане и украинцы, приморцы и сибирики.

Дурная слава о курильской земле еще шире распространилась среди переселенцев, когда у многих стали пухнуть и кровоточить десны.

Цингал.. Это зловещее слово угнетало людей.

У дороги на ГЭС, в кустарнике, стояли выкрашенные в зеленый маскировочный цвет японские зенитки. Давно уже были заклинены на них замки, в бессильной злобе застыли стволы, нацелившиеся в небо, и люди ходили мимо без опаски... Такая же бессильная злоба сквозила иногда и во взглядах соседа Ломакиных, гражданское платье которого не смогло скрыть многолетней офицерской выправки. Его звали Иномато. Он вечно молчал. Молча кланялся, издав себя завидев Ираиду Ивановну, молча садился пилить дрова, сложив ноги калачиком, молча жевал черемшу.

Эта сочная густо-зеленая травка — простейший продукт земли — могла спасти от цинги.

— Где растет черемша?

— Моя не понимай, — вежливо улыбался сосед.

Иномато жевал черемшу и молчал. Молчали зеленеющие горы с белыми вершинами. Там — ущелья и туман, медведи и одичавшие собаки. Боязно идти туда. И все-таки Ираида Ивановна подговорила своих подруг. Засунув в карманы стеганок по куску хлеба, три женщины отправились в горы.

Через час они попали в такие заросли, что еле выбрались. Когда вышли к быстрой каменной речке, кто-то сказал:

— Форсировать придется.

— Ну, давай — форси первой!

По икрам ударила тяжелая ледяная струя, ноги заломило от холода. Ираида Ивановна почти выбежала на противоположный берег. За ней — подруги. Только обнулись — опять речка.

Тщательно оглядывали травянистые поляны, но черемша не попадалась. Белое пятнышко солнца, еле различимое сквозь слоистые облака, уже клонилось к закату, когда женщины спустились в зеленую падь. Только разошлись в разные стороны, как чуть не разом закричали:

— Есть!.. Хоть косой коси!..

Обратно идти было труднее. Каждая несла по туго набитому мешку. На остановках помогали друг другу взвалить ношу на плечи. Белое пятнышко солнца пропало. В распадках и ущельях скапливалась тьма.

— Давайте по полмешка выбросим. Все равно столько не донести!..

— Ну, начинай, Ираида, выбрасывай!

— Нет, уж сначала вы, потом я.

Согнувшись под тяжестью драгоценного зеленого груза — пищи и лекарства, они продолжали свой путь. В вечерней тьме брели наугад, по камням, по зарослям кедрача; скользя и пошатываясь, переходили речки...

Первый поход за черемшой не отбил у Ираиды Ивановны охоты к новым путешествиям. Наоборот, она прирасталась к ним, быстро узнала черемшковые, грибные и ягодные места. До поздней осени чуть не каждый день

цепочка женщин под ее предводительством поднималась в горы. Не пугались ненастья, когда снег застигал женщин в пути, применялось испытанное средство — «такси»: садились на снег и съезжали с горы прямо к поселку ГЭС.

В доме Ираиды Ивановны появились маринованные грибы, варенье многих сортов, ягодные соки. Всеми этими припасами она потчевала соседей. Однажды завернуло на чашку чая даже районное начальство.

— Кушайте, кушайте, у меня все свое, — приговаривала хозяйка. — Здесь жить можно.

— Да, здесь жить можно! — улыбались гости.

В ту памятную осень, когда случилось цунами, Ираида Ивановна вырастила картофель, капусту и редиску. Это удалось ей потому, что она сделала вокруг огорода земляной вал, предохранивший посевы от ветров и туманов.

С нетерпением ждала Ираида Ивановна весну. Апрель еще шумел пургой, а в банках у нее зеленели огурцы. В мае стояла теплая погода, и Ираида Ивановна разбросала с огорода снег, выкопала четырехугольную яму наподобие парника, прикрыла сеткой. В эту яму и высадила «на испыткок» огуречную рассаду и три куста помидоров. Вырастут ли они в открытом грунте? Все, с кем ни говорила, единогласно отрицали: нет.

С раннего утра и дотемна копалась Ираида Ивановна в огороде. Рыла землю, носила удобрения. Соседи посмеивались:

— Весь остров решила засеять, Ивановна?

— Не смейся народ, — говорил муж. — Огурцы на Курилах! Да ты что, рехнулась?

Огурцы и помидоры, посаженные «на испыткок», уже зацвели, когда однажды вечером навалился густой туман. Он стался языками по земле, забирался в каждую ямку. Ночью Ираида Ивановна вышла на улицу. Туман не расходился, было холодно. Осторожно, чтобы не разбудить мужа и сына, зашла в комнату, взяла одеяло и прикрыла парник.

И вот наступил день, когда она сорвала несколько нежно-зеленых, запашистых, пупырчатых огурцов... Заходили соседи, вертели их в руках, нюхали, разрезали. Простили раскрывать секрет.

— Просто труд надо вложить, — говорила она.

Шел конец сентября, стояли тихие и солнечные дни.

Молва о местных огурцах разнеслась по всему острову. Ираиду Ивановну пригласили на районную сельскохозяйственную выставку. «Поверят ли, что такие красавцы выросли у нас на острове?» — размышляла она и, чтобы не было кривотолков, представила целую плеть с пятью огурцами.

...Идет собрание районного партийного актива. Домохозяйка-коммунистка Ломакина сидит на первом ряду и, волнуясь, вспоминает молодость. Ее жизнь была полна труда, дорог, испытаний... Няньчила чужих детей, а по вечерам садилась за стол ликбеза... С винтовкой в руках конвоировала взятого товарищами из чека вредителя-кулака... Организовывала рыбацкие ватаги и женсоветы на астраханских промыслах... По приказу партии отправлялась на борьбу с бюрократизмом... Потом — Приморье, остров Путятин и колхоз «Гнездо партизан», куда в первый год войны послал ее райком на уборочную. В этом колхозе, наверно, и по сей день хорошо помнят Ираиду Ивановну — ведь это она организовала там детясли. Она же стала председателем сельского совета, когда мужчины уехали на фронт.

Ушли молодость, здоровье, но навсегда осталась широкая натура: больше — для людей, а для себя щипочками-урывочками. Нынче — ломота в пояснице. Пожалуй, уж и не вскочить на коня! Но разве она не может принести пользу людям?..

Ираида Ивановна идет к трибуне.

— Раньше считали, что курильская земля бесплодна. теперь все знают, это — вранье, — говорит она. — Нас девятьсот человек нынче, огородников. Я рада, что почти все выращивают картошку, капусту, морковь и редиску. Со временем будет у нас вдосталь огурцов и помидоров...

— Как вы производите опыление? — слышится голос из зала.

— Насекомых на острове мало. Поэтому беру куриное перо и каждый цветок с завязью обсыпаю пылью с пустоцветов...

Ираида Ивановна рассказывает о земляных щитах. С горечью говорит о том, что на острове еще не используют все возможности для развития овощеводства. «Надо создавать большие коллективные огороды!» — вот главная мысль ее выступления.

ТЫ СЛУЖИШЬ ЛЮДЯМ, ГОРДЫЙ АЛАИД!

«В западной стороне от помянутых островов (Курильских)¹ есть пустой остров, который на карте под именем Анфиногена объявлен, но курилы (айны) называют его Уякужачь, то есть высокий камень, а казаки Алаидом... Об Алаиде есть следующая басня, которую рассказывают курильцы, живущие около великого Курильского озера (на юге Камчатки): будто помянутая гора стояла прежде сего посреди объявленного озера; и понеже она высотой своею у всех прочих гор свет отнимала, то оные непрестанно на Алаид негодовали и с ней ссорились, так что Алаид принуждена была от беспокойства удалиться и стать в уединении на море; однако в память своего на озере пребывания оставила она свое сердце, которое по-курильски Учици., а по русски Сердце-камень называется, которое стоит посреди озера и имеет коническую фигуру. Путь ее был тем местом, где течет река Озерная, которая учинилась при случае одного путешествия: ибо как гора поднялась с места, то вода из озера устремилась за нею, и проложила себе к морю «дорогу».

Эта старая легенда, рожденная наивным мирозерцанием диких камчатских племен и записанная два столетия назад знаменитым русским географом Степаном Крашенинниковым, вспомнилась мне в тот день, когда катер миновал Второй пролив и взял курс прямо на белоснежный величественный конус, подрезанный снизу туманом и словно парящий в небе.

— Слышали легенду об Алаиде? — спросил я Михайла Васильевича Манелова, капитана. Он стоял у окна рубки, поглядывая то вперед, на беляки, сердито вскипающие у носа, то назад, где хлопал по верхушкам волн буксир и тащилась занайтованная по-штормовому баржа с солью, лесом и двумя лошадьми.

— А вы знаете ее продолжение? — ответил Манелов вопросом на вопрос. Его глаза, сощурившись в улыбку, совсем спрятались под угольно-черными, удивительно широкими и густыми бровями, козырьками нависшими над глазами.

Манелов, грек по национальности, — морской волк и старый курильчанин. Круглый год, в любую погоду водит

¹ В скобках примечания автора.

он баржи, разгружает океанские пароходы, выходит на спасение терпящих бедствие судов. Говорят, что он знает на Курилах каждый камень... Что он имеет в виду? Не хочет ли поймать меня, сухопутного человека, на какой-нибудь хитрый морской крючок?

Осторожно выкладываю все, что знаю об острове-вулкане, который, вздымаясь из моря на высоту в две тысячи триста метров, как младших братишек, ведет за собой на север цепочку менее рослых курильских вулканов. Долгие годы гордый Алаид хранил молчание, словно отдыхал на просторе от ссоры со своими сварливыми камчатскими соседками. Но с 1790 года он снова стал метать громы и молнии и сыпать пепел на расстояние свыше ста километров вокруг. Особенно мощное извержение было в 1848 году, когда остров потряс сильный взрыв, и Алаид лишился своей острой вершины, превратившись в усеченный конус. Три раза бушевал он во второй половине прошлого столетия. И, наконец, в 1933—1934 годах произошло последнее, подводное извержение, в результате которого рядом с Алаидом появился новорожденный островок-вулкан Таке-томи. Через несколько лет он прицепился к Алаиду двумя косами, между которыми образовалось глубокое озеро с попавшей в плен морской водой... На этом мои географические познания об Алаиде исчерпывались.

— Все? — спросил Манелов, до этого утвердительно кивавший головой. — Ну, так вот... Озера-то больше не существует.

— Как? Даже в только что изданной книге о Курилах говорится об озере, — уверенно вступаю в спор.

— И все-таки его нет.

— В чем же дело?

...Три года назад озеро еще существовало. Рыбаки, промышлявшие в водах Алаида, богатых сельдью и треской, не раз с завистью глядели на зеркальную гладь зеленой воды. «Вот бы заход туда устроить», — мечтали они. Стоит прорыть узкий канал через косу — и суда получают базу для сдачи рыбы и прекрасное убежище, в котором не страшны никакие бури. Не надо будет «бегать» в Северо-Курильск, зря жець горячее и терять время.

Обратились в рыбный главк. Были отпущены крупные средства, и проектировщики засели за карты и чертежные столы, как вдруг...

— Всю зиму работали штормовые восточные ветры.

Весной подошли мы к Алаиду, продукты привезли старик-сторожу, смотрим... Что за диво? Ворота — в озеро! Постояли, подумали. А что, если попробовать зайти в эту новоявленную бухту? На всякий случай матроса с шестом на бак поставили. Думали, глубина не позволит пролезть. Какое там — глубина нормальная!.. Ну, разве это не сказка, не продолжение легенды! — воскликнул Манелов, и глаза его опять спрятались под козырьками бровей.

Сзади, сквозь серо-фиолетовые клубы туч, все еще висевших над Северо-Курильском, проглядывали вершины гор. Слева, над южной частью Парамушира, небо совсем очистилось; словно сказочные замки, высились там нагромождения хребтов и голубые конусы вулканов Фусса и Чикурачки, вдавшиеся далеко в море. Справа приветливо зеленели низкие мысы Шумшу. А прямо впереди, за синезеленым, покрытым пятнами беляков и усеянным птицами проливом, подымался и рос грандиозный конус Алаида, дышащий первозданной чистотой и сочностью голубых, синих и снежно-белых красок.

Редко можно видеть все, от основания до вершины, это величественное сооружение природы. Караваны облаков подолгу отстаиваются на Алаиде, зацепившись за вершину; туманы кутают его своими плащами, заматывают шарфами, ревниво пряча от человеческих взоров. Вот и сейчас с севера подползла лавина туч. Пять минут — и Алаид пропал. И только снизу, из-под полога тумана, выглядывали массивное подножие и длинные пологие мысы. Они были угрюмы и неприютны.

Исчезло чудесное видение! Но оно вновь и вновь возникло в моем воображении, пока, наконец, голос Манелова не вернул меня к действительности:

— Раньше как робинзоны здесь жили. А сейчас столько всего понастроили! Глазам не веришь. Вот увидите.

Мы подходили к Алаиду. Показались темно-серые отвесные стены полуострова Такетоми, темно-зеленые языки лав, радиально спускавшихся к морю, и на их фоне — трепещущее на высокой мачте четырехугольное полотнище. Над островом-вулканом, овеванным таинственной дымкой легенды, развевался волнующе знакомый и дорогой красный Советский флаг.

...С Алаида началось знакомство русских людей с Курилами. Это его сияющую главу, покрытую вечными сне-

гами, увидел в 1697 году с юга Камчатки отважный землепроходец, казачий атаман Владимир Атласов. «А против первой... реки на море видел как бы острова есть», — говорится в одной из его «сказок».

Алаид звал, манил к себе. И несколько лет спустя, Данила Анцыферов и Иван Козыревский с казачьей ватагой пересекли Первый Курильский пролив.

Русские мореходы и промышленные люди осваивали один остров архипелага за другим, но суровый Алаид, лишенный удобных для поселений мест, долгие годы оставался тем же «пустым островом», каким он был в эпоху Степана Крашенинникова.

Зимой 1957 года на берег Алаида высадились сорок человек. Народная молва сохранила фамилии двух радистов: Мелехова и Захарова. Четверо суток радисты не уходили из палатки, где устанавливалась аппаратура. На пятые, когда на мачте, связанной из двух длинных лесин, взвился красный флаг, заговорил молчавший долгие годы остров-вулкан. Зазвучал в эфире позывной рыбацкой экспедиции.

— Говорит Алаид. Говорит Алаид.

Позывной услышали. Была установлена связь не только с Северо-Курильском, но и с областным центром.

Та же молва хранит имена других первостроителей.

В январе и феврале неделями завывала пурга. Узкая туфовая коса сотрясалась от ударов штормовых накатов. Ветер трепал полотнища палаток. Старик Сухов, сдирая с усов и ресниц ледяную корку, подымался со своими плотниками на леса даже в те дни, когда ветер вырывал из рук доски. И росли над снегами строения.

В марте с Сахалина на остров прибыла вторая группа строителей. Зима отступала медленно, неохотно. В море по-прежнему штормило, но все чаще на алаидском рейде бросали якоря пароходы с брусом, досками, рыбонасосами, солью, клепкой. Все чаще в озеро-бухту заводил баржи Манелов, катер которого обслуживал экспедиционников.

Нужно было срочно закончить сооружение пирса. Его строили молодые плотники Машкин, Скляров и Палкин. Спешили. Стояли на дощатой площадке-временке — забивали сваи. Неожиданно порыв ветра задрал площадку, и люди вместе с нею свалились в воду. Хорошо, что у пирса стояла шлюпка, а то бы пришлось изрядно поку-

паться ребятам в ледяной воде. Начальник базы приказал им идти домой. Плотники, обсушились в кочегарке и вернулись на пирс.

Поселок Атласово молод, но выглядит уже вполне солидно. В левой части косы, у основного берега острова, — с десяток деревянных домов — общежития, столовая, магазин, пекарня; справа, у Такетоми, — посольные цеха, желтоватые горы клепки и бочек, длинная, высокая эстакада, по которой течет сельдь, и пирс с рыбонасосами. У пирса оживление. Два сейнера выгружают уловы. Рокот моторов, людской говор, крики чаек, музыка из судовых репродукторов. Веселая путинная суматоха. И очень трудно поверить, что год назад Алаид был «пустым» островом.

База работает, принимает рыбу и продолжает строить. Возводят холодильники. Тянут нитку узкоколейки к нижней кромке снеговой шапки Алаида, трубы — к его водопадам. Вулкан служит людям — дает воду и снег, необходимые для посолоа.

На другой день погода ухудшилась. Заштормило. На пирсе сказали, что катеров не будет, на возвращение в Северо-Курильск сегодня нечего надеяться.

Я решил познакомиться с окрестностями поселка. Со мной вызвались пойти подружки — Галя и Зина, — фельдшер и лаборантка, боевые, никогда не унывающие девушки. Обе — и члены комитета комсомола, и участницы самостоятельности, и организаторы путешествий. Это они затеяли походы на Такетоми, чтобы наловить там рыбы и изжарить ее в горячем песке; и на самую вершину Алаида, покрытую ледником, чтобы водрузить красный флаг. В хорошую погоду этот флаг заметен издали с моря.

Прежде всего, мы отправились на Такетоми, который здесь зовут Сыпучей сопкой, а потом совершили небольшое путешествие по окружности острова (Алаид имеет форму почти правильного круга диаметром 14 километров).

Дул порывистый ветер. И, продвигаясь по узкой намывной полосе прибоя, под отвесными темно-серыми стенами Такетоми, мы видели, как на глазах разрушался вулкан... Стены его были изрезаны продольными бороздами. По ним беспрерывно текли ручейки сыпучего туфа и ска-

кали мелкие камешки. Ветер подымал тучи пыли и нес их к Алаиду. Девчата сказали, что даже зимой (снег на горячих боках Такетомии не держится) в воздухе носится пыль.

Вот где она, разгадка алаидских чудес! Ветер и морской прибой беспрерывно перекраивают географию, изменяют лик острова.

Двигаясь по берегу на юг, мы обходили бесчисленные бухточки, пересекали мысы. Береговая линия очень изрезана. Там, где между черными скипевшимися нагромождениями базальта были рыхлые туфы, океан выдолбил глубокие пещеры и гроты, и сейчас в них бесновался прибой. Некоторые участки берега похожи на каменные лабиринты, в которых показываются то прозрачные ручьи, то голубая морская вода. Вздываются причудливые камни.

Прогулка была очень увлекательной, особенно когда, пройдя километров шесть, мы оказались на подветренной стороне острова, где было много цветов. Каждый шаг вперед, каждый поворот открывал новые виды на мысы и бухточки, и мы наверняка добрались бы и до Чертовых ворот, соединяющих Алаид с птичьим островком, и до причудливой скалы Свечка, и до шумных бакланьих гнездовий, о которых с восторгом рассказывали девчата, если бы не преградил путь непропуск¹.

К тому времени, когда повернули назад, ветер усилился. Он бил теперь нам в грудь. Идти стало труднее. Впереди еле проглядывали сквозь туман очертания Такетомии. Весь берег белел от пены. Оглушительно грохотал прибой, и, разговаривая, мы вынуждены были кричать.

Особенно свирепствовало море вокруг разбитого парохода. Этот японский транспорт, выброшенный на камни штормом пятнадцать лет назад, выглядел очень мрачно. Высокий корпус был весь изъеден ржавчиной. Палуба в нескольких местах провалилась. Чернотой зияли окна штурманской рубки. Накаты хлестали по левому распоротому борту и с рокотом перекачивали в трюмах гальку. С правого борта на песок был спущен ржавый металлический трос. Все было мертво на этом разрушенном пароходе с того дня, когда днище его со страшным скрежетом пронзили камни, когда заметались по палубе люди, хватаясь за спасательные круги и шлюпочные тали. Лишь

¹ Непроходимый участок берега.

море да ветер гудели, выли, рокотали, гремели в железной утробе.

В поселок вернулись уже в сумерках. И когда подходили к пирсу, случилось, пожалуй, самое загадочное из алайдских чудес... Мимо нас стремительно пронесся молодой парень с рыжими баками, здешний повар, и, обернувшись, крикнул девушкам:

— Филармония приехала! Ох, и укачались. Некоторых ногами наперед выносят. Но концерт, говорят, нынче будут ставить.

Через две минуты я увидел южносахалинских артистов. Впереди семенил администратор Лев Романович, который сам не помнит, сколько уже лет возит труппы по сухопутным, морским и воздушным дорогам. За ним вели под ручки «ударника» — стильного парня в изжеванных зеленых брючках «дудочкой» и зеленой, потерявшей всякую форму шляпе, нахлобученной на уши. Сбоку вразвалочку шагал с футляром под мышкой скрипач Миша, бывший балтийский моряк.

Ну и ну! Ветер, шторм, ни одного катера, и вдруг — чрезвычайный рейс с артистами; море, остров, вулкан — и концерт!

ХОЗЯИН СЕРНОГО ОЗЕРА

— Вы не были на Серном озере?.. Обязательно побывайте! — советуют все, с кем встречаешься в Северо-Курильске.

Серное озеро — местная достопримечательность, знаменитая цель воскресных путешествий — лежит в сердце гор, в одном из кратеров вулкана Эбеко, взгромоздившегося на снежные плечи хребтов. В погожие дни августа и сентября там бывает многолюдно, как на пляже. На озере купаются, загорают, закусывают яйцами, сваренными в крутом кипятке горячих ключей.

Много всяких историй связано с озером. Молва приписывает ему целебные свойства. Стоит, якобы, окунуться в воду — и как рукой снимет усталость, и даже старик помолодеет. Говорят, что озеро время от времени выбрасывает высокий фонтан и совсем исчезает. Происходит это будто бы потому, что оно имеет подземный выход в Охотское море. Рассказывают также о случаях, когда Серное

озеро губило людей; его жертвами стали две девочки и один рыбак из новичков, приехавших на путину.

Хотя от города до вершины вулкана насчитывают всего двенадцать километров — путь труден и опасен. В июне горы еще в снегу, но наст, подточенный быстрыми ручьями и горячим дыханием фумарол¹, уже не прочен.

— И все-таки в воскресенье пойдем! — хлопнул ладонью по столу секретарь райкома комсомола. Эту решительную фразу он произнес после нескольких минут раздумий и колебаний. — Пойдем, если будет погода, — повторил секретарь. — Попросим хозяина. Он-то проведет.

— Кого попросите?

— Есть у нас один старик. Хозяином озера его зовут. Он там каждую неделю бывает.

В тот день я впервые услышал о Николае Фрицевиче Бредисе.

Субботним вечером разыскал его квартиру, чтобы поточнее договориться о времени выхода. Дверь открыла девушка. В темном прямоугольнике, как в раме картины, смутно выделялись тонкая фигура, нежный овал лица.

— Папы нет дома, — сказала она. — На концерте... Да, собирается. Обычно выходит рано, часов в шесть-семь... Доберетесь.

Вот и все, что она сказала. Но я еще долго помнил эти слова — в них, мне показалось, девушка вложила какой-то очень серьезный смысл.

Утром выглянул в окно и... ничего не увидел: ни города, ни гор, ни океана. К стеклам липнул густой туман. «Поход сорвался!» — эта горькая мысль первой пришла на ум. Однако в назначенное время к райкому комсомола собрались все участники похода. Пришел и Бредис — высокий, костлявый старик, с крупным носом, выцветшими голубыми глазами и висячими седыми усами. На голове его была маленькая поношенная кепчонка с длинным козырьком, на ногах — резиновые сапоги. За спиной — рюкзак, в руках он держал легкую бамбуковую палку с железным наконечником.

По-журавлиному выбрасывая вперед плохо гнущиеся ноги, Бредис с неожиданной для его возраста легкостью зашагал в гору, и весь наш отряд, состоявший из девяти человек, цепочкой двинулся следом.

¹ Фумаролы и сольфатары — выходы газов с высокими (свыше ста градусов) температурами.

«Бум-бум-бум», — гудит под ногами зыбкая почва, словно идем над подземельем. Старая, размытая ручьями дорога то вьется среди густых зарослей кедрача и ольховника, источающих крепкий смолистый запах, то выходит на сырые вязкие плоскогорья, сплошь усеянные камнями... Проходим ложбины, еще не освободившиеся от снега, бугры, покрытые цветами, непринужденно расселившимися на черном туфе, на камнях и у снежных пятен.

Но недолго нам пришлось любоваться кустиками фиалок, розовыми узорами шикши и крупными, как тюльпаны, рододендронами. Цветы вскоре исчезли, и наш отряд оказался в царстве зимы. На много километров вокруг ослепительно сияла снежная целина.

Туман растаял. Сверху видно, как остатки его длинными седыми шлейфами сползают в Охотское море. Позади — заваленное черными каменными глыбами широкое и ровное, как стол, плато, видимо, подвергшееся когда-то ожесточенной вулканической бомбардировке. Далеко внизу полукружие бухты, букашки-пароходы, группа игрушечных островков — курильские Три Брата. А впереди — ярко-синее небо, исполосованное радиальными грядами облаков, сходящимися где-то за горами. Кажется, что идем прямо в эти облака.

Огибаем конус, оголенная вершина которого хорошо заметна из Северо-Курильска, и я чувствую себя так, словно попал на Марс. Взору открывается фантастический ландшафт... Узкая замкнутая горная долина, почти лишенная снега. Дикое хаотическое нагромождение камня; желтые, красные, бурые, лиловые, черные вершины, конусы, кратеры, гребни; разверстые пасти ущелий, бриллиантовая пряжа водопадов. А над всем этим, куда ни кинь взгляд, — белые, беспрестанно меняющие очертания дымки. Они то танцуют в синеве, легко изгибаясь, словно феи в газовых шарфах, то устремляются к небу тяжелыми густыми клубами, становясь похожими на дымы пожарищ. Порывы ветра доносят едкий запах серы.

Подымаемся на Чертов мост, через который лежит кратчайший путь к озеру. По заслугам название! Это — острый, как лезвие ножа, гребень. По обеим сторонам — головокружительные обрывы. В сильный ветер переход здесь очень опасен. По указанию Бредиса (у него разработан целый свод правил «техники безопасности») на всякий случай ставим ноги по обеим сторонам гребня, чтобы

в случае чего сесть на него, как в седло. Вот перебежал на ту сторону один, второй, третий. Десять минут — и Чертов мост позади.

Новая картина зачаровывает нас... Внизу, в зубчатых кратерах, лежат два озера. Одно — круглое, молочно-голубого цвета, окутанное дымом, — это горячее Серное; второе — овальное, изумрудное, в снежных берегах — холодное.

Еще пять минут, и, скатившись вниз, раздеваемся у большого камня, входим в озеро. Вода у берегов приятно горячая, шелковистая. Кто любит погорячее — пожалуйста, забирайся поглубже. Но заплывать далеко старик не рекомендует: можно обвариться.

Мы — в кратере действующего вулкана! Вокруг мрачные зубчатые стены с остатками грязного снега, пестрые глинистые склоны, красноватые туфовые осыпи, причудливые камни. Клубы дыма. Безжизненно. Ни цветка, ни травинки, ни зверька, ни букашки. Ропот ручьев. Шипение, фыркание, бульканье фумарол (старик называет их котлами). Создается впечатление, что находишься в депо и возле тебя пыхтят паровозы.

Сижу рядом со стариком на мягком илистом дне до подбородка в воде и, отдувая от глаз серный дым, слушаю его рассказ об Эбеко. Это — «сложный» вулкан с несколькими кратерами. Известны три его извержения: в 1793, 1859 и в 1934 годах. Последнее сопровождалось сильными землетрясениями, выбросами пепла и вулканических бомб, достигавших циклопических размеров, излияниями потоков расплавленной серы. Вот тогда-то в среднем кратере и образовалось горячее озеро...

— Хорошее озеро: голову отрежь — приживет.

— Рица нашему озеру в подметки не годится: там даже не искупаешься.

— Здесь бы курорт отгрохать!

Чувствуем себя как в раю. Лишь часа через полтора, терзаемые голодом, вылезаем на берег. Тут же, у большого камня, рядом с сердитым «котлом», девушки раскладывают дорожные припасы. Только поели, старик заторопился: задумал показать еще один кратер, лежащий выше.

Огибаем озеро, прыгая с камня на камень, чтобы не провалиться в вязкую беловатую глину. Идем по длинному клиновидному ущелью, заваленному бомбами всевозможных форм. Вверху творится что-то невообразимое.

Ветер шибает оттуда дымом, застилающим путь. Щиплет глаза. Трудно дышать. Все, кроме старика, идут боком, отворачивая назад лица.

Чем выше, тем гуще дым и мрачнее параллельные ряды узких оврагов, отходящих в стороны. Наконец, оказываемся в просторной чаше кратера с ровным вогнутым дном.

Вот он — настоящий ад! Хрипло клокочет большой «котел», выбрасывая вверх воду и грязь. Дымят крупные фумаролы, возле которых виднеются ядовито-желтые соски серы. Пересекая кратер по диаметру, чувствуем, как дрожит под ногами почва и из-под земли доносится эхо шагов.

— Не попадем ли мы здесь, братцы, в гости к самому дьяволу? — пытается пошутить секретарь, опасливо переступая ногами.

— Вообще-то я здесь ходил в прошлом году, — уклончиво отвечает старик. Судя по выражению лиц, у всех одно желание — поскорее уйти отсюда, но проводник неутомим. Он хочет, чтобы мы посмотрели интересный вид с западной стенки кратера.

Лезем по крутой бурой осыпи на эту стенку и... дух захватывает от высоты и красоты, открывшейся вокруг. Справа и слева черные, беспорядочно громоздящиеся скалы. А за ними, над ватной пеленой тумана, вздымается в синеву ослепительно белая вершина, похожая по форме на широкий, остро затесанный клин. Кажется, что она плывет к нам. За ней выступают еще несколько далеких снежных вершин.

Это — Алаид и Камчатские горы. Над ними висят спиралеобразные завихрения облаков.

— Завтра будет ветер, — замечает Бредис. — Как Камчатка видна, жди плохой погоды.

Вернувшись, наконец, к озеру, еще раз купаемся и ложимся загорать. Подвинувшись поближе к старику, который лежал, подложив под голову камень и выставив вверх острые коленки, я спросил его, правду ли говорят, что озеро имеет подземное сообщение с морем?

— Я тоже слышал, — задумчиво сказал он. — Скорее всего это фантазия. Впрочем, в основе ее лежит действительный факт. Иногда озеро внезапно сильно мелеет. Сам был очевидцем.

Попросили старика рассказать об этом случае.

— Это было два года назад, в конце июля, — начал он. — Целую неделю дули сильные штормовые ветры, и на озеро никто не ходил. Я хотел прогуляться туда один, но со мной напросилась пойти Бетти, дочка.

— Уже по пути нас поразило одно странное явление. Примерно от поворота, где теряется из виду Северо-Курильск, и дальше, до самого озера, все кругом было покрыто крупными полупрозрачными кристаллами льда, направленными остриями в сторону озера. На камнях кристаллы образовывали очень причудливые наросты, похожие то на перья, то на распущенные крылья птиц, то на раковины. В горах было солнечно, туман держался примерно на уровне пятисот метров, но кристаллы не таяли. Пробовал отбивать их палкой. Это удавалось лишь после трех-четырех ударов...

Чертов мост оказался очень сырým и вязким, и по нему опасно было идти. С трудом, взявшись за руки, мы прошли с Бетти к озеру, и тут нас ждал еще один сюрприз. С озером произошла странная перемена. Уровень воды упал метра на три, и оно, потеряв свою идеально округлую форму, стало звездчатым. Ручей, что тек из горячего в холодное озеро, пересох. Берега были очень вязкие, и на них работало вхолостую множество «котлов». И, что самое странное, вода в уцелевшей части озера стала холодной. Никогда раньше она не была холодной.

«Что случилось с озером? Какие силы повлияли на него? Есть ли связь между обмелением и теми ледяными кристаллами? Может быть, озеро расплескал страшный смерч?..» — я задавал себе эти вопросы и не мог найти ответа.

С трудом отыскиали мы место, где можно было кое-как искупаться. Пришлось отворотить большой камень и подгонять к себе теплую воду ладонями. Вскоре с моря стал быстро наползать густой туман, и пришлось собираться домой.

Никогда путь не казался таким трудным, как в тот раз. Туман был так плотен, что когда Бетти отставала от меня на два шага, я терял ее из виду. Ноги скользили. И вдруг случилось то, чего я боялся. На склоне, около ущелья, я потерял Бетти. Только что слышал ее шаги — и она исчезла... Вытоптав в снегу углубление, чтобы за-

метить место, стал ходить по кругу, все расширяя его и приближаясь к краю ущелья. «Бетти!.. Дочка!» — кричал я, но, видно, туман глушил мой голос. Прошло десять или пятнадцать минут, но они показались мне вечностью... Когда столкнулся лицом к лицу с Бетти, в ее глазах не было и тени испуга. Она сказала, что слышала меня и все время шла на голос. Но я не уверен, что это было так. Бетти — очень своенравная девочка. Возможно, это было одно из ее чудачеств... Впрочем, все случившееся в тот день для меня до сих пор загадка.

Несколько минут старик молча смотрел на белые завихрения облаков. Их стало больше. Видимо, это не понравилось ему, он нахмурился и сказал, что пора идти домой.

По дороге, разговорившись с ним, я узнал историю его жизни.

Отец — латыш, мать — украинка. А сам он родился в Воронежской губернии. В начале нынешнего века, начитавшись Жюль Верна и Майн-Рида, шестнадцатилетним мальчишкой бежал из дома к морю. В Николаевске-на-Амуре сумел устроиться на океанский пароход «Бетти». Это был большой и очень красивый пароход. Он шел в Одессу, а оттуда вокруг Европы — в Ригу. Став заправским матросом, побывал в Лондоне и Нью-Йорке, Сан-Франциско и портах Скандинавских стран.

Однажды упал в трюм, вывихнул обе руки и вынужден был навсегда расстаться с морем. С тех пор, став банковским служащим, всю жизнь имел дело с цифрами, арифмометрами, счетами, сейфами...

Свежий ветер толкает нас в спину. Идем по крутому склону, оставляя на снежном насте следы, полные голубого света. Наши длинные тени, ломаясь, падают в ущелье, где гремит водопад.

Я думаю о судьбе этого странного старика, что в семьдесят лет отказывается идти на пенсию и с юношеской страстью лазит по горам, и о его дочери, что носит имя парохода. Словно угадывая мои мысли, он качает головой.

— Ох, эта Бетти!.. Окончив после десятилетки курсы радистов, она решила стать морячкой. Такая своенравная девочка! — говорит Бредис, но по тону его слов нельзя понять, осуждает он дочь или восторгается ею.

РАБОЧИЙ БЕРЕГ

На «жуке» по океану

Это не выдумка в духе приключений барона Мюнхгаузена: «жук», о котором пойдет речь, имеет железный корпус, двигатель и мачту. Так называют маленькие буксирные катера, значащиеся под литером «Ж». «Жук», или «жучок», — для островитян такой же привычный вид транспорта, как для жителей материка автобус или поезд.

Мне предстояло добираться на «жуке» в Подгорный.

КитокOMBинат Подгорный расположен на восточном берегу, отрезанном от районного центра горами и непропусками. Океан — единственная дорога. В хорошую погоду поездка туда на катере занимает пять-шесть часов, в зависимости от того, встречными или попутными будут ветер и течение.

С утра было тихо и ясно, но пока подгорновцы, приехавшие в город по делам, собрались, пришло сообщение, что на китокOMBинате ожидается шторм и берег там уже нерабочий. Да и в Северо-Курильске погода быстро менялась. С океана подул ветер, небо стало заволакивать. Однако моряки надеялись успеть домой до шторма. Они, не спеша, погрузили на катер мешки с почтой и посылки, потом притащили два тяжелых кожаных саквояжа с деньгами. Как всегда перед отходом, кого-то ждали, куда-то бежали.

Стоя у двери рубки, я заглянул во внутрь и увидел на задней стенке бронзовую пластинку с выгравированным на ней текстом: «Указом Президиума Верховного Совета СССР, — читал я, — за мужество, проявленное экипажем буксирного катера «Ж-257» в борьбе со стихией, награждены...» И далее перечислялись фамилии. Так я узнал, что нахожусь на том самом катере, который несколько лет назад восемьдесят два дня блуждал в океане.

Дул свежий встречный ветер. Катер бодро резал волны. Вместе с двумя рабочими китокOMBината я полулежал на теплом, кожухе машинного отделения, закрывшись воротником пальто от брызг и черного дыма. Словоохотливый плотник Сергеев, не торопясь, рассказывал об испытаниях, перенесенном старым экипажем «257-го»...

Это случилось в декабре 1953 года при переходе из Подгорного в Северо-Курильск. Ураганный ветер с нежиз-

данной силой вырвался из-за мыса, все вокруг потонуло в снежном заряде, и, несмотря на то, что машина работала на полных оборотах, катер понесло в открытый океан. Стучали ключами радисты, вызывая «257-й», восемь судов, самолеты искали его днем и ночью. А ветер все свистел и свистел, и гнал катер все дальше от земли на восток... Их было пять человек. Они не падали духом. Потомственный моряк Сашка Жебровский шил из одеял паруса. Один, второй, третий... Механик Облязов с утра до темна «колдовал» над огнетушителем, опресняя в сутки по 12 кружек воды... Ослабев от недостатка пищи, они ловили баграми длинные листья морской капусты, жарили яловые сапоги, пропитавшиеся китовым жиром. Когда трое свалились с ног, старшина Козлов принес в кубрик спасительную ложку — известие о том, что слышал гудок, видел вестников берега — бакланов. Дни проходили за днями, прошел месяц, за ним второй. И вот уже последний моряк, старшина, заклинив руль, лег вместе со своими товарищами в кубрике. С трудом на восемьдесят второй день дрейфа выбрался он на палубу, чтобы собрать снега, и вдруг услышал явственный гудок и, не веря глазам, увидел идущий навстречу траулер...

Надсадно, казалось из последних сил, стучала машина. Наш катер «бежал» полным ходом. Бежало и время. Отшвартовывались в два, и вот стрелки подползли к восьми. По расчетам находились уже у Подгорного, но впереди не было ничего, кроме рыхлой серой пелены тумана. Два раза катер резко вилял в сторону и в нескольких метрах от борта выплывали черные колонны скал, у подножия которых, то обнажая полированные лысины омываемых камней, то подымая тучи брызг, разбивался свирепый накат.

Прошел еще час. Смеркалось. Тревога закрадывалась в душу. Не проскочили ли комбинат? Не заблудились ли? Не унесет ли опять «257-ой» в просторы океана?.. Подгорновцы примолкли. Спрыгнув с кожуха, я стал пробираться в кубрик.

Из моряков здесь был лишь радист — высокий парень в летном шлеме. Он сидел в своей крохотной каютке, отделенной от кубрика пологом, и... читал книжку.

— Ну, что? Где находимся? Что случилось?..

Отложив книгу, радист равнодушно пожал плечами.

— Все в порядке, правда, сильное встречное течение,

и в тумане немножко сбились с курса. Но все равно скоро добежим.

Видно, обрадовавшись возможности поговорить со свежим человеком, он стал рассказывать о своих морских приключениях...

Четырнадцатилетним юнгой Костя (так его зовут) шел на пароходе «Перекоп» южным путем в Одессу. Это было в конце 1941 года. В тропиках над советским парохом появились японские самолеты. На «Перекоп» полетели бомбы, и он был потоплен. С большим трудом добрались моряки на шлюпках до острова Большая Натуна, что лежит у берегов Борнео. Два года томились они в плену у японцев, ни на минуту не забывая о Родине... На Большой Натуне Костя вступил в комсомол.

Позже он служил на флоте. Уволившись в запас, хотел было ехать на материк, но тут встретил «одну хохлушку», «вскоростях» женился и остался на Курилах. Сейчас ждет сына.

На столе, рядом с передатчиком, стояла золотистая плетеная хлебница. Это — подарок «ей». Костя с заметным удовольствием рассказывал, что жена — большая мастерица стряпать и певунья, что она ездила на областной фестиваль молодежи, и ему удалось поймать ее песенку «Гандзя», транслировавшуюся по радио.

Океан был грозен и мрачен. Ночь наваливалась на него. Но чувство тревоги пропало.

Катер сделал еще несколько реверсов, и сквозь пелену тумана прорвались огни. Подгорный казался с океана иллюминированным дворцом.

Штормовая погода

Всю ночь ветер хлопал наружной дверью и гремел по крыше. Утро было хмурым. В лицо летели пригоршни дождя. Накаты с гулом штурмовали берег, и когда они убегали назад, увлекая за собой груды гальки, казалось, что где-то близко рокошет гром. Бесчисленное множество глупышей, этих неутомимых санитаров—пожирателей отбросов, бесстрашно качалось на волнах прибоя, как на качелях.

Ночью приходили китобойцы. Они привели голубого кита и несколько кашалотов. В прибойной полосе бились громадные черные туши со вздутыми боками. Нелегко

было, наверное, матросам «257-го» в такую погоду прибуксировать китов к берегу.

Ни одного судна не было у пирса. Катера, баржи и танкер «Новинск», пришедший из Владивостока за жиром, отстаивались на туманном рейде в ожидании хорошей погоды.

С горы, от общежития, где я ночевал, видны были две улочки домов поселка, огороженных заборами из китового уса, широкий слип, полого спускающийся к океану. Разделочная площадка, котельная и жироваренный цех — паровые магистрали, ряды круглых цистерн. Слева, в белой дымящейся полосе, где бушевал многорядный накат, накренившись, словно на крутом повороте, застыл ржавый скелет разбитого китобойца.

Спустился вниз. На разделочной площадке, скользкой от впитавшегося в доски жира, невозможно было устоять. Ветер валил с ног, бросал в лицо грязную пену прибоя. На площадке сутились люди в брезентовых плащах с капюшонами.

Начали поднимать голубого кита, у которого спина на самом деле синевато-черная, а брюхо — белое, полосатое, как матрац. Загудела лебедка, зазвенел по площадке стальной трос, зацепленный за хвост кита, и пузатая туша медленно проползла сначала по слипу, а потом по площадке. Двое с рулеткой обмерили кита. Длина его оказалась 22,7 метра. Синий кит, или блювал, — один из самых крупных обитателей океана. Попадают экзemplяры длиной более 30 метров и весом, превышающим 150 тонн!

Кита обступили разделщики с кривыми, насаженными на длинные ручки ножами. В том месте туши, где у других животных шея, появились надрезы и показался белый слой жира и красный — мяса. Густо повеяло теплым приторным паром. Разделщики зацепили за надрезы тросы с крюками, и лебедка стала «раздевать» кита, сдергивая полуметровые слои кожи с салом.

Минут через двадцать-тридцать туша была раздета «догола» и стала красно-белой. По площадке потекли ручьи крови.

Тушу подтянули на так называемый эшафот, где паровая пила отделила голову. Потом она стала путешествовать от одной пилы к другой. Прошло не более часа с начала разделки, а от огромного кита остались лишь куски сала, мяса и костей.

Еще быстрее разделявали кашалотов — животных с огромной головой и узкой зубастой челюстью, похожей на пилу. В головах кашалотов содержится ценный спермацетовый жир. Когда их вскрывали, спермацет густыми волнами плыл по стоку и, застывая, превращался в студенистую массу.

К двенадцати часам все семь китов, доставленных ночью, были изрезаны на куски и загружены в котлы.

После обеда, хотя накат и не стих, капитан «Новинска» договорился по радио с директором комбината начать бункеровку танкера. Простой судна — это тысячи рублей, да и на комбинате заинтересованы в том, чтобы быстрее отгрузить продукцию.

Длинный низкий танкер входил в бухту с величайшей осторожностью, втягиваясь в нее незаметно для глаза. Место было опасное: у левого и у правого берегов, оставляя неширокий фарватер, прятались под водой гряды рифов. Подкидываемые волнами, словно мячики, к танкеру подбирались два катера, человек в шлюпке греб к берегу, чтобы доставить швартовый конец.

К вечеру, наконец, все утряслось, и жир пошел по тугом пульсирующим шлангам. А океан все ревел и брызгал в лица людей грязно-розовой пеной.

Глухое ли место — Подгорный?

И на второй, и на третий день штормило, шел дождь, и берег был нерабочим. Однако в танки «Новинска» шел жир, дымили трубы жироваренного цеха, строилась новая разделочная площадка. Мало того, в эти дни здесь... подтверждалось научное открытие и писался научный труд.

Прежнее представление о Подгорном разбилось в прах, когда я услышал слова: «эксперимент», «исследование», когда познакомился с Анной Леонтьевной Долгополовой и Борисом Тихоновичем Федоровым.

Было уже часов девять вечера, когда я зашел в маленький чистый домик. Увидел стеллажи с рядами колб, пробирок, делительных воронок, реторт. Но я уже знал, что здесь не обычная лаборатория...

Несколько лет назад единственной продукцией китокомбината был жир. Сейчас выпускаются помимо технического и медицинского (спермацетового) жиров соленое мясо, идущее на зверофермы, коженное сырье (прессован-

ное покровное сало кашалота), печень, из которой вырабатывается витамин «А», и сушеные жилы. Чтобы представить, сколько продукции может дать один кит, достаточно сказать, что только его печень весит 300—400 килограммов, а из сала можно изготовить столько же кожевенного сырья, сколько из нескольких десятков быков.

Экспериментальная группа, возглавляемая Долгополовой, работает над проблемой наиболее эффективного использования китовой печени — задачей, которую не один год решают многие дальневосточные и московские ученые.

Замечено, что при посоле, хранении, транспортировке и дальнейшей обработке печени с применением щелочи и высокой температуры часть витаминов теряется. Как повысить выход витаминов? Долгополова поставила тысячи опытов и пришла к потрясающему результату — при хранении в определенных условиях и так называемом холодном способе обработки количество витаминов не только не уменьшается, но, наоборот, увеличивается почти на треть. Происходит их активизация.

Из Владивостока в адрес Долгополовой пришла радиограмма: «Поздравляем успехом. Продолжайте опыты. Многие не верят».

Когда Анна Леонтьевна рассказывала о своей работе, в ее глазах искрилась радость.

Активизация витаминов зависит от множества разнообразных факторов: пола, возраста, питания кита, температуры, при которой хранится печень. Трудно было в бедной комбинатской лаборатории проверить все это. К тому же пришлось помучиться с монтажом витаминной установки — разыскивать трубы и другие необходимые детали. Но сейчас все это позади.

«Я буду очень рада, если хоть немножко помогу науке», — запомнились ее слова. Долгополова — одна из тех женщин, для которых главное в жизни составляет работа, которые самозабвенно отдаются ей, живут только ею, забывая обо всем остальном.

Также страстно относится к своему делу Борис Тихонович Федоров — невысокий, худощавый человек с интеллигентными манерами, кандидат наук, много лет проживший на Командорских островах. На Подгорный он приехал год назад, когда сюда переселили с Командор триста голубых песцов. Он разрабатывает рационы кормления пушных зверей китовым мясом и выводит новую

породу песцов. Под руками богатейший материал, Борис Тихонович пишет докторскую диссертацию.

Голубые песцы чувствуют себя на Парамушире прекрасно. Еще бы! Ведь здесь их кормят «от пуза», как выражаются звероводы. Сейчас в вольерах насчитывается уже вдвое больше зверей, чем было вначале, а в ближайшие годы количество их будет доведено до трех тысяч. «Мягкое золото» — из отбросов! Нет нужды говорить, как важны научные поиски Б. Т. Федорова.

О том, чтобы сделать из кита как можно больше нужных народу продуктов, заботятся многие подгорновцы. Однако исполинская туша используется еще не совсем рационально. Можно производить из кита больше кормовой муки, удобрений, клея. Для этого нужно больше техники.

Вечер. Накат еще не стих. Но туман стал рассеиваться, открывая пенную взлохмаченную поверхность океана. В хаосе синевато-свинцовых туч вдруг появилась отдушина, сквозь которую сначала проглянул кусочек чистого и яркого, как эмаль, голубого неба, а потом блеснуло солнце.

Погода улучшалась.

ЗДЕСЬ ПРОХОДИЛИ БАЙДАРЫ И ЛОДИИ

Прощай, Северо-Курильск! На попутном судне, парусно-моторной зверобойной шхуне, отправляюсь на юг с расчетом при первой возможности пересечь на один из кораблей китобойной флотилии.

Серое бескрасное утро сменилось замечательным днем. Открылись острова, вулканы, и туман кутал, словно ватой, лишь их подножия да простирался тонкими прозрачными лентами у вершин.

Шхуна идет Четвертым Курильским проливом — старым путем русских мореплавателей. За кормой — знакомые очертания Парамушира. Заметен тающий конус Алаида. С левого борта виден Онекотан с красивыми заостренными пиками — Немо и Креницына. Оба они — «юные» конусы более древних вулканов, от которых остались лишь громадные чаши — кальдеры. В южной кальдере прячется изумительное творение природы — зеленоватое озеро, кольцом окружающее черный пик Креницына. В ноябре 1952 года здесь происходило извержение. Озеро кипело и клочкотало. Повисшую над островом черную тучу пронзали молнии.

Слышался невообразимый грохот. Сейчас ничто не нарушает покой конусов, усеянных черными глыбами вулканических бомб.

Впереди — Харимкотан, похожий на разрушенный город, и Чиринкотан, напоминающий опрокинутую воронку. Дальше — расчлененный перешейком на две части Шиашкотан и пик острова Экарма. А в бинокль можно различить в широком проливе острые зубья торчащих из воды скал Ловушек.

Вулканические пики, конусы и изломанные хребты; длинные лавовые мысы и узкие лестницы террас, стометровые обрывы и низменные туманные перешейки; одинокие кекуры¹ у берегов и морщины барранкосов,² радиально расходящихся от вершин; черные базальты и разноцветные глины и туфы; шапки, пятна вечных снегов, зеленый бархат трав, сверкающие нити водопадов, белая пена прибоя, ленты туманов, бесчисленные птичьи гнездовья, стремительное течение и зыбь в проливах — вот как выглядит Курильская гряда с моря.

Многие острова похожи на вершины гигантских гор, подножия которых спрятались глубоко под водой. Да так оно и есть на самом деле. Вдоль гряды идут большие глубины Курило-Камчатской (Тускарорской) впадины, и если бы океан отступил, Курилы значительно превзошли бы величайшие горы мира, ведь наибольшая глубина впадины достигает 10 382 метра, а высочайшая на земном шаре вершина Чомолунгма (Эверест) — 8882 метра. Могучие вулканические силы породили островную дугу, протянувшуюся на 1200 километров. Все острова (тридцать крупных и множество мелких; японцы называли их архипелагом тысячи островов — Тисима-Ретто) — это или одиночные вулканы, округлые по форме, или цепочки сплеченных перешейками древних, уже разрушенных, и молодых конусов. Советские ученые насчитали на Курилах 89 вулканов, и почти половина из них дымит, время от времени пробуждается, трясет острова, осыпает окрестности пеплом и градом бомб.

Бурлит за кормой, убегает бесконечным белым хол-

¹ Одинокие камни у берега, похожие на столбы.

² Глубокие промоины, спускающиеся по склонам вулканических конусов.

стом вода. Один за другим проплывают острова, и такот вдали их голубые силуэты. Каждый манит и зовет к себе, но судно идет полным ходом, и рулевой зорко следит за румбом. Да и не легко подойти к островам, окруженным рифами и грохотом прибоя. И, чтобы узнать их «биографию», приходится довольствоваться картой... Мыс Козьревского и остров Анцыферова, вулканы Креницына и Шебалина, проливы Евреинова и Крузенштерна, Головнина и Среднего, Дианы и Надежды. О многом напоминают, о многом говорят эти имена на карте...

Накануне отъезда из Северо-Курильска я был свидетелем такого эпизода. Рыбаки, только что вернувшиеся с моря, перебрали с палубы на пирс старинный, изъеденный морской водой якорь с тонкими лапами.

— Неводом зацепили, — сказал один из них береговым мотористам, подошедшим взглянуть на необычную добычу.

— Литой?

— Какой там литой! Кованый. Видать еще при царе Горохе сделан.

— Скорей всего петровских времен, — уточнил парень в комбинезоне, судовой механик.

— А может, это, ребята, японский? — усомнился один из береговых.

— Русский, — строго сказал механик. — Буква видна, на «ять» похожая.

Мы долго разглядывали якорь, сбивали с него ржавчину и ракушки, но надпись разобрать так и не удалось.

Кому из мореплавателей прошлых веков принадлежит этот якорь? Какой трагедии, какого подвига является он немым свидетелем?

Может быть, якорь принадлежал лодии, на которой ходили к Онекотану навигаторы Евреинов и Лужин?

В 1719 году по личному распоряжению Петра Первого они отправились на Курилы с инструкцией «описать тамошние места... и все на карту поставить». Прибыв в 1720 году в Охотск, навигаторы пошли на лодии с мореходом Мошковым к Шестому острову¹. Буря заставила их высадиться на Камчатке. Перезимовав в Большерецке, в

¹ Первые русские мореплаватели называли острова порядковыми номерами, начиная с северного — Шумшу.

мае 1721 года они вновь отправились под парусом для «проведывания островов» и дошли до Онекотана.

Вот что рассказывает о дальнейших испытаниях, которые они перенесли, исследователь Курил, географ прошлого столетия А. Полонский:

«Тут погодою изорвало парус и потому бросили якорь и держались на нем двое суток; но на третьи сутки канат лопнул, и лодию понесло в море. На ненадежном судне, лишившиеся паруса и единственного якоря, отважные плаватели носились по морю целую неделю; переменявшимся ветром случайно прибило лодию ко Второму острову в такое время, когда команда находилась в совершенном изнеможении от недостатка провизии и воды... За потерю наличного и неимением запасных якорей, вместо них была брошена пушка и наковальня, и затем команда съехала на берег. Запасшись там провизией и водою, люди возвратились на лодию; когда начали поднимать изобретенный нуждою якорь, чтобы следовать в Большерецк, канат опять порвался и последняя их надежда осталась в море. Лодия ушла от Второго острова без якорей, а снасти были изорваны и до того гнили, что без замены их новыми казалось не было возможности совершить короткий переход до Камчатки. К счастью странников ветер благоприятствовал их плаванию... В Большерецке не было в запасе никаких судовых материалов. В такой крайности Мошков сделал два деревянных якоря, оковал их сковородами и 12 июля пустился на лодии в Охотск».

Вот как открывались Курильские острова! Много якорей, много лодий, шитиков, гвозденников, байдар, гальйотов, бригов покоится на морском дне. Сохранились сведения об огромном числе судов, разбившихся о камни и затонувших у Курильской гряды. Сотни русских мореходов с такою же отвагой, как и посланцы Петра, пускались в трудные плавания через вечно туманные и бурные проливы, переносили невероятные тяготы и опасности во славу России.

Где-то здесь проходил казачий сотник Черный, преодолевший на байдаре 19 проливов. Где-то там, у Ловушек, буйное течение несло на рифы «Надежду» — корабль Крузенштерна. А еще дальше, где высится невидимый отсюда Уруп, цунами в 1780 году выбросило на берег бригадину «Наталию», на которой совершал плавание посадский Шабалин...

Солнце клонится к закату. Над головой редкие перистые облачка. Стою на палубе, гляжу на острова и вдруг приковывает взор новая, никогда ранее не виданная картина. Далеко-далеко над океанским простором, в нежно-белом пуху облаков, плывет по небу корабль, опрокинутый мачтами вниз... Что за чудо! Уж не галлюцинация ли? Не призрак ли крузенштерновской «Надежды» или головнинской «Дианы»? Крепко зажмуриваю глаза, но когда открываю, корабль по-прежнему плывет по небу. Его силуэт то колеблется и расплывается, то вновь принимает четкие формы. И тут вижу, что «призрак» интересует не только меня. Двое моряков разглядывают его в бинокль и переговариваются:

— Какая сильная рефракция, — говорит один.

— Кажется, «Советский Союз» идет, — помолчав, замечает другой. — А может быть, «Витязь».

Вскоре «призрак» пропал.

Заговариваю с моряками о только что названных пароходах... Океанский гигант «Советский Союз» — крупнейшее в нашей стране комфортабельное судно — совершает регулярные рейсы между Владивостоком и Камчаткой и проходит вдоль Курил. Известный всему миру «Витязь» с экспедицией Академии наук на борту вот уже десять лет проводит здесь океанографические работы, изучает рельеф Курило-Камчатской впадины.

Быстро смеркается. Контуров островов теряются в синевато-серой мгле. Тьма наваливается на океан. Тускло светят судовые огни, фосфоресцирует под бортом вода, изобилующая планктоном. Но вот слева, там, где ночь запрятала Курильскую гряду, вспыхивает желтый лучистый огонек и сияет, сияет сквозь мрак. Сверюсь по карте: видимо проходим мимо острова Шиашкотан — небольшого, вытянутого, почти безлюдного. В чьем окне, у чьей палатки светится огонек? В домике метеорологов? У палатки геологов или, на привале вулканолога, застигнутого ночной мглой на склоне вулкана? Кто его знает...

Ночь темна, ночь дышит сыростью и леденящим душу холодом океанской пустыни. И вдруг оттуда, где сияет огонек, доносится сильный волнующий запах — аромат трав, деревьев, цветов; густо веют мягкие ласковые струи воздуха — тепло земли.

«ДИВИЗИОН ПЛОХОЙ ПОГОДЫ»

— С добрым утром, товарищи китобои!.. Открываю капитанский час. «Ураган», давайте вашу обстановку...

— Говорит «Ураган». С добрым утром, Николай Николаич! Стоим у Симушира на якоре. Туман.

— Говорит «Шторм». Идем малым ходом против зыби. Находимся в районе Черных Братьев.

— Говорит «Циклон». На траверзе Онекотана... Видимость хорошая. Имеем добычу — одного финвала.

— Говорит «Пурга»... В поиске...

Помигивает красным светом контрольная лампа. Из-за широкой спины радиста в рубку врываются густые простуженные голоса. В эфире — китобои, «дивизион плохой погоды», как называют Курильскую флотилию, корабли которой носят наименования всех недобрых ветров мира.

Китобои... На восемь месяцев они уходят в океан. Восемь месяцев — поиски фонтанов, кровь на волнах, лихая и опасная работа...

Охота за кашалотами

Проторчав всю ночь в жаркой, как бане, дежурке, я, наконец, дождался китобойца. На рассвете, словно «летучий голландец», из тумана вынырнул корабль с пушкой на носу.

Это был «Буран».

Матросы буксирного катера передали китобоям хвостовики¹ и гарпуны взамен тех, что торчали в тушах приведенных китов. Я влез по штормтрапу наверх. И тут же послышался пронзительный гудок, загрохотала машина, задрожала палуба, и берег пропал из виду.

Как встретят китобои «пассажира»? Не будет ли им в тягость лишний человек, приносящий по старому морскому поверью всяческие неудачи? Не прошло и минуты, как подошел моряк с окладистой адмиральской бородой и провел в капитанскую каюту, к койке, заправленной чистым бельем.

— Капитан почти никогда ею не пользуется, — сказал он и, в ответ на мой недоумевающий взгляд, добавил: — Он спит на диване одетым.

Убаюканный ритмичным покачиванием, я мгновенно

¹ Петли из стального троса.

заснул и проснулся в десять часов утра от стука в дверь. Буфетчица приглашала к завтраку.

Серая пелена туч, наложенных друг на друга, закрывала все небо. Но море, медленно катившее пологие валы, просматривалось до самого горизонта. Было тихо. Лишь, когда «Буран» разворачивался на юг, порывы ветра со свистом и стоном обрушивались на надстройку, и тогда казалось, что какое-то гигантское живое существо, негодя, хочет остановить корабль.

Мы находились в районе островов Кетой, Ушишир и Расшуа. Их вершины рисовались справа. Там же виднелся силуэт китобойца. Видно, не только моряков «Бурана» интересовали проливы, разделяющие острова. Все знали: в зоне смешанных вод бурно развивается планктон, поэтому здесь много рыбы и частыми гостями бывают киты.

Добрая половина экипажа находилась наверху. В бинокли и простым глазом китобои оглядывали море. Двое в завязанных на подбородках ушанках и в шубах вели наблюдения с мачты, из «вороньего гнезда», пятеро — с козырька бричдека (капитанского мостика); они сидели, пригналившись спинами к ветровым стеклам. Наблюдали за горизонтом и капитан, и гарпунеры, фигуры которых торчали на носу у пушки. Даже рулевой, стоявший на высоком, похожем на лобное место помосте, время от времени отрывал взгляд от компаса.

Я обратил внимание на бородатого моряка. Он приветливо улыбнулся, и его глаза молодо блеснули. Бородач стоял рядом с «телеграфом», он был, видимо, одним из помощников капитана. Все называли его Семенычем.

Поиск. Сосредоточенное молчание. Редкие отрывочные фразы.

Китов обнаружили в одиннадцать часов.

— Фонта-аны! — завопил бочкарь и протянул руку вправо.

— Право на борт! Самый полный! — скомандовал капитан.

Взбурлив за кормой воду, круто накренившись, китобоец ринулся к цели. Все бинокли обратились вперед, по ходу судна. Кроме толчеи волн да стай птиц трудно было что-либо разглядеть, но китобои уже видели добычу.

— Правее... левее, — командовал капитан рулевому, не отрывая глаз от бинокля.

Вскоре и я увидел двух громадных кашалотов. Они

шли рядом, одновременно занырявая и снова показывая черные спины, пуская фонтаны водяных брызг.

Гарпунер (во время погони к нему переходит командование судном), пригнувшись к пушке, руками показывал, куда повернуть, и китобоец в точности повторял движения кашалотов, с каждой минутой подходя к ним все ближе и ближе.

Вот они вынырнули почти у самого форштевня и с шумным сопеньем пустили фонтаны. Никакого внимания на преследующее их судно!.. Никто не страшен этим толстокожим жилистым исполинам, даже касатки, перед которыми трепещет все живое в океане. Без опаски совершают «космополиты-кашалоты» свои тысячемильные вояжи, бродя по водным просторам земного шара.

Выстрел. Свист линия, мелькнувшего белой молнией. Глухой взрыв гранаты. Значит, попали!..

Но кашалот жив. Заскрипели и опустились подвешенные к мачте блоки-амортизаторы, через которые перекинут толстый трос, сращенный с линем, кашалот сделал рывок, занырнул на глубину.

Через минуту кит появился на поверхности и пустил кровавый фонтан. Выстрел. Второй гарпун впился в черную спину. Теперь кашалот тянет уже два троса. Но он все еще жив. Взмахивая в воздухе громадными лопастями хвоста, он мечется из стороны в сторону, заныряет под судно, и тогда звучат звонки телеграфа, и китобоец пятится назад. Опасен кашалот в агонии — может погнуть головой винт, намотать на него лить.

Но все благополучно. Рывки слабеют. Движения гиганта становятся менее энергичными. Сначала тихо, а потом все быстрее стали вращаться барабаны лебедки, подтягивая кашалота к борту. С десятка матросов уже стоят на баке. Минута — и в кита всажена пика, по шлангу, раздувая тушу, накачивается воздух. В следующую минуту, рискуя попасть под удар хвоста, который гулко молотит по корпусу судна, матросы накинули на него прочную стальную петлю. Вдобавок хвост перехвачен цепью, и кит надежно закреплен у борта.

Как только матросы разогнули спины, капитан перевел рукоятку машинного телеграфа на «самый полный вперед». Китобоец помчался вдогонку за вторым кашалотом.

Его загарпунили очень легко и быстро, с одного выстрела.

Чтобы не обременять судно при дальнейшей охоте, обычно убитых животных «бросают на флаг», то есть оставляют в море с флагом и лампочкой, питающейся от батареи, и потом находят их днем — по флагу, ночью — по огоньку. Так сделали и на этот раз.

Над китами закружилась туча слетевшихся со всех сторон птиц, а «Буран» пошел ко второй группе кашалотов, обнаруженных бочкарем, и, выбрав самого крупного из них, стал преследовать.

Но «богодул», как называют китобои больших кашалотов, оказался «стреляным», «хитрюгой». Видимо, он был голоден и промышлял кальмаров. Периодически всплывая, кашалот пускал несколько фонтанов и снова занывиривал, не подпуская судно на выстрел.

Время перевалило за полдень. Южный ветер крепчал. Люди плотнее запахивали полушубки. Новый рулевой заступил на вахту в валенках и огромном тулупе. Гарпунер, вымокший с ног до головы, делал у пушки физзарядку, бил руками по полам полушубка. У всех посинели носы, словно дело происходило в январе, а не в июле.

А кашалот все хитрил, выписывал восьмерки. Выбирая самые неожиданные курсы, он затягивал китобоец все глубже в пролив.

— И охота ему в такую погоду бегать! — сострил бочкарь — огненно-рыжий парень в распахнутом полушубке и ушанке, с нависшим над глазами козырьком.

Если бы не было в природе вечеров и ночей, китобои, пожалуй, охотились за кашалотом — этим «упрямым ишаком» — сутки, двое, неделю. Но напоздли сумерки. а «Бурану» предстояло еще разыскивать «флаг».

Вышли опять в Охотское море. И только тут стало ясно, что слишком увлеклись. Флага на месте, в точке, отмеченной на карте, не оказалось. Куда унесло его течение? Может быть, в океан? В последнем проблеске иссякающего дня кто-то заметил черную точку на фоне острова.

Быстро темнело. Китобоец осторожно подходил на малом ходу к Кетою. Капитан то и дело посматривал на радар и эхолот. Глубина «прыгала» с трехсот пятидесяти метров до ста и обратно. Семеныч листал лоцию... На расстоянии 2—3-х миль от берега остров Кетой окружен подводными скалами.

Дальше идти было невыносимо.

Но не бросать же двух китов! Тем более, что на капи-

танском часе уже сообщено о них капитану-директору флотилии.

Семеныч подошел к капитану и что-то сказал. Через минуту они склонились над картой, и я услышал их разговор:

— Видишь камни, Семеныч? Будь осторожнее.

— Возьмем севернее.

— Пожалуй, верно. Теперь давай договоримся о сигналах: белая ракета — ищите, одна красная — нашли, две — буксируете, зеленая — полундра. Запомнил?

Семеныч кивнул головой.

— Ну, в добрый путь.

Семеныч собирался идти на шлюпке к острову за китами. Ничего себе — предприятие: на маленькой рабочей шлюпке буксировать двух гигантов-кашалотов! Даже не верилось, что договариваются всерьез. Однако, выйдя на мостик, капитан распорядился спустить шлюпку. В нее прыгнули рыжий бочкарь и Семеныч. Приняв ящик фальшфейеров и ракет, они стали рассовывать их по карманам.

Товарищи с борта китобойца наперебой спрашивали: взяли ли концы, спасательный круг, черпак, топор?

— Да ну вас! — махнул рукой Семеныч. — Чего пристали!..

Луч прожектора был бессилен против тьмы. Он светил всего метров на пятьсот, и шлюпка вскоре скрылась. Китобой вглядывались в ночь, вслушивались.

Прошло полчаса. Час... Наконец, над океаном, над смутно проглядывавшим островом взвилась огненная змейка красной ракеты.

— Нашли! — выдохнул кто-то.

Но не прошло и пяти минут — вспыхнула белая. И вслед за этим белые ракеты стали одна за другой взлетать над островом.

Звонки аврала. Тревожась за судьбу товарищей, капитан приказал спустить на воду большой моторный бот, и человек десять пошли на помощь Семенычу и бочкарю.

А с ними произошло вот что. Добравшись до намеченного мыска, Семеныч и его напарник увидели темневшие на воде округлые туши. Стали подгребать к ним поближе, и вдруг в мерном рокоте прибора уловили близкое шипение буруна. Это были не киты, а большие, отшлифованные водой камни. Кашалоты оказались по другую сторону мыска, и их нашли уже после того, как подошел бот.

«Буран» с китами по обоим бортам полным ходом шел на комбинат. Ветер стих. Из-за туч выплыла луна, и по морю протянулась дрожащая желтая дорожка.

— Может быть, заштилюет?.. Хорошо бы! — вздохнул Семеныч, который, вернувшись на судно, отстаивал последние минуты своей вахты, кончавшейся в ноль часов.

Сменившись, он пригласил меня к себе в каюту поужинать. Пока жарилась картошка, взятая из «НЗ», и сало кита, видом и вкусом почти не отличающееся от свиного, Семеныч, увлекающийся фотографией, достал кучу снимков.

— Семья во Владивостоке? — машинально спросил я.

— Не успел обзавестись, — улыбнулся Семеныч.

— Сколько вам лет?

— Угадайте...

И только тут, внимательно приглядевшись к его лицу, я понял, что «папашей» делает Семеныча его адмиральская борода.

Ему всего тридцать, но плавает он давно. В 1942 году в проливе Лаперуза взорвался его пароход, первым шедший в караване, державшем курс на Камчатку... Семь лет бродил Семеныч по морям и океанам, а когда вернулся домой — не узнали ни мать, ни сестра. Собирался отдохнуть у своих месяца два-три, но, прожив на берегу неделю, заскучал по морю и ушел в новое плавание.

Семеныч очень обрадовался, услышав, что я скоро буду в Москве.

— Сестренка же у меня там! — воскликнул он. — В МГУ учится. Вот бы вам встретиться. Хо-орошая у меня сестренка! А?.. Запишите адресок. Передайте, что, мол, видел Витьку. Жив-здоров. Бьет кашалотов... Только про бороду — ни гу-гу. Ладно?

Рассказ о женщине в капитанской фуражке

О женщинах на китобойцах часто говорят с налетом, ухарства. В долгие часы поиска можно услышать не одну историю о легких и трудных победах, одержанных над женским сердцем. Особенно любит прихвастнуть своими донжуанскими похождениями рыжий бочкарь, названный товарищами в шутку Яшкой-боцманюгой.

Но есть женщина, имя которой окружено ореолом мужского уважения. Эта женщина, тонкая, как тростиночка,

носила на русских волосах капитанскую фуражку и командовала китобойцем. И поныне вспоминают ее китобой, хотя прошло уже несколько лет с тех пор, как она не работает на флотилии.

...Дочь владивостокского адвоката, Валентина Орликова вопреки воле родителей поступила в морской техникум и, окончив его, плавала на торговых судах. Вначале она была штурманом, а в годы войны — старшим помощником капитана на пароходе «Жан Жорес», совершавшем рейсы в Америку. На китобоец пришла в 1948 году, когда организовалась Курильская флотилия.

Про Орликову рассказывают много всяких историй — о том, как она спасала корабль в часы страшного тайфуна, как матросы, привыкшие к громовому и ядерному мужскому слову, очень долго не понимали ее деликатных команд.

Вот о каком случае рассказал Яшка-боцманюга.

Несколько лет назад, в конце октября, на китокомбинат «Скалистый», что расположен на Симушире, острове в средней части гряды, шел с лесом лагерь (небольшое рыболовное судно). На его борту была пассажирка — беременная женщина.

Октябрь на Курилах — пора затяжных осенних штормов. А в тот рейс морякам вообще не повезло: от самого Владивостока судно трепал девятибалльный шторм. Но самое скверное случилось на подходе к Симуширу, в проливе Фриза. «Скисла» машина, и (одно к одному!) у пассажирки начались предродовые схватки.

Потеряв ход, судно под напором ветра завалилось на левый борт, и пошли швырять его штормовые накаты... Видимо, капитан надеялся каким-то образом спастись. Лагерь не давал „SOS“, но непрерывно «кричал» в эфир о том, что на борту находится роженица, и просил снять ее.

Как только на «Бурани» услышали это, китобоец, стоявший под защитой острова на якоре, пошел к проливу Фриза.

Мрачно выглядел пролив. Громадные глыбы волн. Полосы пены. Лагерь, раскачиваемый, как на качелях.

Казалось, не было никакой возможности подойти к его борту. Договорившись по радию с капитаном лагеря, Орликова приказала укрепить у борта строп и, как только это было сделано, дала полный ход.

Искусный маневр — и «Бурани» на секунду коснулся

логера. Загрохотало железо бортов, и в этот момент моряки логера успели перебросить женщину, завернутую в шубы, на руки китобоям.

На мостик пошел старпом. Капитанская каюта превратилась в акушерскую. Орликова, с засученными рукавами, перетряхивала судовую аптечку, матросы тащили тазы и ведро с горячей водой.

Как она в жестокую качку, без необходимого инструмента, без умения принимала роды — осталось тайной. Скоро сквозь завывание ветра, грохот волн послышался тонкий крик ребенка. Матросы на цыпочках подошли к двери капитанской каюты, но Орликова прогнала их.

Закутав потерявшую сознание роженицу и ребенка в одеяла, она ни на секунду не оставляла их. А китобоец самым полным ходом, преодолевая бортовую волну, шел к Симвширу.

В Скалистом нет даже маленького деревянного пирса. О его крутой берег вечно бьется накат, а в тот день на берег катились трехметровые валы воды... Высадить роженицу с ребенком было труднее, чем принять на борт.

Десять минут раздумий и, сдвинув к переносью брови, Орликова скомандовала:

— Приготовить шлюпку!

Пассажиров опять закутали в шубы. Два матроса, одним из них был сам рассказчик, в ответ на молчаливый взгляд Орликовой примостились в носу и на корме.

— Шлюпку за борт!

Завизжали тали. Шлюпка коснулась днищем воды и тут же «хлебнула». Следующая волна подхватила, подняла ее на свой гребень, стремительно понесла к берегу, где, как живые, ворочались камни. Но как только шлюпка коснулась их носом, десяток багров уцепился за борта, и она была дружно выхвачена на берег.

Конец у этой истории такой:

— В прошлом году забегали мы на Скалистый, — рассказывает Яшка-боцманюга. — Живой наш крестник?.. Живой. Вон, говорят, ихний дом, шлепайте туда. Пошлепали мы. Глядим: тетка знакомая на крыльце сидит, а на досточке через ручей карапуз стоит. Наш или не наш? Тот был красненький, как малявочка, а этот... с соображением: камушки в воду пуляет.

Наш оказался!

Взяв курс на юг, чтобы забункероваться на базе горючим, «Ураган» не прекращал поиска. Делом чести было прийти с парочкой китов у борта.

Но экипажу не везло. Весь день «гонялись за видимостью», но и в проливах и в океане — всюду, где проходил китобоец, стлался над водой туман. Видимость была очень ограниченной, и хотя китобоец сделал не одну сотню миль, за все время только раз обнаружил фонтан финвала. Кит ходил галсами, видимо, промышляя рыбу, и быстро скрылся.

Вечером капитан и гарпунер, оба старые китобои, с коричневыми морщинистыми лицами, долго колдовали над картами, разграфленными на квадраты, выбирая район промысла, и наконец решили «зайти в гости» к Черным Братьям. Судя по сведениям, полученным на капитанском часе, там была ясная погода. К тому же однажды у «братьев» «Урагану» сильно повезло — наткнулся на «огород», так называют стадо кашалотов. С тех пор Черные Братья стали одним из любимых мест охоты «Урагана». Там же, у подножия действующего вулкана, под градом раскаленных камешков он иногда бункеровался пресной водой.

Капитан был очень разговорчив и охотно рассказывал о породах и повадках китов, об истории китобойного промысла и о том, как «Ураган», который раньше был самым никудышным кораблем на флотилии, вышел в передовые. Гарпунер же, маленький как стручок, пожилой флегматичный человек, которого в экипаже называли Серегой, напротив, все время молчал. Кроме односложного «угу» от него не удалось добиться ни слова. И тогда капитан прямо при нем стал рассказывать, что Шадрин — опытный, меткий гарпунер, работавший раньше на «Алеуте» и убивший на своем веку не одну тысячу китов, — гарпунер утвердительно кивал головой и «угукал». Однако, увидев его во время охоты, когда он стоял у пушки в долгополой шубе-борчатке и толсто подшитых валенках, я стал сомневаться в этом.

Утро застало нас у Черных Братьев. Они поднимались над горизонтом двумя конусами и издали казались одним островом. Лишь когда китобоец подошел ближе, в бинокль стал виден узкий, теряющийся в скалах пролив.

Правый Брат — Чирпой — мертвое нагромождение камня. По краям кратера, если хорошенько приглядеться, можно заметить тонкие белые дымки. Левый островок — Брат Чирпоев — выглядит веселее. Его вулкан давным-давно потух, и склоны поросли травой. Западнее Черных Братьев подымается еще одна земля — цельная крутобокая глыба острова Броутона. В бинокль хорошо видны отвесные кручи, обрывающиеся в море, кудрявые шапки кустарника. Остров Броутона, как и Черные Братья, — необитаем. Их населяют лишь пернатые да сивучи.

Как и предполагали китобои, погода здесь стояла замечательная. В океане и даже в проливах был почти полный штиль. Щедро сияло солнце.

Все свободные от вахты моряки были наверху. Одни вместе с наблюдателями смотрели в бинокли, другие разговаривали, фотографировали острова. Высокий парень, с маленьким мольбертом в руке, рисовал конусы Черных Братьев. Судовой токарь, сидя на ящике, шлифовал фигуры шахматных коней и ладей, выточенных на станке из кашалотовых зубов. Тут же лежал, высунув язык, любимец экипажа маленький лохматый Тузик.

Временами бочкарь неуверенно кричал: «Право!» или «Лево!» и тогда все сосредоточивало внимание на море. Наконец, из бочки послышался уверенный и радостный возглас:

— ЕСТЬ! Вижу!

Разом вскинулись все бинокли.

— А вон еще, правее!..

— У-у, да там огород!

И сразу все ожило на судне. Зазвучали уверенные команды, люди задвигались, заулыбались, слышали шуток. По мостику к пушке просеменил гарпунер, несмотря на теплую погоду, одетый, как и вчера, в валенки и шубу.

— Давай, Серега, целься!

— Луи, Серега! — весело напутствовали его с палубы. Когда кашалоты идут стадом, охотиться легко, и поэтому все были уверены в удаче.

Китобоец, сильно застучав своим стальным сердцем, полным ходом пошел к кашалотам. Вот сбавили ход. Рассекая морскую гладь, «Ураган» подошел вплотную к «огороду». Кашалоты спокойно двигались вперед.

— Ну, бей же! — не выдержал кто-то.

— Вот того, правого, правого!

Но Серега не торопился. Под горячую руку можно задеть «маломерку», а международная конвенция и наши законы запрещают бить молодых китов. Серега искал большого кашалота и ворочал пушку из стороны в сторону.

И тут все обратили взоры за корму. Выстрела не было, а там, в белой полосе буруна, расплывалась красная круговина и, беспомощно, боком, лежа на воде, хлюпал кровавым фонтаном маленький кит, длиной не более трех метров.

Тишина воцарилась на бричке. Кто-то застучал молотком — на него зашикали. Несколько секунд люди молча смотрели на раненого кашалота и не могли понять — что же случилось. Потом догадались: «Видать, пацан под винты попал!»

Стадо медленно удалялось. Но вот от него отделились две крупные самки и подплыли к раненому китенку. Не обращая внимания на полосу бурлящей за кормой воды, на китобоец, они подныривали под китенка и оттаскивали его на спинах все дальше и дальше в море.

Ссутулясь, волоча ноги, гарпунер прошел по мостику и стал спускаться в жилое помещение.

— Рука дрогнула, — пробормотал он в ответ на вопросительные взгляды товарищей.

Вахтенный штурман дернул рукоятку машинного телеграфа на «полный вперед». Загрохотали дизели. Злыми расходились люди, костили на чем свет стоит гарпунера. Так и не удалось убить кита, и всю вину валили на Серегу.

В темноватой кают-компании, где четверо, в том числе и гарпунер, невесело хлопали костяшками домино, уже зажегся свет, когда неожиданно послышался вой сирены, означавший, что обнаружен кит. Уронив кости, гарпунер побежал в каюту одеваться...

Солнце стремительно катилось в густо посиневшее море. Впереди мелькнула черная туша.

Это был крупный блювал. Долго преследовал его китобоец. Как только подходили на выстрел, осторожный кит занывирал и потом появлялся там, где его меньше всего ожидали. Затрудняло охоту и то, что не были видны блины — салынные пятна, поднимающиеся на поверхность, по которым днем китобой определяют подводный курс китов.

Вскоре совсем стемнело, и небо стало трудно отличать

от воды. Теперь об охоте и думать было нечего. Мостик опустел. Только гарпунер в шубе с поднятым воротом, в валенках и в шапке с завязанными ушами все еще стоял у пушки.

— Эй, Серега, пойдем слушать шум подводных лодок! — со смехом крикнули ему.

Вдруг под самым носом судна послышались пыхтенье и плеск воды. В тот же миг грохот выстрела оборвал тишину. Громадный блювал рванул лить с такой бешеной силой, что амортизаторы упали до палубы. Засвистел трос, вырываясь из клюза. Загохотала машина.

— Ну, прибавь!.. Прибавь еще на рубчик! — кричал капитан в переговорную трубу машинного отделения, упрашивая механика увеличить обороты двигателя.

Шли минуты за минутами, а трос, толщиной в руку, все летел и летел в воду. Пробовали притормозить его на лебедке — трос задымился. Старший механик побежал в машинное отделение, чтобы все-таки «выжать» из двигателя еще несколько оборотов.

Три бухты троса унеслось в черную пучину — полтора километра, а блювал тянул с прежней силой, и в луче прожектора было видно, как трос то стрелой устремлялся вперед, то круто уходил в глубину.

Прошло полчаса — кит все еще буксировал китобоец. Но рывки постепенно слабели. Амортизаторы, натужно скрипя, поднимались. Лебедка, поминутно окутываясь паром, медленно наворачивала трос. Еще два раза подряд громыхали выстрелы — в черную тушу вонзились двойные гарпуны. Заматавшись в предсмертной агонии, исполненное животное вздыбило океан. Но минуты его были сочтены. Матросы, перегибаясь через борт, воткнули в блювала пику.

В столовой опять собрались игроки в домино. Теперь хлопали костяшками от души. Слышался громовой хохот. И только сидящий морщинистый Серега сидел с безразличным выражением на лице, и со стороны казалось, что он дремлет.

Король финвалов

В уютной круглой бухте, закрытой со всех сторон, стояла на якорях китобойцы и длинный, как нож, белый танкер. В океане властвовал ветер, а здесь было тихо, как

в пруду. Меж большими судами шныряли верткие мотоботы. От берега шли две веселые шлюпки — на одной ехала шумная компания матросов с гармошкой, на другой два моряка везли кинобанки и кипы книг.

Суда готовились к выходу в океан, бункеровались горючим и водой, получали продукты, газеты, кинофильмы. Китобои в рубахах и тельняшках валялись на зеленом коврике травы, бродили по окрестностям бухты.

Был тихий и нежный час утра. Туман лежал лишь на окружающих сопках, а над самой бухтой небо очистилось и сияло солнце. Неожиданно по воде прокатился гулкий пушечный выстрел, за ним второй и третий. Выстрелы нарушили мирный покой бухты. Где-то вдали откликнулось эхо. Заметались чайки.

Но странно, в компании китобоев, вместе с которыми мне пришлось ждать на берегу шлюпку, выстрелы вызвали не удивление, не тревогу, а иронические улыбки и смешки.

— Король финвалов!.. Болванки швыряет... — услышал я обрывки разговора.

Но к ироническому тону примешивались нотки зависти и восхищения:

— А сильный чудака, скажи?..

— Говорят, простым глазом видит лучше, чем в бинокль... Чем дальше бьет, тем точнее.

Так я услышал в первый раз про короля финвалов.

Мы встретились с ним у гарпуной пушки. Он вытягивал из воды тонкий капроновый лить, перевязанный через каждый метр узелками и кончавшийся красным бумом... Стриженная наголо лобастая голова, угловатая, но гибкая фигура, обтянутая толстым серым свитером с высоким воротом, — вот как выглядел этот король.

Николай Шамов завел меня в темную, пахнущую смолой кладовую. Он с заметным удовольствием показывал бухты линей и тросов, чугунные конические гранаты, мешочки с порохом, медные капсюли и горячо доказывал преимущества стрельбы гранатой без пороха. Но хотелось узнать не это. Воображение рисовало гарпунера — человека редкой профессии — суровым и бесстрастным, окруженным ореолом мужественной силы. А он был обыкновенным парнем, еще мальчишкой, в свитере и тапочках на босу ногу.

— Как ты стал гарпунером?

Он усмехнулся, наморщил большой лоб.

— Это длинная история.

Подумав, спросил:

— Знаете Никон Семеныча Карпенко?

Я немного знал этого старого искусного гарпунера, Героя Социалистического Труда. Припомнилась богатырская фигура, громовой раскатистый бас. С именем Никона, как по-свойски называют его моряки, связана вся история дальневосточного китобойного промысла. Он был на флотилии «Алеут», когда та в 1932 году вышла в океан в свой первый рейс. Никон стоял за гарпунной пушкой рядом с флегматичными норвежцами, которые были немые, как рыба, едва речь заходила о тайнах их профессии. Дореволюционная Россия не имела китобойного флота. Вот и приходилось Никону и его сверстникам учиться у иностранцев — на ощупь, на глазок, на сметку постигать гарпунерское искусство. Иностранцы вскоре уехали, но «Алеут» по-прежнему каждой весной уходил в океан, а с ним и Никон. Когда организовалась Курильская флотилия, он был одним из лучших гарпунеров Дальнего Востока.

Двадцать с лишним лет стоит у гарпунной пушки Никон. Треплют судно штормы, льется за ворот вода. А ему все нипочем. Также крепко хватаются за рычаг пушки руки, также верен глаз и крепки нервы.

— Ох, и могучий старик! — восторженно сощурил глаза мой собеседник и, помолчав, добавил: — Знаете, почему рассказываю-то о нем? Это же мой учитель. Никон Семеныч у нас, так сказать, профессор китобойных наук.

Легко дышала матово-голубая поверхность бухты, в воздухе веяли струи теплых запахов хвои. Выбравшись из кладовой, мы сидели на белых, как сахар, бухтах капронового линя, на полуяте, где расположена каюта Шамова. Он неторопливо вел рассказ, пересыпая его излюбленным словечком «окаянный», выражавшим у него чаще всего восхищение.

Николаю было тринадцать лет, когда он отправился в первое плавание. На китобойную флотилию пришел уже бывалым моряком, с мечтой стать гарпунером. Никон Семенович сразу оценил проворство и зоркий глаз своего ученика.

— Будешь гарпунером! — весело бросил он. — Но пока, брат... марсовым, бочкаем.

В первый день охоты вышел конфуз.

— Вижу фонтан! — взволнованно закричал Николай из «вороньего гнезда». Послушный его воле китобоец пошел туда, куда он указал. Но уже через десять минут снизу послышалась сначала ругань, а потом — дружный хохот... Китобоец подходил к стаду дельфинов.

С рассвета и дотемна торчал на мачте марсовый. Для него не существовало вахт и часов отдыха. Даже в туманные дни, когда все отдыхали, он, запахнувшись в полушубок, раскачивался на десятиметровой высоте, приучая глаза пристально смотреть в одну точку.

Вечерами в кают-компании, когда китобои «швыркают чай», Никон Семенович рассказывал о повадках китов, о приемах охоты, вспоминал бесчисленное множество всяческих историй, связанных с промыслом.

Долог путь в гарпунеры. Досыта налазишься по вантам, намерзнешься в «вороньем гнезде»; до винтика, оттирая тряпкой, узнаешь пушку — и только тогда, года через два, через три, а то и через пять, подпустил тебя к пушке сделать первый выстрел. С тоской наблюдал сверху Николай за уверенными движениями учителя. И ловя его взгляды, понимая душу, Никон решил устроить «экзамен» досрочно и твердо обещал допустить к пушке, как только будет выполнен годовой план. Оставалось добыть всего 300 центнеров сырца — одного кита.

Но тут навалились туманы. Дни тянулись за днями, китобоец ходил из одного квадрата в другой, и всюду, цепляясь за верхушки волн, клубился мокрый туман.

Как-то перед вечером, когда вся команда была в помещениях, Шамов по обыкновению наблюдал за океаном. Вдруг бурно заколотилось сердце... Фонтан! Впереди — финвал. Николай кинулся к пушке.

Выстрел!.. Кит на лине!

Когда его подтянули к борту, увидели, что гарпун прошел в туловище финвала 15 метров, с хвоста до головы.

— Королевский выстрел! — похвалил Никон Семенович.

С тех пор Шамов часто заменял старого гарпунера. Он делал выстрел за выстрелом — и все были удачны. Особенно везло на финвалов.

Когда флотилия пополнилась быстрыми, как ветер,

отечественными дизель-электроходами, и Карпенко перевели гарпунером на новый корабль, сбылась мечта Николая — он заменил учителя у гарпунной пушки.

— Вот и вся история! — наморщив лоб, заключил Шамов.

Я рассказал ему о том разговоре, что услышал утром на берегу.

— Смеются, оканные, — засмущавшись, пробасил Шамов. — Проходу не дают — смеются. А я все равно стреляю. Как прихожу в бухту, начинаю тренировку. Самое главное — точно расстояние определить, научиться бить китов с больших дистанций.

Он взял в руки линь, перевязанный узелками.

— С помощью этой вот штучки тренирую глаз на меткость... Хочу Никон Семеныча обогнать. Доволен будет старик. Очень доволен.

НОВЫЙ ГОД НА СИМУШИРЕ

— Сейчас начнем берег щупать, — пробормотал капитан.

С мостика даже нос судна с гарпунной пушкой и фигурой вперед смотрящего кажутся расплывчатыми, а дальше — непроглядная белесая муть, прилипшая к тихой воде. Туман... Но не тяжелый и мрачный, а легкий, словно подсвеченный электрическими лампами. Значит, он лежит тонкой пеленой, сверху — солнце.

Однако капитану от этого не легче. Растворив двери штурманской, он то смотрит на экраны радара и эхолота, дает гудки, то выходит на крылья мостика и прислушивается. Кажется, что ответные гудки раздаются и спереди, и сзади. Шевеля усами, капитан нюхает влажный воздух, протягивает руку, чтобы поймать ветерок.

— Пять градусов влево! — бросает он рулевому. И тут же, противореча себе, сердито и нетерпеливо: — Правее, правее держи!..

На самом малом ходу подходит, словно подкрадывается, китобоец к острову.

Но вот туман разом расступается. Корма еще теряется в белой вате, а нос уже залит солнцем.

Отлично виден и остров... Горный массив, почти отвесный внизу, в верхней части переходит в пологий каме-

нистый подъем. Склоны густо поросли ольховником и кажутся покрытыми темно-зеленым плюшем. Во многих местах их пререзают сверкающие на солнце извилистые русла водопадов и речек. Массив венчают опаленные серными парами зубцы кратера. Это — активно действующая Горящая Сопка.

Справа врезался в море мыс Аронт — след сравнительно недавнего извержения. Слева в голубовато-белесой дымке тают вдали мысы и острые конусы двух вулканов — Прево и Фудзи. На тихом рейде два китобойца — пушки пригнуты вниз, как клювы птиц; к нам идет катер с белыми усами бурунов.

Вместе со мной собирался сходить на берег матрос. Только как мы будем перебираться на катер? Он покачивается метрах в трех от китобойца. Между бортами две раздувшиеся темно-фиолетовые туши кашалотов. Моряки катера уже зацепили за хвостовики буксирный трос. Они и не собираются подходить ближе..

Навязав на выброску свою котомку, матрос перебрал ее на катер. То же сделал и с моим чемоданчиком. По штуртрапу он спустился вниз и спокойно, как по мостiku, пробежал к катеру по спинам кашалотов.

Очень недоверчиво смотрел я на эту зыбкую переправу — но делать нечего. Спустился по трапу, ступил на мягкую скользкую тушу одной ногой (только бы не поскользнуться!), второй (колыхалась, дышала зеленая пучина)... Раз! — и чьи-то руки помогли забраться на борт. Все в порядке!

Катер остановился метрах в пятидесяти от берега. Спустили шлюпку. Через две минуты, хрустнув днищем, она торкнулась в прибойную полосу, и мы с китобоем проворно выскочили на камень.

Так я попал в поселок Скалистый, на берег малонаселенного Симушира.

Прибойная полоса, круто уходящая под воду, усыпана круглой, крупной, как арбуз, галькой. День и ночь работа-прибой перекачивает, шлифует камни, превращая их в увесистые шары. Камнями разных размеров, вплоть до гигантских глыб, усеян весь берег, словно здесь только что произошел взрыв. Еще более мощным и опасным выглядит с берега горный склон, к подошве которого приле-

пились строения китокOMBината, в беспорядке разбросанные деревянные домики. Голые скалы и покрытые ольховником выступы нависают над поселком, и кажется, вот-вот обрушатся на него.

Впрочем, это бывает и в самом деле, когда случаются сильные землетрясения. Однажды сверху свалилась такая громадина, что разломала на две части здание лаборатории. Пришлось рядом ставить новый дом.

Первым островитянином, с которым я познакомился в Скалистом, был Евгений Николаевич Данилов, заведующий лабораторией и заместитель секретаря партбюро комбината, долговязый мужчина средних лет, с худым носатым лицом. Одет он в потертую кожаную куртку, вид ее говорит, что хозяин редко расстается с этой удобной одеждой. У меня сразу же сложилось впечатление, потом подтвердившееся, что это — очень хороший, добрый и бескорыстный человек, по-юношески восторженно любящий свою работу (вся его трудовая жизнь связана с китобойным промыслом) и дикую природу Курильских островов.

Живет Данилов с женой, тоже работницей лаборатории, и с трехлетней дочкой — белокурой, смешливой девочкой. Я познакомился с ними у входа в лабораторию, как раз у того камня, что свалился сверху.

Даниловы пригласили на ужин. Он состоял из свежей картошки и редиски в сметане (вот уж не ожидал, что на острове камня и скал выращивают овощи и держат коров!), а также таких экзотических блюд, как котлеты из волокнистого китового мяса и жареное китовое сердце, жестковатое, но очень вкусное.

За ужином говорили о Скалистом.

— Ну, и глухо же у вас, — сказал я.

— Разве это глушь? — возразил Евгений Николаевич. — Столько народу! Китобойцы, танкеры, пароходы... Вы бы зимой побывали! На комбинате остается всего человек шестьдесят. Пароходов нет. Пурга. Шторм. Скуотища! Но не унываем. Один и тот же фильм раз по десять смотрим. А этой зимой даже елку на новый год соорудили.

И Евгений Николаевич рассказал:

— Приближался новый год. Как и везде, у нас, на Скалистом, была создана комиссия по подготовке к празднику.

Раньше новый год отмечали просто: продавец распе-

чатывал бочку спирта, а киномеханик тащил из дому прятанный для этого случая фильм. Вот и весь праздник.

Но то было раньше, а за последние годы в поселке народилось видимо-невидимо детворы — не меньше сорока карапузов. Это-то обстоятельство и заставило нас, членов комиссии, подзадуматься.

Сидели в клубе, дымили папиросами. И один из наших с тоской в голосе сказал:

— По всей России елки сейчас из лесу волокут, а мы сидим, как медведи, и даже не можем своим детишкам показать деда-мороза и все такое прочее... Сроду ведь они елки не видели и даже не представляют себе, какая это веселая штука.

— Где ж ее взять, если вокруг гнутая ольха да кривая березка? — спросил второй.

— А что, товарищи, если кедрач приспособить? Та же елка! — вскочил с места представитель комсомола Генка-радист.

— Ну, и загнул! Во-первых, кедрач — не елка, во-вторых, и кедрача-то нету на острове.

— А я говорю — есть, — не сдавался Генка.

Тут на некоторое время установилось молчание. Я по острову много бродил. Стал вспоминать, где видел кедрач. Наконец, вспомнил.

— Кедрач, действительно, есть. — говорю. — Только далековато. Километрах в пятидесяти. И пройти туда сейчас трудно.

— Пройдем! — опять запетушился радист. — Хоть я и убежденный холостяк, и ни сыновей, ни дочерей не имею — однако предлагаю идти. А если вы, любящие папаши, ленитесь для своих детишек праздник устроить, так я один пойду.

Ивану Дмитриевичу, парторгу, предложение Генкино понравилось, и он сказал:

— Ставлю вопрос на голосование...

Утром мы подвязываем лыжи, котомки на плечи и — в путь. Семеро нас собралось. Все — ребята бывалые. Но и путь предстоял нелегкий — все время по горам, через псевалы.

Зима была вьюжной, многоснежной. Над берегом всюду нависали белые козырьки. От нашего поселка лишь крыши торчали. Кто поленился снег от окон подальше раскидать, днем с огнем сидел. А в горах зимы словно и не

было. Снег здесь не задерживается: сильные ветра сдувают его вниз, уносят в море. Под ногами скрипел сыпучий вулканический пепел. Иногда мы вязли в нем чуть не по колено. Лыжи пришлось оставить.

Подымались по ступенькам древней уступчатой лавы, по гряде вулканических бомб, которые гудели под ногами, как пустые бочки. Всюду большие камни, кажется, сотни тонн весят, а тронь рукой — качаются... Туфы. Все из легких вулканических туфов. В этом-то и таилась опасность: одно неосторожное движение — и на нас обрушились бы тысячи таких глыб, потоки пепла.

Среди черных мертвых камней и пепла яркими красками горели огромные свечи, люстры, веера, бороды... Летом в горах шумят сотни речек, ручьев, водопадов. Мороз сковал их неожиданно — они так и застыли на бегу, на лету и, казалось, вот-вот вновь придут в движение, загремят, и все вокруг оживет... Шли как по волшебному замку.

К вечеру поднялись на первый перевал. Впереди лежала долина Мидори — пятикилометровая щель между океаном и морем. Спуск был крут и покрыт ледяной коркой. Стали совещаться, как лучше спуститься.

— Я знаю способ! — крикнул радист.

Сел он на снег и — фьють! — закрутился белый вихрь. Смотрим, Генка уже внизу, отряхивается и руками машет. Нам ничего не оставалось делать, как последовать его примеру.

В долине Мидори я видел летом избушку. Но сейчас она была похоронена под снегом. Стали щупать сугробы палками. Долго ходили. Уже смеркалось, когда наткнулись на крышу.

Генка, конечно, ворвался в избушку первым.

— Тут русским духом пахнет, — оглядевшись, сказал он. — Добрая душа была...

На полке лежали консервы и буханка зачерствевшего хлеба, из печки — дровишки. Кто-то недавно ночевал в избушке. В общем, устроились на ночлег мы с комфортом.

Утром разбудил свист ветра. По всей долине курилась поземка. Но небо было еще ясное. На севере четко рисовался конус Прево. Заспешили.

Ветер с каждым часом усиливался. Чем выше, ближе к перевалу, тем труднее идти. В горах бушевала песчаная буря. Вскоре конус Прево пропал, все вокруг потонуло в

белой мгле, и чтобы услышать друг друга, приходилось кричать во все горло.

Перевал представлял из себя острый гребень. Миновать этот опасный открытый переход нельзя: с обеих сторон обрывы. Но и вперед невозможно было сделать ни шагу. Шквальный ветер нес навстречу песок и камни, срывал рукавицы, обрывал пуговицы. На мне была вот эта кожаная куртка — ее продувало насквозь.

Решив переждать, легли. Прижались к голому ледяному базальту. Уцепились за трещины. Прошло минут пятнадцать. Ветер не стихал. Лицо и руки покрылись ледяной коркой, смерзлись веки... И тогда стало ясно, что ветер не переждешь.

Слышу сзади на чем свет стоит костерят меня за то, что, якобы, повел не тем путем. «Нет, — думаю, — ждать больше нельзя, иначе — конец — замерзнем!»

Связали мы с Иваном Дмитричем, парторгом, ремни и поползли вперед. Он — с одной стороны гребня, я — с другой. Ползли, не поднимая головы, чтобы уберечь глаза. Метр, второй, третий... Ох, и досталось! Ну, да зато согрелись.

Когда перебрались и отдышались в затишье, не удержались от смеха: почти у всех были порваны брюки, а из рукавов лезла вата. Генка посмотрел на парторга и сказал:

— Вы, Иван Дмитрич, на странника-богомольца сейчас чем-то смахиваете.

— А вы, молодой человек, лучше на свои штаны обратите внимание. Как будто вас собаки преследовали, — в тон ему ответил Иван Дмитрич и, обращаясь ко всему отряду, спросил: — У кого есть иголка с ниткой?

Все молчали.

— Эх, забыли хорошую фронтную привычку! Избалованы женами!

Тут Генка, порывшись в карманах, достал моток медной проволоки.

— Меня-то еще никто не баловал. Вот она и нитка, и иголка. Кому нужно?..

Подремонтировав одежду, двинулись дальше.

К вечеру без особых приключений добрались до конечной точки нашего маршрута. Нас встретили приветливо. Обогрели, накормили. А утром дали провожатых, лопаты, и мы отправились на поиски кедрача.

Немало снегу перебросали, прежде чем увидели зеле-

ные мохнатые ветки. Наломали кедрача, набили им все семь котомок и наладились было в обратный путь. Но нас не пустили. Согласно метеосводке, ночью ожидалось усиление ветра и пурга.

Так оно и вышло. Трое суток света белого не видно было, и мы начали очень беспокоиться. Когда ветер стих, в нашем распоряжении оставалось лишь два дня. Встали пораньше, надеясь успеть в Скалистый к вечеру 30 декабря. И успели бы, если бы не так спешили...

Решив сократить путь, двинулись по крутому, градусов под шестьдесят, склону горы, который внизу нависал карнизом над морем. Пока снег на склоне был рыхлым, шли легко. Но чем дальше, тем снег становился тверже. Видать,хватило его теплым ветром, а потом подморозило. Пошли парами, держась друг за друга. Я — рядом с радистом. Горячий парень — все рвется вперед. И вот он поскользнулся, упал и стал медленно сползать к краю карниза.

— Держись, Генка!.. Держись!..

Пока расстегивали ремни, Генка, царапая ледяную корку, сползал все ниже и ниже. И уже остались какие-нибудь два-три метра до края обрыва...

— Генка! — Иван Дмитрич швырнул обломок палки чуть не в лицо ему. И вовремя. Радист схватил палку, воткнул в лед, затормозил. Тут уж успели связать ремни. Кинули ему петлю. Вытащили.

Стали вырубать под ногами лунки. Передовые менялись через каждые десять минут. Вырубил лунку — сделал шаг. Еще лунку — еще шаг.

В обед спустились с гор и не поверили глазам: ни пурги, ни ветра. Тишина. Сняли снега, голубело море. От поселка даже и крыш не видно было — одни дымки.

Весь Скалистый высыпал на улицу: как мы и предполагали, нас уже «похоронили». Оказывается, тут была сильная пурга, и все решили, что нас замело. И вот на тебе, шагают гуськом с котомками за плечами, бодрые, улыбающиеся члены новогодней комиссии!

В клуб притащили березку. Лишенная сучьев, она выглядела кривобоким уродцем. Но это не беда. В стволе просверлили дыры, вставили в них ветки кедрача, и елка получилась хоть куда. Особенно после того, как женщины обвешали ее, а радист обвешал лампочками. Ну и, как по-

лагается, утренняя была, хорошоды детишки водили. Для взрослых танцы были, и даже ряженые...

— А что, Мария, неплохая ведь получилась елка? — обернулся Евгений Николаевич к жене.

— Как настоящая. Даже лучше — пышнее! — весело поддержала его хозяйка.

Вечер. Прозрачный воздух пронизан последними бледными лучами солнца. Вдали рисуется прекрасный голубой конус вулкана Прево. По берегу пробирается между камнями охотник. Мельтешат фигуры хлопцев в майках на волейбольной площадке, толпится народ у бильярда, вынесенного на улицу.

Но вот огромный шар солнца утонул в море. Контур гор потемнели. На разделочной площадке китокмбината вспыхнули лампы.

Мы сидим с Евгением Николаевичем на завалянке, наслаждаясь свежестью вечера.

— Смотрите!.. Что это такое? — вдруг восклицает он, показывая рукой на север.

Там, вокруг конуса Прево, светилась багровая корона. Невозможно было оторвать глаз от этой жуткой и таинственной картины.

— Неужели? — бормочет, привстав, Евгений Николаевич.

Но это было не извержение. Вскоре из-за конуса показался край луны, создавшей такую фантастическую картину. На острове пока было спокойно. Вулканы лишь слегка «травили» серные пары. Они набирали силы, готовя грозные события.

ПРОБУЖДЕНИЕ ВУЛКАНА

В ноябре 1957 года прошло извержение на Симушире. И не Горящая Сопка, не вулкан Прево разразились. Проснулась кальдера Заварицкого, разрушенный вулкан, который испокон веков считался потухшим.

Симушир — этот узкий продолговатый островок, слепленный из четырех вулканов, привлек внимание сотен людей. На картах его взяли в красные кружки. Обком партии, облисполком, научно-исследовательский институт, уп-

правление гидрометеослужбы держали с Симуширом постоянную радиосвязь. Со всех сторон к острову подходили пароходы. В Южно-Сахалинск прибыла самолетом экспедиция московских вулканологов во главе с ученым секретарем лаборатории вулканологии АН СССР Софьей Ивановной Набоко и известным исследователем Курил Мархиным. Они ждали погоды, чтобы вылететь в район извержения.

Днем и ночью с симуширской гидрометеостанции поступали сообщения.

Из этих сообщений, из рассказов симуширцев — свидетелей извержения, стали известны подробности вулканической катастрофы.

В долине Мильна, сквозном коридоре меж океаном и морем, где вечно дует ветер или оседает на лице морось, стоят шесть домиков. Это симуширская гидрометеорологическая станция — один из аванпостов армии разведчиков погоды. Оторванные от большого мира тринадцать человек ведут наблюдения за погодой и температурой, запускают в небо радиозонды и стучат ключом, передавая длинные столбцы цифр, чтобы далеко от Симушира, в областном центре, и еще дальше, в Сибири, в Москве, другие метеорологи смогли предсказать погоду, предупредить суда и самолеты о грозящей опасности. В последнее время станция работает по программе международного геофизического сотрудничества.

Живет здесь в основном народ молодой. Женатые имеют огороды и держат коров, холостяки находятся у них на положении квартирантов со столом. От станции к Скалистому, где есть магазин, клуб и прочие блага, проложена берегом тропа, но по ней можно пройти лишь в часы отлива.

Однако связи с миром метеорологи не теряют. По утрам радист Володя Мякишев, выполняя комсомольское поручение, вывешивает на стене листок с последними известиями, по вечерам совершаются культпоходы в кино. Иногда на станцию забредают китобои: высаживаются на берег за черемшой и ягодами.

В ночь с 10 на 11 ноября метеорологов разбудило необычно сильное землетрясение, продолжавшееся два часа. Пять подземных толчков с нарастающей силой потрясли

остров. В домах обсыпалась штукатурка, полопались стекла.

Дежуривший в ту ночь радист-наблюдатель, зафиксировав землетрясение, сообщил о нем в Южно-Сахалинск. Утром 11 ноября его сообщение поступило в отдел сейсмологии Сахалинского научно-исследовательского института. Анализ показал, что землетрясение имеет вулканический характер и является прологом извержения.

На Симушир полетели запросы о дальнейших событиях. Но днем 11 ноября на острове было спокойно. Лишь к вечеру крупные кучевые облака над Бирюзовым озером, всегда имевшие его цвет, почему-то стали оранжевыми.

Метеорологи решили, что необычный цвет облакам придали испарения озера, и успокоились: не первый раз потряхивало остров! Но через сутки, утром 12 ноября, к северо-востоку от поселка, как раз там, где расположено Бирюзовое озеро, поднялись клубы черного дыма. Потом над озером появилась серая туча пепла с багровым оттенком. Послышался тяжелый гул.

В Южно-Сахалинск полетела радиограмма: «Наблюдаются зарево, густой дым высотой полторы тысячи метров. Слышится сильный шум. На поселок сыплется пепел». В ответ пришло указание из области — выяснить место извержения и через каждый час передавать сообщения о дальнейших событиях.

Начальника станции на острове не было. Его замещал Валентин Скороходов — коренастый крепыш с русым чубом, еще не успевший износить ладную солдатскую гимнастерку, оставшуюся со службы в армии. Получив радиограмму, он принял решение идти на разведку.

К северу от поселка подымается пологая сопка высотой в шестьсот метров, а за ней, в десяти километрах — Бирюзовое.

Вместе с радистом Борщовым Скороходов поднялся на вершину сопки. С нее было отчетливо видно, что вулкан действует в самом озере — в северо-восточной части его, где раньше выступал островок с маленьким озерцом.

Двое метеорологов продолжали свой рискованный путь, спускаясь к озеру. Все отчетливее становилась картина извержения. Кратер беспрерывно изрыгал клубы дыма и столбы пепла. Небо полосовали белые траектории вулканических бомб. Иногда они вылетали целыми роями. От шума и грохота ломило уши.

Остановились в восьмистах метрах от кратера. Дальше идти было опасно. У ног лежало окруженное скалами озеро, когда-то прекрасное, а сейчас грязное, взбаламученное, клокочущее, наполовину затянутое черным дымом. Казалось, что кто-то беспрерывно пускает оттуда ракеты.

Метеорологи простояли у озера несколько минут. К их ногам падали раскаленные камни. Трудно было дышать. Зажав ладонями носы, быстрыми шагами, чуть не бегом, они двинулись назад. Грозно ревел за спиной вулкан.

В два часа дня в Южно-Сахалинске читали радиogramму: «Место извержения установлено. Бирюзовое озеро. Скороходов».

Черный гриб все выше подымался над сопкой, облака дыма достигли высоты пяти-шести тысяч метров и, несмотря на крепкий встречный ветер, ползли по направлению к гидрометеостанции и Скалистому. Сильный запах серы распространился по всему острову. Во второй половине дня пошел дождь, перемешанный с пеплом. Он оставал на лицах людей грязные потеки.

Быстро смеркалось. Наступила ночь. В окнах домов отражалось зловещее зарево, захватившее полнеба. Вулкан беспрерывно бросал вверх огненные мячи. Разразилась гроза. Сотрясая домики метеостанции, загрохотал гром. Всю ночь молнии освещали серый горб сопки.

Гроза продолжалась и на следующий день.

Как же жили, как чувствовали себя в эти часы островитяне?.. Испуг, вызванный извержением, улегся уже к концу первого дня. К вулкану стали привыкать. Люди были спокойны. В море стояли на якорях китобойцы и грузовые пароходы. Это-то и придавало бодрости.

Днем 13 ноября отряд метеорологов во главе со Скороходовым снова пошел к озеру. На этот раз остановились в трех километрах. Дальше идти было опасно, да это и не требовалось. Вулкан пока вел себя мирно.

Однако вечером снова стало тревожно на острове. Из Скалистого сообщили по радиии, что стала проявлять признаки жизни Горящая Сопка. Из ее кратера вырвался столб огня.

Наука знает немало случаев спаренных извержений, когда один вулкан будит второй, и они начинают действовать одновременно. Так могло произойти и на Си-мушире.

Извержение на Бирюзовом никому не грозило, а если

бы разбушевалась Горящая Сопка, плохо пришлось бы Скалистому, приютившемуся у ее подошвы. Тысячи огненных бомб, тонны пепла, все сжигающие на своем пути лавы наверняка обрушились бы на него и похоронили поселок.

В море штормило, накаты с грохотом разбивались о камни. Вода захлестывала тропу. Вымокнув, Скороходов с трудом пробрался в Скалистый. Пост, выставленный у кратера, сообщил, что внутри вулкана явственно слышатся гул и клочотание. Шла подготовка к эвакуации. Люди укладывали чемоданы, резали скот.

«Из кратера Горящей Сопки появились выбросы огня, дыма. Клуб в Скалистом оборудован под убежище. Срочно требуются противогазы, спасательные пояса, резиновые шлюпки. Погода — шторм, временами снегопад», — радировал в областной центр Скороходов.

«Принять все меры к эвакуации людей. Первую очередь женщин, детей», — последовал ответ.

Сквозь белесую пелену пурги стали вырисовываться серые силуэты китобойцов. Один за другим они подвигались ближе к берегу. Когда ветер немного стих, к острову подбрасываемые накатами пошли шлюпки. По пояс, по грудь в воде матросы переносили женщин и детей.

А метеорологи продолжали следить за извержением на Бирюзовом. Обстановка менялась каждый час. Близился кризис...

«14 ноября. 01 час. Над озером висит красная шапка. Наблюдаются частые электроразряды. В воздух на высоту 400 метров выбрасывается темная масса. Погода установилась хорошая, морозная. Ветер 5—6 баллов».

«14 ноября. 09 часов. Один за другим следуют все усиливающиеся взрывы. Из вулкана вылетают камни, густой дым, пепел. Погода опять испортилась. Шторм. Низкая облачность. Снегопад».

«14 ноября. 12 часов. Взрывы участились. Усилились грозовые разряды».

«14 ноября. 13 часов. Очень сильные взрывы. Электрические разряды. Столбы земли, перемешанной с паром, поднимаются с промежутками от одной до десяти минут. Пахнет газами. Над островом пар, дым. Погода—метель».

«15 ноября. Произошло два взрыва исключительной силы. Второй сопровождался выбросом большого количества валунов. Они взлетали на высоту в 2000 метров. Па-

дали отвесно. При падении их слышался сильный грохот. Черное облако поднялось на высоту 6000 метров и достигло станции. Ощущается резкий запах серы».

Весь день 16 ноября из озера, как из гигантской трубы, валил черный дым. Направляемый ветром, он хвостом протянулся над океаном. Но извержение уже шло на убыль. Небо над станцией и Скалистым прояснилось. Стих грохот. Прекратились взрывы. Примолкла и Горящая Сопка. Войнственно погромохав, она вернулась к мирной жизни.

Вернулись в Скалистый к своему делу и обработчики китов, собравшиеся в эвакуацию. Вошла в ритм жизнь метеорологов, размеренная вахтами.

О вулканической катастрофе вскоре забыли.

Больше всех пострадали от нее, конечно, московские вулканологи, решившие из-за плохой погоды добираться в район извержения на маленьком суденышке.

Эх, и покачало же их в проливах, взбудораженных свирепыми зимними ветрами!

ВОЗВРАЩЕНИЕ БОБРОВ

«Малоплодовитый и сильно истребленный морской бобр¹ принадлежит к числу исчезающих пушных зверей».

(М. А. Сергеев «Курильские острова»)

Неожиданная находка

Несколько лет назад по угрюмому каменистому берегу Урупа шли три путника, обвешанных зелеными рюкзаками, ружьями, фотоаппаратами и биноклями, которыми они пользовались особенно часто.

Словно нарочно выбирая самый долгий и трудный путь, они строго придерживались береговой линии и оглябали бесчисленные мысы.

Берег этот, оживляемый лишь водопадами да речушками, природа сотворила, наверно, в порыве великого гнева. Он так завален громадными валунами, что некуда

¹ Морская выдра, морской бобр, камчатский бобр, благородный бобр — все это разные названия одного и того же зверя — калана.

ступить ногой. Люди прыгали с глыбы на глыбу или карабкались на них, теряя силы и время.

Порой горы подступали вплотную к океану, и тогда путники либо, царапая руки и лица, пробирались сквозь густо переплетенный кедровый стланик, либо по колени, а то и по пояс в воде преодолевали непропуски.

В полдень океан, словно сжалившись над людьми, отступил метров на тридцать от берега и обнажил ровную каменную плиту, усеянную всяческой живностью: колючими бурыми шариками морских ежей, бледными медузами, лентами водорослей. Разбитые сапоги путников весело зашлепали по лужицам. Теперь люди останавливались лишь затем, чтобы поднять что-нибудь из оставленного отливом и сделать записи в толстых блокнотах.

Вскоре их глазам предстала укромная бухточка, огороженная с океана цепью камней-останцов и кекуров, стоявших на вытяжку, словно часовые. На поверхности бухты путники заметили две черные точки.

— Кажется, котики... Наконец-то! — обрадовался один из них.

— Опять, небось, нерпы, — мрачно буркнул второй.

Тот, что шел впереди, маленький, подвижный человек лет сорока пяти, с коротко остриженной, начавшей сидеть головой, молча смотрел в окуляры восьмикратного бинокля.

Жители бухты то поодиночке, то парой пересекали ее гладкую поверхность, ныряли и вновь показывались из воды.

— Ну, кто это, Александр Иванович? — нетерпеливо спросил путник, шедший вторым, он был совсем юноша.

— Постой, Витя, — пробормотал смотревший в бинокль... — Котики, говоришь?.. Но почему они так странно плавают? Ясно видно, что звери плавают на спине и держат что-то в лапах. Ни одно из морских животных подолгу не держится на спине, кроме... Да ведь это — каланы! Даю голову на отрез — каланы. Вот так сюрприз! Да, знаете ли вы, юноша, что такое благородный бобр? — потряс он за плечо Витю. — Что в прошлом веке на одну чашу весов клали бобровую шкуру, а на другую золото?..

Стараясь не производить шума, путники стали пробираться между камнями к бухте. Однако не успели подойти к мыску, образующему северный берег бухты, как звери встревожились и занырнули.

— Пугливый зверь. Очень боится человека, — прошептал Александр Иванович.

Спрятавшись за камнями, не смея произнести вслух ни слова, они лежали не меньше сорока минут, прежде чем на поверхности бухты появился один из зверей. Он повертел головой, оглядываясь, занырнул и вскоре показался вместе со вторым.

Звери ужинали... Нырять, они доставали со дна по нескольку ежей, переворачивались на спину, разламывали их пополам и подносили лапами к усатым мордам. Вылизав скорлупу, звери отбрасывали ее... Потом, выбравшись к подножию кекура, где разбивались волны и пенилась вода, они стали совершать «туалет»: встряхивались, отжимали и массировали лапами свои свисавшие тяжелыми складками, словно взятые напрокат и великоватые им шубы. Закончив туалет, звери легли на камни вверх брюхом и прикрыли глаза передними лапами, а позже, когда багровый шар солнца коснулся линии горизонта, не спеша, сползли в воду и стали волчком крутиться в стеблях водорослей...

— Устраиваются на ночлег, — пояснил Александр Иванович. — Привязывают себя, чтобы не унесло в океан.

— Как люди, — прошептал Витя.

В сумерках, перейдя по вязкому песчаному бару бурную речушку с ледяной водой, путники поставили палатку и, натаскав сухого кедрача, разожгли костер.

В этот вечер, несмотря на усталость, они долго не ложились спать. Александр Иванович вспоминал трагическую историю каланов. Он был эрудированным человеком и хорошим рассказчиком. Витя подпер кулаками подбородок и слушал, не спуская с него глаз.

Призраки прошлых веков витали над костром. Глухо рокотал океан.

По следам желтоволосого бродяги

Старинное алеутское предание гласит, что каланы произошли от людей... Жили на острове смелый, гордый юноша и девушка, прекрасная, как утреннее солнце. Вместе росли и горячо любили друг друга. Однажды на остров пришел жестокий и хитрый чужеземец. Алчный огонь вспыхнул в его глазах, когда он увидел красивую островитянку... Некуда было бежать влюбленным, не могло за-

щитить их родное племя, малочисленное, бесхитростное и неопытное в бою. Обняв девушку, юноша поднялся с ней на высокую скалу. Не найдя счастья на земле, они бросились в бурный океан и... превратились в каланов. Вот поэтому-то, завидев человека, этот зверь всегда уходит в океан.

Так «смышленность» калана послужила поводом к созданию легенды о его человеческом происхождении. О необычайном разуме, кротости и безобидности бобра рассказывают в своих «сказках» и отчетах также русские промышленники и мореплаватели XVIII века. Упоминают они и о его пугливости, осторожности и хитрости.

Когда-то в северной части Тихого океана бобров было очень много. Недаром Берингово море носило в старину название Бобрового и до сих пор на картах сохранились Бобровая бухта и Бобровый камень. Калан в изобилии водился по всей Курильской гряде, у северных оконечностей Хоккайдо и Хонсю, на Сахалине и Камчатке, у побережий Калифорнии и Аляски, на Прибыловых, Алеутских, Командорских островах.

Замечательные качества бобрового меха, самого роскошного, самого дорогого из мехов, открыли русские казаки и промышленники. Именно «мягкая рухлядь» — бобровые шкуры — была одной из причин, побуждавших их двигаться к туманным островам. Начиная со второй половины XVIII века, привлеченные слухами о сказочных пушных богатствах дальних земель, в Усть-Камчатск и Охотск стекались сибирские купцы. Они верстали из «охотчих людей» ватаги и снаряжали на Курилы кочи и лодии. Многие тогда «вошли в большой капитал», благодаря бобрам.

С бобровым промыслом связана и деятельность Российско-Американской компании¹, которой правительство поручило эксплуатацию всех новых русских земель на Тихом океане и управление ими. Это было крупное предприятие. Его владения включали не только многие острова, но и Аляску, берега Калифорнии. На Курилах компания строила свои зимовья, фактории и поселения (одним из них была «Курилороссия» на Урупе), открывала школы и

¹ Это полностью русская компания. Название отражает лишь тот факт, что в ее владения входила русская Америка — части Северо-американского континента, открытые русскими землепроходцами и мореплавателями.

магазины, развивала хлебопашество и скотоводство. Аборигены гряды — айны пользовались от компании различными льготами. Научившись у русских грамоте, некоторые из них сами стали учителями.

Среди руководителей компании были умные и дальновидные люди, заботившиеся о сохранении бобровых стад. Уже в те годы на каланов периодически объявлялись запуски. О бережном отношении к пушным богатствам Курил говорит и тот факт, что компания завезла на острова и выпустила для размножения лисиц и песцов.

Однако еще в начале прошлого столетия Крузенштерн писал, что дело может дойти до полного исчезновения бобров. Его тревога была вызвана хищничеством иностранных зверобоев, шкуны которых все чаще стали появляться у островов гряды.

Забеспокоилось и правительство. В 1821 году из Петербурга последовал указ «о правилах относительно пределов плавания для иностранных судов», а через три года с США была заключена конвенция, запрещавшая американским гражданам приставать к Курильским островам.

Несмотря на это, как раз американские китобойные и зверобойные шкуны особенно нагло браконьерствовали в русских водах. Командир военного брига Гаврилов в своем донесении сообщал, что они, «производя во множестве промысел у островов», покрыли море жиром, а берега китовыми остовами и китами, издохшими от ран. «Китобойные же вельботы пристают к берегу, в особенности по ночам, и разводят повсюду огни, от дыму которых бегут не одни бобры, но и сивучи, и нерпы».

Американские зверобои беспощадно били бобров и китиков, распугивали их в заповедных местах, рубили лес на островах, спаивали айнов и выменивали на побрякушки дорогие шкуры, разоряли поселения.

Их дикие нравы ярко описаны Джеком Лондоном.

Герой рассказа «Северная Одиссея», желтоволосый морской бродяга, спавляет вождя племени и похищает его жену. Северные моря гремят рассказами о его жестокости и браконьерских подвигах в русских водах.

Тем же знаменит убийца и человеконенавистник Волк Ларсен из романа «Морской волк».

А вот как изображена у Джека Лондона сцена охоты на пушного морского зверя: «Это было безжалостное избивание, совершавшееся во славу женщин... После дня

успешной охоты наши палубы были завалены тушами и шкурами, скользкими от жира и крови, и в шпигаты стекали алые ручейки. Мачты, снасти и борты — все было забрызгано кровью».

Пушнина, уворованная американцами и японцами у русских островов, текла на аукционы Сан-Франциско, Иокогамы, Лондона, Кантона, Берлина. В погоне за дорогими мехами браконьеры не щадили ни самок, ни детенышей. Наоборот, излюбленным приемом охоты было использование сильно развитого у бобров инстинкта материнства: сначала били беспомощного медведка-детеныша, потом самку, приходившую к нему на выручку.

Пожалуй, нет в мире животного, с которым человек обошелся бы с такой жестокостью: к тридцатым годам нынешнего столетия бобры были почти полностью истреблены. Небольшое количество их оставалось лишь на Командорах, Камчатке и Алеутских островах...

Вот почему так обрадовались, увидев каланов, зоолог Александр Иванович Гизенко и его спутники.

Неожиданная находка воодушевила ученых. Начиная с 1954 года на Курилы каждое лето отправлялись экспедиции зоологов. На рыбоохранных судах, на катерах и шлюпках они шли от острова к острову, от бухты к бухте. Ученые подтвердили, что каланы вновь появились на Курильских островах. Большинство их обитает на Уруп, богатом бухточками и кекурами, возле которых любят держаться бобры.

Этот остров так и называли — каланьим.

Экспедиция за каланами

Экспедиция во главе с Александром Ивановичем Гизенко, отправлявшаяся из Южно-Сахалинска 16 апреля 1958 года, была не похожа на предыдущие. В ее состав входило не два-три, как обычно, а девять человек. Почти все они были молодыми, рослыми людьми, одетыми по зимнему. На автомашину грузили шлюпку с подвесным руль-мотором, сети с крупной ячейей, сачки, печку-временку и множество других громоздких вещей.

— На северный полюс собираетесь? — шутили присутствовавшие, обращаясь к Гизенко.

— Нет, еще хуже... на Уруп, — отвечал зоолог.

...Отливавшее синевой стали море было усеяно белыми

блинами льдов. В саване снегов, в лохмотьях туч выступали вдали острова. Апрель на Курилах — пора смены ветров. Прогноз не предвещал ничего хорошего.

Но не только плохой прогноз тревожил Гизенко... Половину жизни провел он в экспедициях. Ходил по тундровым рекам Таймыра и рязанским лесам, по зауральским степям и пескам Кара-Кумов, по тропам Алтая, Копет-Дага, по сахалинским долинам и берегам Курильской гряды. Он появлялся там, где скудели леса, горы, луга, реки, озера, и поселял в них четвероногих существ, привозя их из других районов страны. Песец и соболь, горностаи и белка, благородный олень и косуля, ондатра и лисица попеременно попадали в сферу его деятельности. Он отлавливал их, содержал в вольерах, перевозил за сотни километров, и все звери понимали его язык, были послушны ему. А каланы? Удастся ли поймать их?.. Перевезти на Сахалин?.. Как будут вести себя эти пугливые, обпуженные человеком звери?

Не первым взялся он за отлов и переселение бобров. И советские, и американские звероводы пытались акклиматизировать их в новых районах, и всякий раз, несмотря на то, что бобры неприхотливы, эти попытки кончались неудачей — звери гибли. Природа словно мстила людям...

Лишь через неделю зоологам удалось высадиться на пустынный каменистый мыс Кастрикум — северную оконечность Урупа.

За первой неудачей последовала вторая... Над островом бушевали ветры, переходящие иногда в тайфуны. Дожди чередовались с пургами и снегопадами. Море штормило. Экспедиция вынуждена была отсиживаться в «отеле», как называли звероловы свою главную базу — землянку. Несколько стеариновых свечек освещали старые прогнившие доски стен, нары, сети и ружья, сложенные в углу. У входа пылала печка, раскаленная до малинового свечения. Молодежь сражалась в шахматы, читала прихваченные с собой книжки, рассказывала анекдоты.

Шли дни за днями, а погода не улучшалась. Настроение стало падать. А ведь Гизенко рисовал такие заманчивые перспективы. Все помнили его слова:

«...Отловив и переправив на Сахалин каланов, мы начнем многолетнюю работу по восстановлению былой мощи бобровых стад, уничтоженных капитализмом. Позже мы поселим каланов у островов Приморья и Мурманского по-

бережья, всюду, где есть рифы и морские ежи. Мы поможем матушке-природе обогатить фауну, и будущие поколения, люди коммунистического общества, скажут нам спасибо...»

Даже Витя Соколов, превратившийся из застенчивого юноши, из препаратора, бегавшего с ружьем за птичками, в солидного старшего лаборанта с пышной бородой, — и тот потерял терпение.

«Нет, надо поднять «баланс энтузиазма», иначе — экспедиция обречена на провал!» — подумал Гизенко.

— Витя, хватит курить, заряжай кассеты. И вообще, хватит киснуть — с завтрашнего дня начинаем работать.

Ветер гонял консервные банки, бросался то мелким колючим снегом, то дождем. Но на это никто не обращал внимания. Звероловы ходили на разведку каланов, собирали по берегам плавник, отшлифованный как кость, тащили с сопки кривые стволы берез. Над естественной каменной ванной поднялся сруб вольеры. А рядом на берегу появилась палатка, накрытая поверх брезента парашютом и опутанная веревками.

К середине мая стихли ветры, потеплели воды, и морские ежи — излюбленная пища каланов — приблизились к берегу. Однажды утром Гизенко и Витя, ходившие на разведку, увидели группы бобров,двигающихся с океана к крошечным островкам Близнецам в шумном сопровождении своих нахлебниц — чаек.

Экспедиция разделилась на две бригады. Одна осталась в палатке, вторая, возглавляемая Витей, переселилась на островок Близнец. Вначале звероловы хотели поставить там палатку, но бригадир решил обосноваться в старом японском доте, глдевшем двумя черными амбразурами в сторону моря и пролива.

Звероловы вставали в три часа ночи и крались с сачками по камням, надеясь застать бобров спящими, пробовали подкарауливать их днем, когда они «загорают» на камнях. Но днем бобры держались очень настороженно, а ночью предпочитали спать в водорослях, качаясь на волнах, как в рыбке... Гизенко распорядился выставить сети, сделанные по его расчетам.

Первый калан был пойман в полночь. В море послышались шумные всплески. Густой туман стлался над водой, но вскочившие в шлюпку дежурные звероловы и Гизенко, ориентируясь на шум, вышли прямо к сети.

Пленник оказался крупным самцом длиной в полтора метра. Вел он себя очень злобно. Когда его приподняли сачком из воды, зверь стал метаться и грызть борта. Попробовали подтолкнуть веслом — перегрыз лопасть. Шлюпка трещала, кренилась, «хлебала» воду. Трое мужчин около часа не могли сладить со зверем. Наконец, Гизенко, изловчившись, схватил его голыми руками. Звероловы набросили сеть, и калан оказался спутанным на дне шлюпки. Но и после этого он не сдался. Отдохнув, стал метаться по днищу от кормы к носу и кидаться на людей. Пришлось перевалить его за корму и тянуть на буксире. А тут еще, к несчастью, врезались в густые водоросли и заглох мотор. Полтора часа шли на веслах.

Когда подгребали к берегу, калан, окутанный сетью, в новом порыве бешенства стал кидаться из стороны в сторону. Услыхав шум и крики, Витя прямо в одежде кинулся в море и помог дотянуть зверя до берега.

В три часа ночи пленник был заключен в вольеру. Гизенко назвал его Ики, что в переводе с языка чукчей значит — первый.

Утром зверь вел себя очень спокойно. Не обращая внимания на людей, толпившихся рядом, он стал на задние лапы, осмотрел вольеру, искупался и принялся за туалет. Через два дня Ики брал из рук Александра Ивановича ежей, через неделю знал свою кличку и, завидев Гизенко, сучил передними лапами, выпрашивая корм.

— Ну и ну! Вот так зверь!

— Умный. Ласковый. Как дитя! — восторгался Гизенко и, умильно распустив морщины на лице, гладил светло-шоколадную, бархатистую шерсть Ики. — Сколько ни приучал я зверей, таких умниц не видел.

Рано начинался рабочий день в экспедиции. Первым, еще затемно, подымался Гизенко. Он растапливал печку и кормил Ики. Потом, ворча на молодежь, будил остальных. Стрекоча мотором, шлюпка ныряла в туман.

Поездки к сетям были очень рискованными. Почти каждый раз глох мотор, и приходилось в море делать ремонт. А однажды, когда в вольере было уже три зверя, шлюпка не вернулась. Выяснилось, что на ней, нарушив строгое распоряжение начальника экспедиции — не садиться больше трех человек, ушла вся бригада Вити Соколова — четыре человека.

Крепчал ветер. Грозно шумел прибой. Всю ночь Ги-

зенько ходил по берегу, стрелял из винтовки и пускал ракеты.

Шлюпка вернулась лишь через сутки. Оказывается, в тумане звероловы заблудились. Только по крупной волне догадались, что вышли в море. Повернули назад, с расчетом уткнуться в берег. Но не успели — заглох мотор. Пока возились с мотором — поднялся ветер, усилилась зыбь. Шлюпку стало заливать. Шапками вычерпали воду и взялись за весла. Лишь к вечеру пристали к кекуру.

К концу мая в вольтере было четыре зверя. Теперь все девять человек работали с рассвета и до темна. Одни высматривали сети, другие бродили по колено в воде и переворачивали камни, отыскивая ежей, третьи ловили рыбу. Пленники отличались большим аппетитом. Каждый зверь съедал в день по шесть килограммов рыбы и полтора ста ежей. А тут еще наступили низкие приливы, и морская вода уже не достигала ванны, в которой купались бобры.

— Грязная вода, ребята, гибель для калана, — сказал однажды вечером Гизенко, когда собрались все звероловы.

— Говорите сразу, Александр Иванович, что надо делать, — заявил от имени провинившейся бригады Витя.

— Вычерпывать грязную и наливать чистую воду.

— Чем?

— Ведрами.

— Сколько же, примерно, ведер надо вылить и влить?

— Тысячу четыреста плюс тысячу четыреста, и того — две тысячи восемьсот в день. Иного выхода у нас нет.

Это был адский труд. Но никто не отказывался от него, ибо «баланс энтузиазма» в те дни был высок, как никогда.

В середине июня, когда изнурительный труд, вечная сырость и палаточная жизнь измотали людей, сквозь пелену тумана пробился самолет, вызванный Гизенко. Чтобы избавить каланов от длительного и потому опасного для них путешествия на пароходе, он решился на смелый эксперимент — перебросить их по воздуху.

Наступил, пожалуй, самый ответственный момент. Перенесут ли звери воздушное путешествие? Как будут реагировать на резкое изменение давления?

Отступать все равно было поздно. Гизенко спокойно распорядился грузить транспортные ящики в самолет. Машина отрывается от земли, набирает высоту. Гизенко поочередно обходит зверей и, задерживаясь у ящика Ики,

гладит его роскошную шубу... Звери чувствуют себя нормально.

В голубовато-серой дымке раскинулось внизу море — родная стихия каланов. Полет проходит нормально. Звери по-прежнему спокойны. Их не встревожила даже небольшая болтанка на подходе к берегам Сахалина.

Когда самолет приземлился и выяснилось, что транспорта для доставки каланов на остров Монерон, где была приготовлена вольера, пока нет, предпринимается еще один рискованный эксперимент... Ночью в речушке, что протекает возле института, строится временная вольера. Каланов пустили в пресную воду, а на ужин выдали свежемороженую кету и горбушу из магазина.

Звери не побрезговали угощением и после полуночи спокойно уснули. Уехал отдыхать и Гизенко, еще не успевший побывать дома.

Утром каланов погрузили в кузов автомашины и повезли в порт Корсаков. Был солнечный пыльный день. Звери тяжело переносили жару. По дороге пришлось поливать их водой из речки.

Как только ящики были перегружены на палубу, капитан дал полный ход. Моряки решили облегчить бобрам тяготы путешествия. Они завели шланги и стали поливать зверей прохладной забортной водой. Каланы ожили, отряхнулись и принялись наводить туалет.

Гизенко засел за отчет. Витя улетел в Москву сдавать экзамены: он поступил на заочное отделение охотоведческого института.

Только через два месяца после того, как каланы были доставлены на Монерон и два из них, Ики и Гек, выпущены на волю, Александр Иванович и Витя смогли побывать на этом островке.

В дороге Гизенко волновался. Живы ли Ики и Гек? Не удрали ли на свою туманную родину? Не забыли ли свои имена?..

Бахрома прибоя пенилась вдоль цепочки рифов и кекуров, таких же, как на Урупке. Порывами дул теплый и влажный южный ветер. Сняв шляпу, Гизенко подставил его дыханию свою почти совсем седую голову. Разыскивая зверей, зоологи прошли на самую оконечность мыса и тут

увидели, как каланы вынырнули среди бухты с ежами на груди и стали лакомиться. Александр Иванович и Витя зорко следили за ними. Узнают ли они свои клички?

Звери поплыли к выходу из бухты...

— Ики! Ики!

Калан услышал знакомый голос. Казалось, на несколько секунд он задумался, плыть в море или на зов человека?..

— Ики! Ики! Плыви ко мне, дорогой!

Человек победил. Калан поплыл на его зов...

ПОПУТЧИК ДО «ПУСТОГО» ОСТРОВА

Опять пароход идет вдоль Гряды, и острова, прикрытые туманами, один за другим остаются за кормой. На горизонте проступает темно-синяя полоска. Что это? Еще одна земля или просто сгусток туч?

Земля! Начинает вырисовываться широкое основание острова, языки двух мысов. Вершина закрыта клубами туч, грязно-белыми лентами тумана. Чем примечателен этот остров? Живут ли на нем люди или только сивучи оглашают своим ревом каменистые берега?

В западной части неба между кулисами туч впервые за этот день проглянула лазурь. Как изменила она мрачный мир океана, какие живые краски внесла в этот умирающий день! На глазах посыпались, побежали по верхушкам волн осколки солнца. Они осветили мрачную вершину, опаленную серными парами, вьющимися из кратера; головокружильные черные и красные кручи; мученические морщины барранкосов и расщелин; белые прожилыны снега. Ни дерева, ни кустика на склонах. Какой немой, какой мертвый остров!

И вдруг над головой: пи-и, пи-и...

Нет, оказывается остров не мертв, остров обитаем. Сначала одна, потом вторая и третья чайки начинают кружиться над кораблем. Косой излом белых с черными кончиками крыльев. Сильные, смелые птицы!

А вон, на мысу, замигал красный маячок. О! Тут, оказывается, и люди живут!..

Пароход замедлил ход. На бак пробежало несколько матросов. Загрохотал, падая за борт, якорь. Пароход загудел жалобным, дребезжащим, словно простуженным,

басом. Здесь будет стоянка. Наверно, сгрузят почту, а может быть, и заберут с острова пассажиров. Еще один гудок...

Туман приоткрывает весь остров. Показываются черный гребень, похожий на хребет звероящера, пики, венчающие вулканический массив. Над берегом взвивается красная змейка, и повисает ракета. Значит, там нас увидели.

Преодолевая встречную зыбь, окутываясь то брызгами, то дымом, к пароходу быстро движутся две самоходные баржи, похожие на лапти.

К борту парохода, где матросы спустили веревочный трап, подходит высокий человек в коричневом кожаном пальто с чемоданом в одной и крашеным ящиком в другой руке.

Пользуюсь случаем узнать что-нибудь об острове, заговариваю.

— Вы живете здесь?

Пассажир оборачивается. Это парень лет двадцати семи, со строгим, продолговатым лицом. Рекомендуюсь и набрасываюсь с вопросами.

— Вообще-то наш остров пустой, — говорит парень.

— Как так — пустой?..

Рассказывал он скупое... Вулканы. Скалы. Речки и водопады. Кедрач и кривые березки. Сивучевые лежбища и птичьи базары. Есть лисы... Но людей мало. На острове расположена лишь гидрометеостанция, на которой он работает радистом-наблюдателем.

Вот и все, что я узнал.

Подошли баржи. На них было человек пятнадцать. Часть их кучей влезла по штурмтрапу и побежала в буфет. Другие глазели на пассажиров, облепивших борт, перебрасывались шутками с компанией девушек. Прибытие парохода для островитян — долгожданный праздник. Долго будут они потом вспоминать этот вечер...

Обвязав чемодан выброской, мой знакомый спустил его в баржу. Хотел было и сам слезть, но раздумал и пошел ко мне:

— У меня к вам вопросик есть... Как бы это объяснить?

По тону мне показалось, что он хочет обратиться с какой-нибудь жалобой... Редко заходят пароходы... Не завозят новые фильмы... Плохо снабжается магазин...

Но я ошибся.

— Когда область по-настоящему возьмется за освоение нашего острова? — спросил он. — Приезжали к нам как-то ученые. Говорили об организации лисьей фермы. До сих пор ничего не сделано. Не только у нас, и на Симушире, и на других островах — всюду лису надо производить. Чего ж земле-то пустовать?..

Пароход дал три протяжных гудка.

— Последняя плавединица отходит от борта, — объявили по судовой трансляции.

Метеоролог заторопился.

Грохотал поднимаемый из воды якорь. Лапти-баржи медленно оттягивало течением. Толпившиеся на них люди глядели вверх, на пассажиров. Неожиданно из буфета выскочил еще один, чуть было не оставшийся на пароходе человек, с двумя бутылками вина. Подбежав к борту, швырнул их в баржу. Одна звякнула о борт, другую поймали. Человек соскользнул по штурмтрапу.

Люди на баржах не спускали глаз с отдалявшегося парохода. Смотрел на него и метеоролог. Встретив мой взгляд, помахал рукой и крикнул:

— Не забудьте! Лису-у надо производить. Так и напишите про наш остров!

Развернувшись, пароход лег на курс. Вскоре и баржи, и несколько робких огоньков, и маячок, и весь этот «пустой» остров растаяли в вечерней мгле.

Разговор с метеорологом, у которого я не успел узнать даже фамилии, наверно выветрился бы из памяти, если бы позже не пришлось встретиться с кандидатами наук А. И. Гизенко и Д. Н. Перелешиним. Известные зоологи, несколько лет изучавшие природные богатства Курильского архипелага, оказываются, также горячо ратуют за широкое развитие пушного звероводства. От них я впервые услышал и об «островах-клетках».

Экономика Курил сегодня — это, в основном, рыболовный и китобойный промыслы. Однако природные богатства здесь используются еще далеко не полностью, а некоторые мелкие острова и вовсе пустуют.

Между тем, нигде в нашей стране нет таких благоприятных условий для пушного звероводства. Ведь каждый остров — это большая естественная клетка, которую природа постоянно наполняет кормами. Остается только поселить в эту клетку обладателей теплых шуб и помочь природе прокормить их.

А это—задача не трудная: у берегов круглый год можно добывать рыбу и нерпу, сивучей и китов. Кроме того, на Курилах есть и совсем уже даровые корма — отходы предприятий, обрабатывающих рыбу и китов. Часть этих отходов вывозится на зверофермы Приморья (но ведь это дорого!), а большая часть и вовсе выбрасывается.

Преимущества звероводства на Курилах заключаются еще и в том, что каждый остров изолирован, и звери не могут ни убежать, ни пострадать от эпидемии. Природа сама позаботилась здесь о «холодильниках» для хранения корма летом. Эти холодильники — снежные пятна, которые держатся на всех островах невысоко над морем до нового снега.

Курилы — рай для всякого зверья: для серебристо-черной лисицы и камчатского соболя, голубого песца и норки. Ученые подсчитали, что на каждом квадратном километре здесь можно содержать не менее двух десятков таких ценных пушных зверей, как, например, голубые песцы. Общая площадь островов архипелага — 15,6 тысячи квадратных километров. Стало быть, Курильская звероферма может разрастись до 300000 зверей и ежегодно приносить государству сотни миллионов рублей.

Ни один остров гряды, велик он или мал, не должен пустовать, на каждом надо «производить» лису и соболя, песца и норку. Прав был тот парень. Курилы можно и надо превратить в кладовые «мягкого золота»!

ОСТРОВ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ УДОВОЛЬСТВИИ

Почти целые сутки сильный ветер не давал возможности подойти к острову Итурупу. «Балхаш» дрейфовал в ожидании хорошей погоды. Матросы натянули над палубой канаты, потому что трудно было удержаться на ногах. Но вот, наконец, половина неба очистилась и с краев темно-синей тучи упали в море концы двух радуг. К полуночи, когда ветер стих, «Балхаш» подошел к острову и, бросив якорь напротив цепочки редких огоньков, стал сердито гудеть.

Пришли катера. Но еще не улегшаяся зыбь подбрасывала их метра на три, и капитан не решился высаживать пассажиров с трапа. Моряки расстелили на палубе веревочный строп, положили в него деревянную площадку и прицепили строп к гаку, заведенному на стрелы. На площадку становилось по восемь-девять человек, матрос двигал рычаг лебедки — пассажиры взлетали в воздух и опускались за борт, в баржу.

И вот после месяца ветров, туманов, дождей, штормов, которые неотступно преследовали на Северных Курилах и в океане, я оказался на обетованной цветущей земле.

Редко где можно увидеть столько цветов, как здесь. Они тянутся по-над обрывом, где петляют почти сравнявшиеся с землей японские ходы сообщений, и смотрят своими белыми, синими, оранжевыми, розовыми и голубыми глазами в лазурную даль, туда, куда когда-то смотрели черные зрачки арисаки¹. Цветы забором встают по обочинам дороги. Они захватили крутые склоны сопки и ухитрились прижиться даже на осыпях, на песчаных лысинах. Цветы врываются на тихие улочки поселков, они стоят букетами на окнах домов и на учрежденческих столах, рядом с чернильницами и пресс-папье.

Семейства лиловых и синих ирисов, голенастые оранжевые саранки, огромные белые зонты медвежьего корня, крупные, как блюдечки, цветы шиповника, пышные соцветия калины, мать-мачеха, гвоздики, кашки.

«Остров цветов», — записываю утром в блокнот и решаю: — Именно так назову свой очерк об Итуруп!

Я шел из поселка Китового, на траверзе которого broсят якоря пассажирские пароходы, в Курильск, расположенный километрах в пяти. Шел и радовался тому, что судьба опять забросила меня на эту чудесную землю.

Многое было знакомо... Вот итурупские лиственницы: толстые, корявые, лишенные макушек, они протянули свои длинные горизонтальные ветви в одну сторону. Это ветры так обкарнали и причесали их, превратив в деревья-флюгеры. Вот высокая надстройка сейсмической станции. А вот и сам Курильск. Он лежит в узкой долине речки Курилки и с высокой береговой террасы виден как на ладошке. Это маленький деревянный городишко, который можно пройти из конца в конец за десять минут.

Раннее прозрачное утро. Вьются дымки над крышами, мычат коровы, горланят петухи — средне-русский поселок, если бы... если бы не громадные китовые ребра, соединенные вверху позвонком. Они стоят среди лиственниц, как ворота.

Прежде всего решаю зайти к редактору районной газеты, которого хорошо знаю по прошлой поездке.

Александр Михайлович Дольников и его жена Нина Михайловна — приветливые и гостеприимные люди. Меня

¹ Японская винтовка.

немедленно усаживают за стол. Ставят яичницу и литровую банку сливок.

— Пей.

Я оторопело смотрю на сливки.

— Не стесняйся. Пей все. А если мало, еще принесем.

— Откуда такое изобилие? Помнится, четыре года назад...

— Кроме сушеной картошки и консервов ничего не было?

— Вот именно.

— Теперь на острове молоком — хоть залейся. В Курильске открыт молочный магазин. Сливок, сметаны, творога — сколько угодно. И никакой очереди: большинство жителей имеют своих коров.

Тут же узнаю и об изменениях, произошедших в сельском хозяйстве района. Раньше совхоз «Маяк» был расположен в пятидесяти километрах от районного центра, в поселке Золотом. Сейчас он имеет два отделения, одно на старом месте, другое — в самом Курильске. Стадо совхоза насчитывает 240 голов, а посевная площадь — около ста гектаров. И еще одна интересная новость: по надоям совхоз занимает второе место в области. В прошлом году здесь надоили от каждой коровы по 3000 литров молока.

К югу от Курильска тянется просторная зеленая долина. Вдали ее замыкают трехглавый вулкан Грозный, на который зимой ходят купаться (там есть горячее озеро), и сильно усеченный, похожий на башню, конус Ермака. В долине, в лесистых берегах, лежит очень живописное Лебединое озеро, вьются бесчисленные речки и ручейки. Здесь, на роскошных лугах, где травы с головой скрывают человека, и пасется совхозный скот.

Издали ни за что не увидишь стадо. Лишь подъехав метров на двадцать, начинаешь замечать пестрые бока коров. А вон пробирается сквозь заросли на рыжем коне и человек. Правда, его костюм не совсем похож на одежду пастуха — на нем широкополая зюйдвестка, коричневая рыбацкая роба. Но стреляет кнут, и уже окончательно убеждаешься, что всадник и есть пастух Егор Михайлович Козлов, чей портрет вывешен на районной Доске почета.

Появляется еще один всадник. Он плечист и ладен. Резко очерченный подбородок, твердая линия губ. Это директор совхоза Аникеев, участник освобождения Итурупы. Вслед за ним на пестреющую цветами поляну въез-

жает бричка с бидонами и доярками в синих халатах. Портреты двух из них, старых работниц совхоза Евдокии Палкиной и Татьяны Полубечко, я тоже видел на Доске почета.

Веют густые запахи белого клевера, пахнет шиповником, смолистой хвоей, молоком. Дрожит, струится, переливается полуденный воздух. Звякают подошники. Шумно вздыхают пестрые коровы. Нюхает землю пегий гигант Мишка — гордость директора и пастуха. Когда бык подходит близко к людям, все опасно косятся на его рога.

Из подошников в мерник, из мерника в бидоны течет молоко.

На Итурупе, в любом поселке, всюду — молоко. Угощают не стаканами, а кружками, поллитровыми и литровыми банками. В колхозе молоком все лето выпаивают телят... И мне подумалось: «Не лучше ли назвать очерк об Итурупе — «Остров молока»?»

Но вскоре я понял, что Итуруп — это не только цветы и молоко. Не за молоком подходят к берегам рефрижераторы, не цветы нюхать приезжают сюда рыбаки-экспедиционники.

Я попал на остров во время массового хода горбуши.

С крутого берега маленькой, почти круглой бухты, в которую впадает речка с каменистым баром, хорошо видно, как идут лососи. Десятки, сотни рыб косяками и плотными рядами плывут с моря навстречу струям зеленоватой пресной воды. Всюду в речке сверкает чешуя.

Подход горбуши вызвал величайшее оживление. Рыбаки день и ночь дежурят на неводах, выставленных в море. Все оно усеяно кунгасами, катерами, пересечено канатами.

Не меньшее оживление и на берегу. По вечерам рыба непрерывной струей течет с конца пирса в засольный цех. Там, стоя в специальных углублениях, женщины в белых халатах орудуют ножами и щетками, моют, чистят, потрошат горбушу. Тут же мужчины обсыпают каждую рыбину солью и укладывают в ящики. Как ни трудно рыбакам добыть улов — принять и обработать рыбу не легче. В горячее путинное время всех поднимают на ноги. Дорог каждый человек. За разделочные столы становятся жены, сестры, дети рыбаков.

Подход горбуши вызывает суматоху среди зверей и птиц. Вот на доски, перекинутые через бар, забежали два

лохматых пса. Они выхватили из воды трепещущих горбуш, весело помахивая хвостами, утащили их в кусты и, быстро управившись, возвратились назад. Но иной раз рыбы закатывают им хвостами таких лещей, что псы в недоумении долго трясут головами... Подходят и прилетают к речкам, чтобы полакомиться горбушей, много всяких четвероногих и крылатых браконьеров — медведи, лисы, орлы. Все и вся празднуют великий пир!

Итуруп богат прозрачными горными речками, и поэтому его больше, чем другие Курильские острова, любят лососи. Они составляют здесь основную часть промысла. На острове есть рыбопромышленный завод, расположенный в большом, вновь отстроенном поселке Рейдовом, рыболовецкий колхоз, консервный завод. Соленая горбуша и кета, консервы, замечательная красная лососевая икра — вот что увозят с берегов Итурупа рефрижераторы, вот чем славится остров.

Вылавливая лососей, островитяне заботятся и о возобновлении запасов этой ценной рыбы. Три рыбоводных завода ежегодно выпускают в океан около ста миллионов мальков. Строится еще несколько таких заводов.

На океанской стороне острова, на берегу бухты Касаг-ка, расположен китокомбинат, носящий то же название. Он выпускает технические и медицинские жиры, сырье для кожевенной промышленности и другие продукты.

Итуруп — остров рыбаков, жироваров, рыбоводов и животноводов.

Много неожиданного и интересного встречаешь на этом самом длинном и самом причудливом по форме острове гряды. Взглянув на карту, его можно сравнить с кактусом, располывшим во все стороны отростки. Это — вулканы и лавовые мысы, далеко врезавшиеся в море. Вулканов насчитывается здесь больше десятка. Соединенные узкими перемычками, намытыми морем, они и образовали остров.

Вулканы и море создали огромное разнообразие ландшафтов.

Здесь — красивейшие белые пемзовые скалы, труднопроходимые бомбовые¹ и широкие песчаные пляжи, по которым ездят на автомашинах. В живописной лесистой местности, там, где из-под земли бьют ключи и клубится

¹ Имеются в виду вулканические бомбы.

пар, стоит большое деревянное здание. Это — водолечебница на горячих целебных источниках. Их питают вулканы.

У юго-западного побережья Итурупа оканчивается теплое течение Соя, и это накладывает очень заметный отпечаток на климат и растительный покров этой части острова. Здесь шумят высокоствольные леса. Целые долины заселены дикими яблонями, вишнями, малиной, крыжовником, смородиной, черемухой, актинидией. Есть и клубника. Особенно любит она бамбуковые заросли, под защитой которых чувствует себя зимой как «у Христа за пазухой», и весной первой надувает бутоны. Хорошо растут здесь картофель и овощи. А на усадьбах энтузиастов-садоводов можно увидеть даже молодые абрикосы, обтянутые марлей.

Под сенью лесов и в зарослях кедрового стланика живет множество всякого зверья и птицы — медведи, лисы, соболи, орлы, горлицы, вальдшнепы.

«Остров всех двадцати четырех удовольствий», — говорят об Итурупе.

РОЖДЕНИЕ СЕРЕБРИСТЫХ ЛОСОСЕЙ

Это было четыре года назад...

С парохода на остров Итуруп сошла девушка с чемоданом. Ее никто не встретил. Осторожно ступая в темноте по пляшущим доскам пирса, она вздрагивала при каждом ударе накатов о берег. В дороге, она ехала из Москвы, о Курилах рассказывали всякие ужасы. И впрямь! Дождь, ветер, оглушительный грохот прибоя.

Утром попутный грузовик вез ее дальше. В лицо лезли клубы мокрого тумана. Мелькали серые дюны, одинокие кривые деревья. Лишь к вечеру следующего дня, смертельно устав от бесчисленных виражей, опасных спусков и подъемов, девушка, наконец, добралась до места назначения — рыбоводного завода, расположенного в глухой лесистой долине.

Здесь, на стыке трех быстрых горных речек, среди старых тополей, словно колонны подпирающих небо, стоит длинный деревянный барак. Из глубины леса к нему протянулись крытые досками каналы, по которым день и ночь журчит вода. С другой стороны, чуть пониже барака, устроен мелкий бассейн, разделенный деревянными

перегородками на квадраты. Шагах в пятидесяти от этих сооружений, среди раскидистых диких яблонь и лиственниц, доживают свой век три серых покосившихся жилых дома. Вот и все. Впрочем, место красивое, и девушке оно сразу понравилось.

— Тут как на курорте, — сказала она. А когда узнала, что на заводе работают две москвички — выпускницы техникума Лиза и Галя, да и все остальные, кроме кривого старика Петровича, — люди молодые, у девушки отлегло от сердца.

— Гм... новый директор! — пожимали плечами районные работники, провожая взглядами тоненькую фигурку.

У директора были пышные льняные волосы, голубые глаза, маленькие, почти детские руки, с еще сохранившимся на ногтях московским маникюром. Он послужил предметом особого внимания Петровича. В продолжение всего часового разговора с директором старик единственным глазом пристально смотрел именно на ногти, покрытые розовым лаком.

Вообще, Петрович не очень жаловал молодых специалистов.

— Я вот три войны прошел, — подвыпив, говорил он, — глаз потерял, а вижу, что надо делать, лучше вас. А почему? — Петрович делал многозначительную паузу, щурился глазом и потом уже продолжал: — Наше дело, рыбе, любить надо. А вы, молодежь, заинтересованы только в том, чтобы отмотать три года. Это — раз. Второе. Техниками называетесь! А лососевых не знаете — на окунях практику проходите.

Эту тираду он обычно заканчивал так:

— Пять директоров сменилось, четыре поколения техников, а Петрович все нужен, никак без него не обойдутся.

Разговор шел о делах. Валентина Николаевна, так звали девушку, обойдя с Петровичем территорию завода, к своему ужасу увидела, что все здесь не так, как должно быть. Речки и водоподающие каналы заилились, дорожки заросли лопухами. Забойки¹ полуразрушены. Сбор и оплодотворение икры ведутся устаревшими методами.

¹ Специальные заграждения, в которых вылавливается рыба.

Валентина выкладывала Петровичу пункт за пунктом своей программы и каждый надо было выполнить срочно.

— Нет леса... не даст рыбокомбинат... не осилим, — отвечал Петрович. Не верил он в затеи новоиспеченного директора: пошумит, покипятится, а потом остынет и все пойдет по-прежнему. К тому же он был кровно задет, что «барышня», как он за глаза называл Валентину, поучала его, Петровича, что надлежит делать на каналах и забойках, построенных его руками.

Так ни к чему и не привел этот разговор. Холодное равнодушие и даже скрытое сопротивление почувствовала Валентина, и в голове ее мелькнула мысль: «Надо найти какой-нибудь предлог и отделаться от старика».

В институте она никогда не думала, что работать будет так трудно. Десятки «хозяйственных» дел свалились на плечи. Знания не помогали. Ведь не учили же доставать лес, гвозди, нанимать подсобных рабочих, хитрить, ругаться!.. Целыми днями она только тем и занималась, что обивала пороги разных организаций, просила и требовала средства, материалы, рабочих для ремонта рыбоводных сооружений. От директора рыбокомбината, пожилого человека, которого бестактно обозвала бюрократом, она шла, сдерживая слезы, в райисполком, оттуда в райком партии.

И ремонт все-таки начался. Маленький коллектив — десять человек — и нанятые на сезон рабочие чистили речки и чинили дороги, переделывали водоподающие каналы и лотки, строили новую забойку.

Наступил август. Петрович, встававший в четыре часа утра, уже несколько раз приносил известие о том, что в реках появилась «серебрянка» — рыба, еще не готовая к нересту и одетая в молодую серебряную чешую. Со дня на день ждали горбушу в «брачном наряде» — тогда можно было начать сбор икры.

Однажды на рассвете Петрович разбудил Валентину. Он стоял в мокрой стеганке, в больших рыбацких сапогах, был взволнован и торжественен.

— Рыба стоит в реке!

Валентина быстро оделась и по узенькой тропинке, протоптанной в зарослях бамбука, побежала к речке. Тихая, прикрытая зелеными шатрами тополей речка была запружена горбушей. Темно-синие спинки чиркали поверх-

ность воды. Рыба плотной массой поднималась вверх по течению.

Тропинка кончилась, а Валентина, продираясь сквозь заросли, все шла и шла. Река петляла, рядом с глубокими омутками были каменистые перекаты. Девушка подолгу смотрела, как настойчиво преодолевали их лососи. Сверкая чешуей, они взвивались в воздух и перепрыгивали через камни.

Впервые в жизни видела она ход лососей. Волнение все сильнее охватывало Валентину. Не разбирая дороги, она побежала на завод.

Сбор икры для рыбоводов — такая же горячая пора, как путина для рыбаков. Шумно стало на тихих лесных речках. С рассвета дотемна звучали голоса людей.

Искусственное разведение лососей — дело не сложное. Рыбу вылавливают сачком из забойки, глушат деревянной колотушкой, осторожно выпускают икру и смешивают ее в тазу с молоками. После оплодотворения рыбоводы наливают икру на специальные решетчатые рамочки и помещают в аппараты, через которые циркулирует свежая вода. Вот и все.

Но и в это дело Валентина внесла свое, новое. Раньше горбушу били прямо в реке, стоя по колени в воде. Теперь на берегу был построен навес и, взяв за руку Петровича, который имел колотушку с «секретом», помогавшим ему действовать быстрее всех, девушка первым вывела его на берег. Петрович поворчал, но работать под навесом все-таки согласился.

Новая забойка стояла в лесу, километрах в двух от завода. По утрам Петрович замечал на тропинках разлтые, когтистые следы, рассказывал, что год назад один охотник поймал здесь в стальные петли восемь медведей. Согласно версии старика звери ходят к забойке лакомиться горбушей. Но Валентина не верила в это и без опаски ходила по лесу. Это продолжалось до тех пор, пока однажды в полдень она носом к носу не столкнулась с косматым хозяином леса. Он сидел у речки, а возле него в траве плясало с десяток горбуш.

Медведь вскинул голову. Девушка вскрикнула и бросилась бежать по тропинке вдоль канала. Близко за спиной затрещал кустарник, зашелестел бамбук. Не помня как, царапая руки и ноги, девушка забралась на колючую яблоню. Здесь и застал директора Петрович, который,

услышав крики, побежал в лес. Он подставил Валентине плечо и помог спуститься на землю.

— Я-то, когда по лесу иду, — песни пою, — лукаво сказал старик. — Зверь на тропинке повстречается, поворчит и уйдет. Если человек с ружьем — может наброситься, а так — нет. Смирный зверь.

— А что, медведи любят пение?

Петрович ухмыльнулся.

— Да как сказать? Может и любят, а может и побаиваются.

Быстро пролетели золотые прозрачные дни сентября. Беспросветная оливковая пелена повисла над Итурупом. День и ночь шли дожди. Мелководные горные речки и ручьи вздулись и превратились в бурные реки. Валентина не раз с тревогой смотрела, как бурлит вода у забоек и в водосборном бассейне. Дел у рыбоводов прибавилось. Теперь они дежурили у щитов, регулируя приток воды на завод. Особенно хлопотал Петрович — «водоснабжающий человек», как прозвали его девчата.

В ту ночь, когда небо обрушилось на остров страшным ливнем, никто не слышал, как скрипнула дверь дома, где жил старик, никто не знал, куда он пошел, закутавшись в плащ с капюшоном. А на рассвете Валентину разбудил сильный стук по оконному переплету. Спросонок она разобрала одно слово:

— Вода!..

И только выскочив на улицу, поняла смысл слов Петровича: «Вода ломает забойку».

Весь остаток ночи рыбоводы по пояс в воде подпирали бревнами забойку. А утром Валентина сидела за столом у себя в комнате и, положив голову на исцарапанные руки, плакала, не стесняясь вошедшего Петровича. Тот повидал на своем веку немало всяких начальников, но ни одного не заставлял плачущим. Старик растерялся.

— Хм... — кашлянул он. — Вы бы... пошли к нам позавтракать. Старуха яичню изжарила. Пошли бы, ей богу...

А лососи маленькими косячками, парами и в одиночку, перепрыгивая через мели и камни, все шли и шли. Больно смотреть на них поздней осенью — до того они избиты и измучены! Почти на каждой рыбине клочьями висит кожа, зияют рваные раны. Серебристые, красивые летом — сейчас они казались чудищами.

Сбор икры затянулся. Выпал снег. Пленка льда уже покрыла тихие места на реках. Теперь рыбоводы собирали икру кеты. Ломая лед, они заходили в воду и забрасывали невод. Одежда обмерзала. То и дело приходилось растапливать и греть над костром руки. Почти у всех прохудились резиновые сапоги. Закончили работу лишь в конце декабря, когда пурга, бушевавшая двое суток, замела и тропы, и речки, и забойки.

Зима... Под двухметровой толщей снега скрылись заросли бамбука и кедрача. Лес поредел и помельчал. Строения завода так занесены, что с океанской стороны их и не видно. Только по дымкам из труб можно определить, где стоят домики.

На заводе затишье. Икра проходит стадию инкубации. Лишь через сто двадцать дней после закладки из икринок вылупятся мальки. Но все это время люди не перестают заботиться о потомстве. Они вытаскивают черные, покрытые лаком рамочки из аппаратов и промывают их, выбирают из побледневшего светло-оранжевого квадрата мертвые икринки, уничтожают плесень. Работа эта очень кропотливая. Девушки садятся поближе к окнам и пинцетами переворачивают икринки. За день перебирают по 400 рамочек, а это — 800 тысяч икринок.

Летом Валентина ходила в соседний поселок только на комсомольские собрания да изредка в кино. Теперь она, собрав девушек, почти каждый вечер отправлялась на лыжах то в кино, то на репетиции драмкружка, то на танцы.

Зима выдалась буранной, но очень мягкой. Часто шли дожди. А однажды даже гроза была. По лесу мела поземка, холодный ветер трепал ветви деревьев, а в небе гремел гром, сверкали молнии.

— Весна будет дружная, — разъяснял Петрович, пожуравлиному вытянув шею и вглядываясь в небо.

Так оно и случилось.

В конце апреля с юга повеяли теплые ветры. Ударили буйные дожди. Все вокруг залили талые воды.

Весной Валентина загорелась планами реконструкции и расширения завода, задумала подкармливать мальков. — Опять перетрубация! — ворчал Петрович. — Сроду его, малька-то, никто не кормил.

Наступил день, когда зацвели яблони. К этому времени мальки скатились в нижний выпускной квадрат. Они

стайками набегали на крошки белого хлеба, которые бросала в воду Валентина.

Петрович взошел на доску, укрепленную с внешней стороны бассейна, и долго пыхтел, откручивая проволоку со скобы щита. Потом он раскачал его и с натугой приподнял вверх.

Взбаламучивая песок, из бассейна валом хлынула вода, а вместе с ней и мальки. Валентина побежала на речку и здесь увидела, как, сбиваясь, формируясь в дружные стайки и косячки, мальки скатывались по течению.

— Ну, вот, — вздохнув, сказал за спиной Валентины Петрович. — Теперь в устье дня три покрутятся, пока к соленой воде привыкнут, а там — и в океан.

— На будущий год вернутся, Петрович, не скучай!

Цвели вишни и жимолость. Как в садах Подмосковья, буйствовала весна в Яблонево́й долине, катилась белыми и светло-розовыми волнами. Застарелой чернотой стволов и нежным зеленым пухом выделялись на белом фоне цветения лиственницы. Пары лебедей, шурша крыльями, низко пролетали над заводом и садились на лесистом берегу озера.

Всего десять человек в поселке рыбоводов, и каждый знает друг о друге всю подноготную. Вскоре, после того вечера, когда Валентина поздно вернулась домой, все узнали, что у нее появился друг сердца.

И вот теперь, четыре года спустя, ехал я по знакомой дороге на рыбоводный завод, чтобы снова увидеть Валентину, поговорить с Петровичем, отведа́ть его чудесной икры домашнего посла, выслушать новые истории о встречах с косолапым мишкой.

Немало прошло времени. Как поживают рыбоводы?..

Показалось длинное дощатое здание завода. А рядом... Ого! От японских хибарок, где у девчат зимой замерзала вода, не осталось и следа. На их месте — три новых, крашеных, брусчатых дома. Видно, Валентина все-таки добилась своего!

Возле завода горит огонь. Над ним в железной бочке кипит черная жидкость. Незнакомая мне девушка, держась двумя пальцами за кисть, красит рамку. На мое приветствие она едва кивнула головой.

И вдруг повеяло знакомым. Из лесу вышел сутулый человек в картузе защитного цвета. Ну, конечно, это Пет-

рович! Только как он сгорбился, как обвисли морщины на щеках...

— Здравствуйте, Петрович! Узнаете?

Старик долго смотрит на меня, щуря глаза, а потом виновато моргает.

— Из Курильска, что ль? Чтой-то никак не признаю.

— Помните, четыре года назад?..

— Нет, не помню, — ответил Петрович. — Много начальства всякого у нас бывало... Я-то здесь двенадцать лет обитаю, — продолжал он, присев на желоб. — Шесть директоров пережил, пять поколений техников. Молодежь! У них один интерес — отмотать три года... Красим сейчас кузбасс-лаком аппараты. Говорят: руки горят. А у меня не горят! Я специально не помыл, держу на солнце, чтобы доказать им. Вот — смотрите. — Петрович показал черные ладони. — Не горят!

— Опять свое алаверды завел, — недружелюбно вмешалась в разговор девушка, красившая рамку. — Не люблю я этих... алаверды.

— Вишь, правда-то не нравится! — кивнул старик в сторону девушки.

— Петрович, а где Валентина? — спросил я.

— Валентина Николавна? У-у... Она уже год, как рассчиталась.

— Как! Валентина сбежала?

Петрович насупилсся. Видно, мои слова пришлись ему не по вкусу.

— Нет, не сбежала... Замуж вышла, а мужа перевели. Дело человеческое.

Я угостил Петровича папироской, и мы закурили.

— Тут заминка у них какая-то вышла, — стал рассказывать Петрович. — Иду раз на забойку, вижу: стоит директорша, обняла тополь, а у самой плечи трясутся. Я к ней. «Валентина Николавна, — говорю, — что с вами?» А она как даст стрекача в лес!.. Долго ее тогда не было. Ну, я заседлал Мальчика, скачу к ее ухажеру, он бывал у нас на заводе. Так и так — ему. Парень аж побелел. Вырвал у меня из рук повод, вскочил в седло и помчался. Что у них там произошло — не знаю. Врать не хочу. Только чуял, очень уж ей не хотелось покидать это место...

Петрович встал, подкинул в костер чурочек.

— А что до делов, то она была самая разворотливая из всех директоров. Раньше-то завод шесть миллионов

малька давал, а теперь — сорок. Во-от... Хотите посмотреть, как рыба идет?

Мы пошли на речку. Вместе с нами увязалась белоголовая загорелая Людка. По дороге я узнал, что два года тому назад у Петровича умерла жена, и сейчас он остался вдвоем с дочерью. Петрович сам и обед варит, и стирает, а зимой, в пургу, еще и таскает Людку на спине в школу.

Вскоре сквозь бамбук заблестела речка. Ее поверхность чиркали темно-синие рыбы спинки. В быстрой и неглубокой прозрачной воде шарахались ведомые гонцами косяки. Косяками, рядами, парами и в одиночку шли лососи к верховьям, чтобы там, на мелководе, выметать икру и породить миллионы себе подобных.

НА ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЛЯХ ИТУРУПА

Дорога на Золотой идет по песчаным дюнам, спускается к озеру Светлоград и, огибая его, поднимается на высокий луговой берег Охотского моря. Ландшафт здесь очень своеобразный, особенно в тех местах, где лес осмелился подойти к берегу вплотную. Столетние лиственницы и пихты до того изуродованы, что на них жаль смотреть. Могучие узловатые и корявые стволы стелются над самой землей, переплетаются между собой, а сучья торчат в воздухе, как заломленные руки. Впечатление такое, словно едешь по полю, где накануне произошла битва. Какими же титаническими должны быть силы, поставившие на колени и прижавшие к земле эту армию деревьев!.. Да, все здесь находится во власти стихии — ураганов и тайфунов, штормов и бурь.

К вечеру добрался до Золотого, маленького поселочка из нескольких домов, скотных дворов и других сооружений, прилепившихся к склону горы над небольшой круглой бухтой.

На ночлег меня определили в тесноватый, на скорую руку срубленный дом, к бригадиру тракторной бригады Валоватову. Хозяина долго не было. Он пришел, когда уже совсем стемнело, и долго плескался теплой водой над эмалированным тазиком, смывая въевшуюся в кожу копоть и масло. Это был невысокий, худощавый, стриженный под бокс парень лет двадцати пяти. Звали его Виктором. Умывшись, он стал представлять домочадцев.

— Дом у нас — комсомольско-молодежный, — показывая в широкой улыбке белые, как сахар, зубы, говорил Виктор. — Комсомольская прослойка — восемьдесят процентов...

Баля — жена Виктора — секретарь совхозной комсомольской организации, сам он — член комитета; комсомолки — его сестренка Тася и соседка учительница Нина Сергеевна. Даже мать Виктора, полная женщина, на днях приехавшая к нему с материка, поддавшись влиянию молодости, принимала живое участие в комсомольских делах.

Под крышей этого веселого и гостеприимного комсомольско-молодежного дома мне пришлось провести не одну ночь. Здесь услышал я впервые о курильской целине, здесь познакомился с героями этого очерка. События, о которых в нем рассказывается, происходили в 1954 году.

Это было глубокой осенью. Перед глазами зримо плыл сырой туман. Штормило. Шли бесконечные дожди.

В один из таких дней добирался на катере из поселка Китового к новому месту жительства работник китокотбината «Ясный» слесарь Виктор Валоватов. Вместе с ним ехали его жена Валентина и товарищи. Их было пятеро. Никто из них раньше не пахал землю, не запрягал коня и не молотил хлеб. Им, рабочим людям, предстояло жить в глухом поселке, отрезанном от мира бездорожьем, в только что организованном на месте карликового подсобного хозяйства совхозе «Маяк». Ломался старый уклад жизни, круто поворачивали пути-дороги.

Вот так, из крутых поворотов, из переездов сложилась вся жизнь Виктора...

Мальчишкой жил в Новочеркасске, учился в ремесленном училище профессии слесаря. Потом год работал на заводе, вдыхал крепкий запах горячего металла, вслушивался в шум и звон цеха и уже воспринимал цех как что-то такое, что можно лишь с кровью оторвать от сердца. Но опять послали учиться на слесаря высокого класса, инструментальщика.

Когда Виктор получил диплом, как раз шел оргнабор на Дальний Восток. Ему исполнилось 18 лет, сердце — горячее, характер — решительный...

И вот он очутился на Симушире — маленьком острове, где люди тогда жили еще в огромных опрокинутых

чанах, а первые дома только закладывались. Пришлось менять специальность — Виктор пошел на катер матросом. Затем четыре года жил, работал на китокOMBинате «Ясный». Там встретился с Валентиной, работницей райкома комсомола, женился и, казалось, осел надолго. Но однажды радио принесло в тихий поселок Китовый весть о том, что партия зовет комсомольцев на целинные земли. Несколько дней Виктор ходил очарованный словами — целинные земли. Они звучали, как музыка...

25 лет! Хорошо, когда в этом возрасте уже кое-что видано, кое-что пройдено, кое-что перенесено, а сердце по-прежнему юное. Виктор бездумно и весело спросил жену: — Махнем?

Так пути-дороги привели слесаря Виктора Валоватова в поселок Золотой.

Новоселы начали свою деятельность с того, что собрали со всего острова имеющиеся тракторы и сельскохозяйственный инвентарь. Дни были заполнены до предела: оборудовали механическую мастерскую и одновременно ремонтировали технику. Но по вечерам было скучновато, поселок затихал. Слышались лишь шлепанье накатов по песку да гул ветра в вышине. Редкие огоньки не могли побороть темноту осенних вечеров.

Старожилы сказали, что на складе, вроде бы, есть поломанный киноаппарат, брошенный людьми, жившими здесь раньше. Наладить бы его, да вот жаль: нет понимающего в этом деле человека.

— Как нет?.. А ну, идем, ребята!

В темном складе, под кучей пыльных хомутов, порванных мешков, перепутанной сбруи, шаря лучами фонариков, они нашли то, что искали. Виктор, работавший в Китовом по совместительству киномехаником, целый вечер мудрил над признанным негодным широкоплечным киноаппаратом КПС. Наконец, сообщил дышавшим за его плечами хлопцам, что «все в ажуре».

На следующий день старожилы сделали еще одно важное сообщение: «Были и скамейки, только сейчас их, наверно, занесло снегом...» Готовые скамейки — это ценность; вокруг совхоза строевого леса нет, сделать новые не из чего. Виктор опять собрал товарищей. Вооружившись палками, они начали исследовать территорию поселка, покрытую двухметровым снегом. Поиски увенчались успе-

хом. Под восторженные возгласы из-под снега были извлечены шесть скамеек.

С того дня в поселке появилось кино, и вечерняя тьма была побеждена.

Жизнь новоселов налаживалась. Жили хоть и в тесноте, без удобств, но никто не жаловался. Только один из них, Серешкин, каждый день ходил в контору, требовал отдельную квартиру.

— Может быть, тебе, Петро, особняк нужен? — подкалывали его товарищи и уже серьезно утешали: — Сам видишь, жилья пока маловато. Семейных еле разместили. А ты — холостяк.

— Чего уговариваете? — шумел Серешкин. — Я законы знаю. Вот напишу прокурору, как тут патриотов встречают...

Показав «гнилую душонку», Серешкин вскоре сбежал из совхоза, а его товарищи, как им ни было трудно, как ни выматывали душу неделями бушевавшие пурги, не переставали мечтать о целине.

Люди ждали начала освоения земель, как праздника. И однажды, теплым весенним днем, кавалькада всадников, пробираясь сквозь густые заросли бамбука и кедрача, двинулась на юг от Золотого. Выехав на высоту, господствующую над окрестностями, всадники остановились.

— Ну, что, Павел Иосифович? — спросил Виктор переднего всадника, механика и парторга совхоза.

Полуобернувшись в седле и опершись ладонью на мокрый круп коня, тот смотрел в бинокль туда, где один за другим, как волны застывшего моря, вздымались холмы, казавшиеся издали барханами. Непроходимый бамбук, скрывающий человека с головой, захватил удобные для разработки земли — холмы, долины, склоны гор, — вытеснив с вулканических туфов весь растительный мир, кроме редких лиственниц и берез.

— Здесь! — наконец, громко и решительно сказал парторг, показывая исхлестанным прутиком на холмы. — Будем пахать бамбуки.

Пустынная и таинственная лежала вокруг земля. Грандиозные землетрясения и извержения вулканов, огненные лавовые потоки, стекавшие языками в море, мощные плащи вулканических пеплов, накрывшие голые ребра хребтов, образовали тысячи лет назад этот ландшафт. Веками рука человеческая не касалась этой земли, нога

человеческая не ступала по этим бамбукам. Лишь древние вороны каркали над волнами застывших лав, да хозяин здешних лесов — медведь — ломал чащобу, прокладывая путь к верховьям рек.

Первым было доверено выехать на целину комсомольцу Александру Яковлеву, имя которого окружено особым уважением... Однажды весной разыгрался шторм. Накаты грозили смыть лежавшие у мастерской доски, баллоны и, самое главное, — цистерну с горючим. Первыми прибежали на берег механизаторы. Яковлев быстро собрал ремонтируемый трактор и вывез цистерну. Потом вдвоем с Валоватовым он спасал баллоны, бившиеся у берега, и доски.

Рано утром, когда в распадке лежал туман, механизаторы прискакали на целину. Трактор С-65 они перегнали и подготовили еще накануне. Он стоял у лесочка из молоденьких лиственниц с бархатно-зеленой хвоей, окаймленной красными цветущими шишечками.

Дернув веревку пускача, Яковлев завел мотор. Тяжело грохоча, трактор пошел прямо в бамбук, давя его гусеницами и переворачивая лемехами плуга. Пять минут — и он скрылся в зарослях. Лишь по дымкам выхлопов да туче пыли можно было определить, где находится трактор.

Припав на колени к земле, похудевший за весну, загоревший, Виктор обеими руками ощупал мягкую, чуть влажную черную почву и счастливыми глазами взглянул на механика. Тот, плечистый, высокий, стоял, широко расставив ноги, и напряженно всматривался туда, где вздымалось облако пыли. Вдруг мотор зачихал, потом взревел еще раз и заглох.

Механик и бригадир молча переглянулись.

Бамбуковые стебли — крепки, как железные прутья. Еще страшнее корни, сросшиеся, скрепившие почву, как арматура железобетон. К тому же там и сям над бамбуковыми зарослями возвышались группы лиственниц и куртины кедрача. Хотя работали с кустарниковым плугом, за трактором волочилась гора земли. Чуть не через каждые полчаса тракторист останавливал машину и вместе с прицепщиком принимался чистить плуг.

Да, тяжело было поднимать целину. Не пришли новые тракторы. Не было опытных трактористов. — Не хватало запчастей.

Нашли выход! Делали дисковые ножи, наваривали в своей мастерской изношенные поршневые кольца.

В горячее время попал я в Золотой. Был самый разгар работ на целине. Виктор Валоватов каждый день возвращался затемно, запыленный и измученный. Но когда он говорил: «Поднято пятьдесят гектаров. На счету Яковлева — тридцать», его глаза сияли.

Целинные земли... Как зажигают эти слова! Огромные расстояния отделяют «малую землю» — Итуруп — от казахстанских ковыльных степей, от просторов Сибири и Алтая, но и здесь — тот же благородный порыв, то же мужество. И, познакомившись с молодым совхозом, с его полями, лугами, парниками, стадами, с его людьми, я твердо поверил, что в скором времени сбудутся мечты Виктора Валоватова, его товарищей и многих других тружеников курильской земли. Широко раскинутся возделанные поля, зацветут сады. И невозможно будет узнать поросших железной щетиной долин и холмов, которых веками не касалась рука человека.

БЕРЕГ ДОБРОГО НАЧАЛА

Колхоз-путешественник

На охотском побережье Итурупа, у подножия вулкана Атсонупури, который здешние жители за строгую форму называют Пограничником, синее просторная бухта Доброго Начала. Если посмотреть на север, увидишь лавовый мыс вулкана, так называемый Большой нос, на юге маячит вдали, сквозь дымку, чудо природы — Камень-Лев, своими очертаниями действительно напоминающий отдыхающего льва, на востоке бухту окружает равнинное лесистое плато, замкнутое мрачной полуразвалившейся громадой неприступного вулкана-хребта Богатыря.

Наверно, поэтическая душа бродила тут когда-то, давая названия этим местам. Помимо упомянутых есть еще и озеро Красивое, и гора Голубка, и бухта Львиная пасть. Впрочем, даже у самого сухого человека не может не вызвать восхищения этот уголок острова. Природа одарила его всеми благами: высокоствольными лесами, привольными лугами, «рыбной» бухтой. Недаром называются добрыми — и бухта, и поселок, и озеро.

Здесь, километрах в ста пятидесяти от районного центра, и расположен рыболовецкий колхоз «Дальневосточ-

ник». Вон качаются на волнах его кунгасы, вон между дюнами, покрытыми шиповником, пасется его скот, а вон и его дома — бревенчатые хаты поселка Доброго. Чуть подальше, у подножия Пограничника, заметны крыши второго поселка — Лесозаводска, а если по глухой лесной дороге обогнуть вулкан, увидишь и третий поселок колхоза — Одесский.

— Богаты вы жилплощадью!

— Не жалуемся, — усмехнувшись, отвечает мой спутник, высокий, в рыбацких сапогах, натянутых до паха, бригадир Махоньков. — Вообще-то жили и строились в Добром, а Лесозаводск с Одесским недавно нам передали. Сейчас переселяемся... «Дальневосточник» наш вроде пуштешественника, третий раз — новоселье.

...Началось это на Северных Курилах. Не было красного стола президиума, шумного собрания, когда рождался колхоз. Собрались как-то в казарме вечером, в 1946 году, девять солдат, за год до этого штурмовавших остров Шумшу, и размечтались о жизни «на гражданке». Народ все был — морской, до войны рыбачил на Камчатке. Ну, кто-то и заикнулся:

— А что, братцы, если тут нам и осесть?.. Рыбы много, рыбаки нужны. Остров-то наш теперь, нам его и обстраивать, обсеменять.

И порешили: остаться на Курилах и организовать колхоз. Уже после отбоя, когда потушили свет и легли спать, кто-то спохватился:

— Ребята, а что ж это мы о председателе забыли? Эдак вроде, как куры без петуха жить будем.

Опять вспыхнула лампочка, и девять солдат расселись вокруг стола.

— Ну, кого?

— Как кого? Старшину давайте баллотировать. Он — мужик хозяйственный, и порядку больше будет — как он командир.

Тут все стали высказываться за старшину.

— Давай, Александр Алексеич, принимай колхоз.

Жили еще в казарме, получали воинский паек, но уже вбили кол у речушки на океанском берегу Парамушира и начали строить дома. Перевезли с Камчатки семьи. Государство выдало новый невод-гигант. Прожили на том месте побольше года. Но однажды ударил такой шторм, что порвал в клочья гигант, на который одного камня 900

тонн вывезли, чтобы укрепить его у океанского дна. Заскучали колхозники, задумались... С одной стороны климат суров: ветра да штормы, а с другой — живет колхоз на Северных Курилах в одиночестве. Решили переселиться. В августе 1948 года погрузился «Дальневосточник» со всеми своими пожитками: с двумя лошадьми, скотом, птицей — на пароход «Анакрию» и переехал прямо в бухту Доброго Начала на Итуруп.

И опять государство позаботилось — выдало ссуду. Застучали топоры.

До чего ж быстро способен русский человек обособиться на новом месте! Через год среди луга выросли два ряда добротных рубленых домов со скотными дворами, огородами, а у околицы, на пригорке, даже триумфальные ворота появились. Только жаль, что в стороне от моря расположено Доброе. Колхоз взял на себя не только добычу, но и обработку рыбы, а посольные цеха — в старых прибрежных поселках Лесозаводске и Одесском.

— В этом и заковыка, — говорил Махоньков. — Из новых благоустроенных домов в старые теперь переезжаем. А надо! Иначе — тормоз нашему делу.

Тут бригадир стал прощаться: он шел к берегу, на невода. Позже я узнал от его односельчан, что Махоньков как раз и есть один из солдат, организовавших «Дальневосточник». Не однажды он бывал в переделках, когда штормовые волны захлестывали кунгас, немало мытарств пережил вместе с колхозом — и все-таки не нарушил солдатского уговора.

— Кремень-человек, — говорили о нем.

Обед на бомбовом пляже

На мысу, заваленном крупными круглыми камнями, что когда-то огненными бомбами сыпались из жерла вулкана, укреплен натянутая, как тетива, «центральная» горбушевого невода. На рогулинах висит большая закопченная кастрюля. Вьется дымок. От невода, налегая на весла, движутся в кунгасе к берегу трое в желто-зеленых робах. Рыбаки рассаживаются на «бомбах» вокруг самого большого и сравнительно плоского камня, ставят на него кастрюлю, режут хлеб.

С моря дует легкий ветерок, от нагретых солнцем бомб пышет теплом.

— Заходите в наш ресторан! — улыбаясь, приглашают рыбаки.

В «ресторане» не совсем удобные сиденья, но это компенсируется свежим воздухом и замечательной ухой из горбушевых голов и плавников, подернутой золотистой пленкой жира. Хороша эта рыбацкая уха! Невозможно отказаться от приглашения к «столу», устоять от соблазна похлебать юшки.

Как из-под земли, откуда-то появляется бутылка с жидкостью, в которой еще не осела беловатая муть.

— По шкалику... оно для здоровья не вредно. Не обидьте.

Льется ручеек разговора. Говорит в основном востроглазый и улыбчивый Редькин, молодой колхозный парторг, работающий здесь немногим больше года. До этого был бригадиром плотницкой комсомольской бригады на стройке, а еще раньше четыре года служил в морской пехоте.

— Недаром вы спросили: «Почему у вас на неводе всего четверо?» Верно. Восемь человек положено, а мы решили вчетвером управиться. Управляемся. Трое идут на переборку, а один остается обед готовить. Мало людей на неводах. Но так порешили... Колхоз взял обязательство 15 тысяч центнеров рыбы добыть, три плана. Неводов много выставили. Вот здесь, к примеру, вместо двух — шесть. Ведь из миски шестью ложками черпать быстрее, чем двумя. А тут еще сено надо заготавливать — 600 тонн! Рыбаков на покос послали. Ну, вот... Мешают только разные неувязки.

С техникой Петра Первого иной раз работаем, — заметил рыбак Аникеев. — На пирсе даже лебедки нету.

Опять заговорил, помогая себе жестами, Редькин:

— Самый корень-то у нас — это то, что мы весной взяли на себя обработку рыбы. Нам все грозили: споткнетесь! Ан нет! Одни женщины 900 центнеров трески посолили и первым сортом сдали... Это ведь какое дело-то хорошее, что мы заняли вторых и третьих членов семей — и колхозу польза, и каждой семье!

В разговор вступил молчавший до этого старый, с морщинистым лицом и почти лысой головой дядя Ефим.

— А почему в Добром картин не кажется? Моя старуха обижается, говорит, в Одесском через день в картины ходют, а у нас через неделю, — шамкая беззубым ртом, строго спросил он.

— Вот что я тебе скажу, дядя Ефим, — обернулся к нему Редькин. — Пора тебе переезжать в Лесозаводск или Одесский. Выбирай себе хату по нраву и перебирайся. А то придет время, останешься ты в Добром один — волком на луну будешь выть. Что ты за одиноличник такой?

— У меня две коровы, три теленка, свиньи, двадцать курей, — виновато помаргивая, стал возражать дядя Ефим. — А там, в Лесозаводске, стаек нету при хатах.

— Боишься ты расстаться с хатой, что своим трудом построена, так и говори.

— А я говорю, что есть неправильность, — все еще не сдавался дядя Ефим. — Даже трошки есть ошибка в этом деле у членов правления.

— Ошибка! — воскликнул Редькин, заorno блестя глазами. — А ты думал, все гладко, как по маслу, должно идти? Вот избрали меня секретарем, а я сроду им не был! Вот я и прислушиваюсь: что дядя Ефим скажет? Что Аникеев? Что Виктор? И линию их справедливую провожу. Ведь житейский-то опыт у меня невелик. Тебе шестьдесят лет, мне вполровину твоего...

Тут дядя Ефим кратко рассказал о себе: ему 61 год, приехал сюда девять лет назад. Два сына, оба учатся: один в девятом, другой в пятом. Две дочери, одну недавно замуж выдал. Весь колхоз на свадьбе гулял.

Разговором снова завладел Редькин:

— Если поймает, как задумали, 15 тысяч, — отложим в колхозную кассу полтора миллиона, катер себе купим (ах, как нужен нам свой буксирный катер!) и орудия лова. Клуб отстроим новый... Возьмем эти 15 тысяч! — убежденно сказал он. — Как ни грозили нам, что на новых линиях споткнемся — однако радостно все получается... Так все возгорелись к большому улову, что никто не хочет идти на покос, хоть там и полегче.

Уха к этому времени была прикончена. Обтерев ложку, Редькин сунул ее в котомку и посмотрел из-под ладони на солнце, склонившееся к закату.

— Пора!

Рыбаки сели в кунгас. Тревожа роскошный подводный луг фиолетовых, красноватых и зеленых водорослей, лавируя между подводными камнями, они стали выводить кунгас в море, к неводу.

Целый день ехали мы с работником местной газеты под дождем, не затихавшим ни на минуту, и, так и не добравшись засветло до центра колхоза, измученные верховой ездой, промокшие до нитки, решили остановиться на ночь в Добром.

В сырой тьме светилось несколько огоньков. Слышался собачий лай. У одного из домов перекликались мальчишки. Спросив у них, где живет старик Шведов, отправились искать его дом... И вот в расплывчатом пятне света, падавшего из окна, появился заскорузлый брезентовый дождевик и белый веник бороды. Ну, раз борода, значит, попали по адресу. Наверняка, ее владелец и есть Шведов — бессменный колхозный пастух, «конная гвардия», как называют его в районе...

Глуховатым белорусским говорком он велел нам идти в избу.

— Сушитесь, дети мои, ложитесь спать, а мне дежурить.

— Вы же пастухом работаете?

— И пастухом, и скотником, и сторожем. На моей ответственности все пятьдесят шесть голов... Погода-то сырая: дойных коров загнал на конюшню. Ну-ну, идите, я еще поужинать зайду, поговорим...

Жарко пылает железная печка. На столе яичница, мясо, молоко. Шведов сидит на лавке и рассказывает про свою судьбу. Он — великий любитель поговорить.

Большая и трудная жизнь раскрывается перед нами.

— До революции батрачил. В 1915 году призвали в армию. Сначала за царя воевали. Потом поняли, что к чему. Революция. В 18-ом году фронт бросили, ну, немец и попер... Я тоже домой было собрался. Только тут в большевистский комитет вызывают, растолковывают, что надо рабоче-крестьянскую республику защищать... А мы-то, дураки, фронт бросили. Не надо было бросать! — сокрушается старик, как будто это нынче утром бежали, повиснув на подножках вагонов, завшивевшие в окопах солдаты.

— Комитет дал мне двести шестьдесят человек, — продолжает он, — направил варшавскую шосу оборонять. Смотрим — немец скот гонит. «Отобьем, ребята?» Отбили!.. А потом из шинели не вылезал. В Вашка-Мезенском полку воевал в Архангельской губернии с интервентами, ходил на Колчака, на Юденича, на Польский фронт.

Сколько их было! Колчак, Юденич, Деникин, батько Махно, Маруся,—а ничего не смогли супротив народу поделать.

После военных лет жизнь сложилась так: вернулся на родину в белорусскую деревню, — а дома одна мать. Комбед дал лошадь, корову, 25 пудов хлеба на обзаведение хозяйством. Дядя взял к себе на мельницу: в роду все—мельники, надо дедовское ремесло передать. А потом появилась большая семья, и пошел Шведов колесить по водяным, паровым да ветряным мельницам. Хорошо было зажили в Николаевской области, но тут началась война...

В 1949 году привела судьба на Сахалин, и здесь, на добром берегу, Шведовы, наконец, осели.

— Сейчас четырех сынов хоть в одии день жени, — с гордостью говорит старик. — Двое ловцами на иеводе работают, третий — мотористом, а четвертый, тот — подымай выше! — су-до-водитель. И еще трое малых. Всего их у меня шесть сынов и одна дочка.

Больше шестидесяти лет прожил на свете Адам Никитич Шведов, вырастил сыновей. Казалось бы: пора и отдохнуть. Но руки так привыкли к работе, что без дела не сидится. Целыми днями не слазит с коня старик: меняет выпасы, чтобы коровы набирали в вымя побольше молока, оберегает стадо от медведей. А зимой выхаживает в своей избе телят, потому что колхоз еще не обзавелся телятником, или запрягает коня и едет в дальний путь — через перевалы, через 57 речек везет в районный центр командированного человека.

Вот и сейчас. Поднялся ветер, забарабанил тугими каплями по стеклу дождь, а старик, натянув брезентовый капюшон на брови так, что оставалась видна одна белая борода, пошел коротать ночь на ферму.

Человек, который вдохновил всех

Что же за человек тот, кто сумел объединить, направить к единой цели усилия многих людей, заразить их такой неумейной жадью к увеличению богатств колхоза?

Воображение рисовало этакое тертого седеющего дядьку, умудренного жизненным опытом. Но Михаилу Кутугину, председателю «Дальневосточника», оказалось всего тридцать с небольшим лет.

На Курилах он с 1946 года. Сначала служил, потом, уволившись в запас, работал директором клуба, председа-

телем сельсовета, парторгом. В 1955 году колхозники избрали его председателем «Дальневосточника». С того года и начала становиться на ноги рыболовецкая артель.

— Вначале даже планы годовые не выполняли, — рассказывает Кутугин. — Пару тысяч центнеров рыбы не всегда брали... Народ стал растекаться: делать нечего, заработка нет. Вот и задумались мы, члены правления. Пришли к выводу, что только на море нельзя надеяться: ведь Нептун не дает гарантии от пролова. А у нас луга, леса!.. Поначалу взялись за свиноводство. Орут поросята — есть просят, а с кормами тяжело, надо с материка завозить. Потом завели коров, птицеферму — и на этом погорели. Некуда реализовать продукцию, далеко мы живем от остального мира. Так вот, как слепые котята, и тыкались, пока не нащупали верный путь — выращивать телят, мясное направление взять.

Кутугин помолчал, собираясь с мыслями.

— Это была первая ступенька, — продолжал он. — А этой весной сразу на две шагнули. Взяли на себя обработку рыбы и лесопилением решили заняться. Сейчас наш «Дальневосточник» вроде комбината стал, хоть штаты цеховые заводи... Что это нам дает? Вот это-то и есть самый коренной вопрос.

Он порылся в нагрудном кармане, достал записную книжечку, полистал.

— Что дает? Вот смотрите... Если бы мы сдавали треску сырцом, — получали за центнер 120 рублей, как раз столько, во сколько колхозу обходится добыча. В результате в кассу — ноль. А соленая — 446 стоит, в кассу с каждого центнера — 216 рублей, а всего, стало быть, двести тысяч. Налицо резон-то. То же — на горбуше. Каждый добытый и обработанный в колхозе центнер лосося приносит 130 рублей чистого дохода. А вот по другим отраслям бухгалтерия: осенью забьем на мясо 30 голов телят, это тоже большая прибыль колхозу.

— А сколько у нас сейчас спецов в колхозе, кого только нет! Ловцы, судоводители, мотористы, мастера по пошиву орудий лова, строительству кунгасов, плотники, трактористы, шоферы, кузнецы, электросварщики, радисты, животноводы, засольные мастера. Пожалуй, только композиторов нету, — улыбнулся председатель, — да и то девки частушки сочиняют.

— Дальнейшему росту есть и помехи, — Кутугин по-

серьезнел. — Работаем вслепую, разведку здесь никто никогда не проводил. Не знаем, где какая рыба ходит. И флот нужен. Хватит ждать рыбу у берега, пора и колхозникам в океан выходить!

ТИШИНА

Неожиданный голос суров и беспрекословен:

— Документы!

Человек вырос из-под земли или свалился из пелены тумана. Секунду назад его не было... Зеленая фуражка. Строгие, по-восточному раскосые глаза, юношеский овал лица. Темная, отсыревшая накидка...

Колея взбирается на плато и ныряет в речки. Безлюдье. Но хочется снять кепку. Хочется поклониться глухому проселку, стремительной речке, кручам, камням, саранкам. Здесь самые дальние пяди Родины, ее кустики и цветочки. И пускай неказисты они тут, на камнях, на ветру, все равно они — свои, родные и милые.

Здесь государственная граница СССР.

На четыре тысячи километров протянулась дозорная тропа по берегам Курильской гряды. На севере карабкается по скалам Алаида и Парамушира; минуя непропуски, подтягивается на стальных тросах, раздвигает прижатые к земле заросли кедрача. Прерываясь у сулоиных проливов, дозорная тропа огибает подошвы дымящих вулканов Онекотана и Матуа, ступает на малые необитаемые островки, лишенные пресной воды и растительности. Через птичьи базары и лежбища сивучей, греющихся на камнях, она спускается все ниже на юг, прячется в зеленых гротах Итурупа и Кунашира и выходит на песчаную косу, откуда отлично видны дымки чужой земли.

Чужие глаза щупают в бинокли наши берега. Иногда в туманные ночи оттуда выходят шхуны с потушенными огнями.

Может быть, именно сюда подошла однажды «Севамару»? Здесь выползли на наш берег натренированные в американской школе шпионов-радиотов в Саппоро агенты «Си-Ай-Си» Тани Акира и Такакува? Здесь, застрелив напарника, чтобы замести следы, как зверь, метался в зарослях кедрача Тани Акира и умолял по радиции своего хозяина, капитана Грея, выслать к острову судно?...

«Шхуна выйти не может... Уничтожайте улики. Молитесь богу», — ответил из Саппоро капитан Грей своему агенту.

Дорога спускается вниз. На широкой луговине щиплют траву две рыжие коровы да несколько коней, приветливо заржавших при виде моей Пульки. Из-за горы вдруг открывается посеревшая от дождей вышка погранзаставы.

Снизу по выложенной плитами тропинке бежит белобровый сержант. Улыбается чему-то — видно оторвали его от веселой беседы или от чтения письма. Подбежав, стирает с лица не предусмотренную уставом улыбку и тщательно просматривает документы.

На берегу маленькой бухты — несколько новых светло-красных деревянных домов. Спортплощадка с кольцами. Зеленые шары подстриженных кустов крыжовника. На красном транспоранте кричащие строки Маяковского: «Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела!» Впереди — опоясанная пеной оконечность мыса, рифы, где, как от взрывов, взлетают каскады брызг...

Был как раз субботний день, и совершенно неожиданно знакомство с жизнью пограничников началось в бане, в настоящей сибирской бане — избушке на курьих ножках, с раскаленными камнями, паром, полком и вениками.

Сквозь клубы пара просвечивало порозовевшее тело Юрия Львовича, начальника заставы, который и затащил меня в этот рай. Юрий Львович — рослый, плечистый, мускулистый. На его плече была заметна малиновая змейка — ратная отметка, полученная в 1942 году в Хинганских горах, где он служил на границе.

— Наши наряды на дозорной тропе часто обстреливались, — рассказывал Юрий Львович пока мы мылись. — Непокойная была граница. Не то, что здесь. Здесь — тишина... Только вот призраки иногда спать не дают.

— Призраки?!

— Да-да, — улыбнулся Юрий Львович.

Поминутно спотыкаясь о камни, почти бегу в непроглядную тьму вслед за тремя невидимками, ступающими бесшумно, уверенно и быстро.

Идем к загадочному «Ивану Ивановичу». Кто он такой, где находится, об этом мне не известно.

В прошлую ночь в казарме пустовали целые ряды аккуратно заправленных коек. Нынче капитан, наконец,

разрешил мне посмотреть, чем занимаются их хозяева— «ночные люди».

Днем ел с ними в столовой, сидел в курилке, где они надраивают сапоги, играл в шахматы, днем они охотно вступали в разговор, шутили и улыбались, но сейчас были суровы и молчаливы.

Крутой подъем. Только благодаря каким-то колючим веткам карабкаюсь наверх. Наконец, кажется, пришли. Под ногами ровная площадка. Невидимки останавливают меня. Проходит несколько секунд. Скрипнула какая-то металлическая деталь. Короткий возглас:

— Открыть луч!.. По пеленгу 120, пять миль — цель!

И в тот же миг ослепительный синеватый свет стремительной рекой разрушает тьму, и я вижу черные силуэты своих спутников, застывших у рычагов прожекторной установки, пылинки туманной измороси в луче, рябь на воде. Проходит не более секунды...

— Закрыть луч!

Ничего нет в океане.

Но однажды ночью этот луч вырвал из тумана подозрительное пятно... На следующую ночь солдатам, находившимся по другую сторону мыса, у «Марии Ивановны», сквозь шум прибоя почудился рокот мотора. На третью— еще один наряд заметил при свете наступающего утра призрак, ускользающий в туман и похожий на силуэт судна.

Люди в зеленых фуражках не верят в призраки. Было установлено усиленное наблюдение за океаном. Несколько раз боевой корабль пытался настигнуть судно, чтобы взглянуть на него с близкой дистанции, но оно убегало в сторону нейтральных вод.

Наконец, призрак до того обнаглел, что среди бела дня показался в четырех милях от берега в виде рыболовной шхуны. В бинокль был отлично различим чужой силуэт.

На берег катились бугры зеленовато-серой воды. Десятибалльный шторм бушевал в океане. Это-то, видимо, и придало храбрости призраку. Укрывшись за мысом, в за-тишке, он надеялся, что в такую погоду его не смогут преследовать.

Радист заставы быстро и четко простучал ключом.

Радист корабля принял шифровку.

Через минуту командир охотника держал ее в руках...

«В районе... обнаружено неизвестное судно. Продолжаем вести наблюдение». Пробежав шифровку глазами, командир взглянул сквозь лобовое стекло.

Всем хороша бухта, где стоял в укрытии корабль. Здесь он не заметен ни с одной стороны. Здесь не страшны никакие ветры. Если бы не рифы, цепочкой огородившие выход!.. Трудно удержаться в фарватере в такую погоду. Опасно выходить.

— К бою! Орудия не расчехлять!

Сирена боевой тревоги врывается в кубрики.

Топот ног. Минута — и все по местам.

— Полный ход!..

С заставы было видно, как длинный низкий корабль выскочил из бухты и, окутываясь тучами брызг, ринулся к неизвестному судну.

На «призраке» заметили его. По палубе забегали, заметались человеческие фигурки. Охваченная паническим ужасом команда рубила свисавшие с борта тросы переметов и якорную цепь. Потом из трубы повалил густой дым, и судно, ныряя в волнах, пошло на северо-восток...

— Завести второй мотор!

Ложась с борта на борт так, что вымпел касался вершушек волн, пограничный катер стал настигать чужое судно. Вот наперерез ему прочертила воздух красная ракета. Это сигнал: «Заглушить мотор!»

Команда «призрака» еще надеялась удрать. Показывая корму с желтыми лучами восходящего солнца, шхуна сменила курс — вильнула на север. Однако ее судьба была уже решена. Никуда не могла она ускользнуть от быстрого и поворотливого пограничного корабля. Вторая ракета пересекала курс шхуны, и тогда, застопорив ход, она запрыгала на волнах.

Теперь пограничникам предстояло высадить на ее борт досмотровую команду. Волны с грохотом обрушивались на палубу охотника, захлестывали шхуну, бросали оба судна, как консервные банки. Три раза пытался командир подвести корабль к борту шхуны, но это не удавалось. Тогда он повел его носом к носу. Волна бросила шхуну вперед, затрепала деревянная обшивка, попадали за борт спасательные круги.

Вцепившись в леера, моряки досмотровой команды во главе со старпомом ждали подходящий момент.

Новая попытка. Нос корабля взлетает высоко вверх,

нос шхуны — вниз. Между ними метра два-три. Кипит океан, разверзается под форштевнем страшная зеленая пучина... Вскочив на леера, матрос Иванцов первым прыгнул на шхуну. Сразу же вслед за ним — еще двое. Новый заход — и еще четверо моряков оказались на ее палубе.

Восьмому не повезло. Упустив момент, он не допрыгнул до привального бруса и, уцепившись за борт, повис над водой. Еще секунда — и его раздавило бы форштевнем, но товарищи подхватили, вытащили на палубу.

Возле рубки толпились черноволосые с узкими глазами люди в серых робах. Кланялись. Судя по их словам — заблудились и пережидали шторм. Но, вскрыв наскоро задраенный трюм, пограничники увидели свежую рыбу. Так вот зачем приходил «призрак» по ночам к берегу! Он — вор и браконьер, он занимался хищническим ловом лососей в наших водах.

Старпом определил координаты и нанес на карту точку, где было задержано судно. Шкипер шхуны дрожащей рукой поставил рядом с ней свою роспись.

Шхуну надо было доставить в бухту. Заперев браконьеров в кубрике, пограничники встали у мотора и в рулевой рубке.

В хорошую погоду корабль добирался из этого района до бухты за девять-десять часов. Сейчас, сопровождая шхуну, пограничный катер двигался очень медленно. Проходил час за часом. Браконьеров задержали утром, и вот уже наступил вечер.

Целый день моряки досмотровой команды были без пищи. В 19 часов капитан-лейтенант решил передать им обед и ужин. Корабль зашел за мыс, где волнение было не так сильно. Но и здесь подойти к борту шхуны не удалось. Тогда продукты, сложенные в дермантиновые мешки, попытались перебросить... Оба мешка упали в воду, и их унесли волны.

Рискуя столкнуться со шхуной, командир подвел корабль почти вплотную к ее борту, и старпом успел перебросить выброску с капроновым тросом. Новые мешки с едой были перетянуты прямо по воде.

На рассвете пограничники доставили браконьеров в бухту.

...Мирно пасутся на лужайке коровы. Из красного уголка доносится «Ой, красивы над Волгой закаты» — там идет репетиция художественной самодеятельности. На перилах крыльца, болтая ножками, сидит белокурая Танечка — дочка Юрия Львовича. Но каждую ночь в казарме пустуют ряды коек. Каждую ночь не дремлют наряды у «Ивана Ивановича», «Марии Ивановны» и «Сидора Петровича» — у сопок, скал, мысов.

Над вулканами

Встречаюсь с вулканологами и завожу с ними дружбу. Они приглашают пролететь на имеющемся в их распоряжении вертолете над вулканами. Представляется возможность взглянуть на Итуруп с воздуха и к тому же попасть на соседний остров. Конечно, соглашаюсь: что может быть заманчивее!

Вертолет поднимается и сразу повисает над океаном. Потом, круто разворачиваясь, набирает высоту.

Береговая линия сильно изрезана, и летим то над горами, то над морем. Вот под нами — хребты, вулканы, кратеры... Вот вертолет проходит над глубокой лесистой кальдерой, в которой прячется труднодоступное озеро Красивое, полное крупной, как горбуша, золотистой форели.. Вот повисает над бухтой Львиная пасть. Вулканологи рассказывают, что эта, словно вычерченная циркулем чаша, вход в которую сторожит Камень-Лев, представляет из себя древний вулканический кратер, погрузившийся в море. У Львиной пасти отвесные высокие берега, заход с моря в нее труден, и поэтому люди посещают ее редко.

Узкий перешеек соединяет Львиную пасть с оконечностью Итурупа — вулканом Бератарубе, — голой, пологой, уродливой горой с двумя кратерами. Склоны изрезаны расселинами, ущельями и со стороны пролива с большой высоты отвесно обрываются в море. Летим довольно низко, хорошо видны желтые пятна серы и множество дымков. Страшное, мертвое место.

Каждый из курильских вулканов имеет свою историю и свои тайны. Чем известен этот?..

— Подымались сюда когда-нибудь люди?

— Японцы добывали здесь серу, — лаконично ответил сидевший рядом со мной пожилой вулканолог. Немного помолчав, добавил: — Руками военнопленных китайцев. Здесь были концлагери.

Вот какие жуткие тайны хранит мрачный Бератарубе!

Внизу голубоватая рябь, словно хлопьями снега, усеянная птицами. Летим над проливом Екатерины, разделяющим острова Кунашир и Итуруп. Слева четко, как на макете, видны темно-синие силуэты островов Малой Курильской гряды, они кажутся цепочкой плоских камней.

Впереди двухэтажный конус с лесистыми склонами.

Ну, конечно, это знаменитый Тятя. При виде его вулканологи приходят в бурный восторг. Они называют его «идеальным» вулканом, «красавцем» и другими лестными словами... Тятю очень уважают и моряки. Его вершина, вознесшаяся в небеса на 1882 метра, издавна служит им ориентиром. А курильчане — те души не чают в Тяте. Едва завидев его, липнут к борту парохода и рассказывают новичкам про «папашу всех вулканов» разные были и небылицы.

И действительно, красив и величественен Тятя. Лишь гордый Алаид может поспорить с ним.

Пилот ведет машину прямо на Тятю. Видны и подножие, и почти горизонтальные плечи, и острая коническая, словно отполированная, надстройка (юный вулкан) двухэтажного гиганта. Вулкан все ближе и ближе. Вот уже полез вверх ошестинившийся черными копыями елей северный склон. Машина круто отворачивает влево.

Теперь можно отлично разглядеть весь Кунашир, изогнувшийся как ящерица. Виден, похожий на корабль, хребет Фрегат, несколько вулканических конусов, выступы и впадины — мысы и бухты. А еще дальше плавают в

голубизне гигантские снежные вершины японского острова Хоккайдо.

Кунашир — самый южный, так сказать, пограничный остров.

Вторичное знакомство с Южно-Курильском

Длинный голый мыс; перекошенный вулкан с разорванным боком; туманный океанский горизонт, траулеры и углевоз на рейде, многорядный прибой; зеленый бархат холмов с одиночными деревьями; причудливо извивающаяся речка. Все это знакомо. Однажды мне уже пришлось побывать в Южно-Курильске. Но сам поселок неузнаваем.

Четыре года назад на улицах еще стояли ветхие и уродливые дощатые хибары с коленчатыми трубами «маньчжурок», высунутыми из окон. Сейчас от японского старья почти ничего не осталось. Куда ни кинь взгляд — рубленные, брусчатые, сборно-щитовые, наши, русские, добротные дома. В таких не страшно зимовать, когда метет с океана пурга... А это большое деревянное здание, конечно, средняя школа. Раньше возле нее шевелили редкими точками саженцы, а сейчас тополя и березы так разрослись, что видна лишь одна крыша.

Из-за школы тянет смолистым духом ели, слышится тюканье топоров, смех и говор. Там горы бревен и досок, столбы — контуры какого-то сооружения. Множество молодого народа. Хлопцы, девчата. Кто пилит, кто орудует топором... Комсомольцы райцентра строят спортивный зал.

Выхожу на центральную улицу, растянувшуюся по берегу бухты на несколько километров. Здесь тоже все выглядит по-новому: появился сквер с густыми кронами молодых деревьев, голубой круглый павильон с вывеской «Воды. Мороженое. Пирожное». За павильоном большое здание Дома культуры. Его фасад облеплен афишами, сообщающими о гастролях Уссурийского драматического театра.

Захожу в райисполком.

— Вам, конечно, нужно место в гостинице и машина для поездки по острову? — улыбнулась худощавая пышноволосяя женщина, замещающая главу района.

— Как это вы догадались?

— Очень просто. Нынче такой день: с утра принимаю гостей. Первыми прибыли московские художники Чеховы.

Родственники Антона Павловича. Отец и сын. Да-да. Вы не удивляйтесь. Они делают зарисовки курильской природы... Потом — вулканолог Георгий Степанович Горшков. Это — старый знакомый, часто у нас бывает... Теперь вот вы. Все просят об одном.

— Летом не успеваем принимать гостей, — продолжала она, — ревизоры, инспектора, геологи, ученые, артисты, туристы-школьники. Кого только нет! Некоторые, представьте, даже отпуск у нас проводят. Приезжают купаться в серных ваннах, лечить ревматизм, любоваться природой.

На стене кабинета висела модельная, раскрашенная цветными карандашами карта Кунашира.

— Посоветуйте, куда съездить, с кем встретиться.

Подшли к карте. Кунашир выглядел на ней не той букашкой, которую привык видеть глаз на мелкомасштабных картах, а вполне солидной землей. Это—остров высокоствольных девственных лесов. В отличие от Итурупа он покрыт лесами весь, от южной до северной оконечности, с «макушки до пят». Богат и рыбой Кунашир. К его берегам подходят лососи и треска, сельдь и иваси, камбала и окунь, а по океанскому дну кочуют полчища крабов. Воды, омывающие остров, изобилуют ракушками и водорослями.

Траулеры, стоящие на рейде, — это суда Дальневосточной перспективной промысловой разведки и ТИНРО¹. Они ведут в океане лов сайры на электросвет и промысел тунцов, осваиваемые здесь впервые.

Кунашир — один из густонаселенных островов гряды. Здесь десяток поселков, два рыболовческих колхоза, рыбопромышленный завод, молочно-овощной совхоз. И всюду хочется побывать, все посмотреть своими глазами.

Хорошо бы добраться до подножия Тяти, где обозначен заштрихованными квадратиками поселок. Также заманчиво поехать и в противоположную сторону, на юг, на берег залива Измены, где когда-то ступала нога капитан-лейтенанта Василия Головнина. Хочется побывать и в Алехино, откуда на южнокурильский базар привозят огурцы и арбузы; и в Третьяково, где в живописнейшем уголке раскинул свои палатки пионерский лагерь; на Столбчатом мысе, сложенном из отвесных шестигранных столбов, и на полуострове Ловцова, где падает в море

¹ Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбной промышленности и океанографии.

река, на удивительном Горячем пляже и Кипящем озере... Но пока попутного транспорта нет.

Захожу в редакцию районной газеты и узнаю еще несколько новостей.

Южно-Курильск завязал тесную дружбу с Китаем. Недавно здесь побывала делегация китайских юношей, и сейчас школьники переписываются с ними.

Однажды в Южно-Курильск пришло письмо, написанное на английском языке:

«Господа! Кольцо номер US 45601, которое вы недавно прислали нам, было прикреплено к кете на острове Адак... Выражаем вам благодарность за возвращение кольца. Мы продолжаем свою работу. Ждем ваших сообщений. Это для нашей обоюдной пользы. Преданный вам директор В. Ф. Томпсон».

Издалека прибыло это письмо... Как-то кунаширские рыбаки выловили у нерестовой реки Григорьевки рыбку не простую — закольцованную кету. Разобрались, — оказывается, метка сделана в Америке, и кета прошла по океану 3500 километров. Инспектор рыбнадзора Михаил Никитич Баландин послал метку по указанному адресу и в ответ получил письмо.

— Я, правда, не господин, — шутил Михаил Никитич. — Ну, а с остальным содержанием согласен. Верно этот мистер Томпсон насчет обоюдной пользы заметил. Очень верно. Жаль, что некоторые в его стране не думают об этом.

Кунашир... Окраина Родины, земля пограничная. Когда-то в таких вот далеких и глухих углах пухли от цинги матросы береговых постов Российской империи. Нынче слово «далеко» не подходит даже к этой земле, что лежит в десяти тысячах километров от сердца нашей страны. Курилы при хорошей погоде — в двадцати летных часах от Москвы. Они шагают в ногу со всей страной, живут такой же большой и кипучей жизнью.

ПРОГУЛКА НА ГОРЯЧИЙ ПЛЯЖ

Дорога на Горячий пляж, лежащий километрах в семи от Южно-Курильска, огибая бухту, прижимается вплотную к океану. Собственно говоря, дороги в привычном смысле

слова нет. Океан в часы отлива отступает на десятки метров и оставляет в распоряжении людей широкую, слегка наклонную полосу своего плотно утрамбованного мокрого песчаного дна — что-то вроде автострады, отутюженной до зеркального блеска. Это так называемая «дорога по отливу».

Сущее блаженство идти по этому асфальту! Шумит у ног, лижет пыльные сапоги океан. То и дело обгоняют автомашины. Они мчатся на полной скорости, не сворачивая, прямо по языкам волн, и из-под их колес радужными каскадами летят брызги. Оставляя едва заметные, на глазах тающие следы, проносятся мотоциклы. Идут люди. Бредет скот.

Справа, за валами намытого океаном белесого песка, — холмистое взгорье с одиночными лиственницами-флюгерами и множеством цветов. Они источают сильный аромат, смешанный с острыми запахами водорослей.

Излучина берега оканчивается скалистым мыском, прерывающим зеркальную «автостраду». Дорога идет здесь по крупным округлым валунам. Из-за поворота открываются красивые виды на речку с красными берегами, обрамленными светлой зеленью кустарников и темной — хвойных деревьев; на стройный белый кекур в зеленой шапке, стоящий навтыжку метрах в ста от берега.

Перейдя мост, мы оказались у цели путешествия.

Вот он, Горячий пляж — окутанный паром песчаный каменистый участок берега, протянувшийся метров на полтора. Всюду булькают, пузырятся большие и маленькие ключи.

— Не вздумай сунуть палец... Кипяток!

Нет, не имею такого желания: известно, что температура воды в этих маленьких самоварчиках колеблется от восьмидесяти до ста градусов! Жители близлежащих домов используют природную «кочегарку» в хозяйственных целях. В песок пляжа врыты железные бочки, наполненные водой — в ней варят яйца и крабов. Наиболее предприимчивые хозяева подвели кипяток по трубам в бани, отапливают им свои дома.

Кто же нагрел пляж, кто кипятит воду? Это делает действующий вулкан Менделеева, очень богатый выходами серных газов и горячими источниками. Пляж — подножие

вулкана. Именно здесь вырывается наружу особенно много подземного тепла.

В речку с красными железистыми берегами, она называется Лесной, впадает горячий ручей Кислый, в русле которого парят десятки ключей. В этом ручье и на берегу, среди камней, заливаемых в часы прилива, есть несколько удобных бассейнов. Островитяне принимают в них теплые ванны. Так же, как и на Итурупe, здесь работает водолечебница, исцеляющая ревматизм и кожные болезни.

Мы решили принять ванну на берегу. Она представляла из себя овальное озеро среди черных и фиолетовых валунов. Раздевшись, легли в прозрачную, теплую, очень приятную воду.

Мой спутник, работник райкома партии, рассказал о планах использования вулканического тепла в хозяйстве района... Первым заговорил об этом на пленуме райкома энтузиаст садоводства и ягодничества, старожил Южно-Курильска, плотник Баскаков. Его поддержали. Сейчас на Горячем пляже строят свои теплицы совхоз и семилетняя школа. Впрочем, ребята уже выращивают на пришкольном участке овощи в апреле, когда кругом еще лежат снега. Курильчане мечтают также о сооружении электростанции, работающей на подземном тепле.

Хорошие планы! Пора запрягать вулканы в колесницу экономики Курильских островов. Нечего им зря дымить в небо, транжирить тепло подземных кочегарок. Пусть выращивают овощи в теплицах, вращают турбины, служат человеку!

Пока мы, блаженствуя, грели бока в каменной ванне, начался прилив. Сначала почувствовали на лице холодные брызги, потом температура воды в ванне стала быстро падать, и вскоре над Горячим пляжем бились о камни седые гривастые накаты да попискивали, чертя крыльями воздух, встревоженные чайки.

В Южно-Курильск возвращались затемно. Возле моста нагнал открытый «газик». Проголосовав, забрались на жесткое заднее сиденье. Прилив нарастал, «автострада» с каждой минутой сужалась. Машина лавировала между набегающими накатами, пересекая многочисленные ручьи и речки, выплескивала их из берегов, высоко подпрыгивала. Казалось, что еще мгновение — и улетим в океан.

САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

— Вот вы все: романтика... приключения, — с нескрываемой иронией сказал Василь Иванович. — Я расскажу вам один случай, а уж вы соображайте, относится он к романтике или нет. Дело было на севере, в тайге. Отряд шел вниз по речке. Сейчас уже не вспомню ее названия... Увлёклись. Зима застала чуть не за тысячу километров от базы. Когда тронулись в обратный путь, продуктишек было уже маловато, а потом осталась одна лепешка. Понимаете? Одна лепешка на пятерых!.. Геологов подобрали эвенки километрах в трех от базы. Двое от истощения не могли идти, трое еле передвигали ноги. И вот, представьте себе, — лепешку-то они так и принесли на базу целой и невредимой.

Василь Иванович помолчал, обвел всех взглядом и с ноткой восхищения в голосе заключил:

— Потому что каждый берег ее для товарища.

— У геологов такой закон, — заметил один из сидевших на крыльце людей, — как можно больше делать для товарища.

— Иначе и нельзя, — опять оживился Василь Иванович. — Разве проживешь без этого в наших условиях? Столько всяких неудобств. Взять такой пример: вот он, Костя, здесь скитается, а его жена уехала сейчас с партией в Среднюю Азию. Пачка писем придет раз в месяц — и вся любовь. Нет, не уважаем мы, геологи, всякую эту романтику, — вернулся Василь Иванович к началу разговора и даже поморщился при этих словах.

Глаза Кости, прикрытые стеклами очков, чуть заметно улынулись.

Впервые я встретил этот маленький отряд геологов три недели назад на «Балхаше», спускавшемся вдоль Курильской гряды, на юг. Когда пароход бросил якорь на рейде «Скалистого» и к борту подошли два «жучка» с пассажирами, привлекла внимание группа необычно одетых людей. Они были в легких спортивных куртках, брезентовых штанах, беретах. И груз их тоже был необычен. Все какие-то большие зеленые ящики с надписями «Осторожно. Стекло» и зачехленные приборы. Сначала показалось, что это кинооператоры, но когда один из них стал подыматься по трапу с охапкой молотков, пошатываясь от тяжести, я понял, кто эти люди.

Вечером увидел их в вестибюле первого класса. Они расселись на диване, а самый старый, коренастый, с жестким, морщинистым, как кора дуба, лицом, устроился на трапе.

— Любимое место с прошлого рейса, — заметил он.

Они производили впечатление усталых, соскучившихся по обществу людей. Должно быть, это было действительно так, потому что они сидели в вестибюле почти весь вечер, шутили с номерными и проходившими мимо официантками, разговаривали с моряками и с некоторыми пассажирами из Северо-Курильска.

Особенно разговорчивым был как раз старый геолог Василь Иванович. Наверно, поэтому я и принял его за начальника отряда. Запомнился рассказ о том, как глупо, из-за ничтожной мелочи, погибла в экспедиции его племянница — выпускница МГРИ¹: она пренебрегла правилом не засовывать ногу глубоко в стремя и поплатилась за это жизнью. И еще врезалась в память пословица Василь Ивановича: «Если пойти — как не пройти».

Высидевшись на Итурупе, я уже не надеялся повстречать геологов, как вдруг увидел Василь Ивановича в Южно-Курильске. Решив не упустить на этот раз случая познакомиться, отправился в их «штаб-квартиру».

Василь Иванович рассказал еще несколько случаев, когда приключения мешали геологам. Наконец, он ушел в дом, и я смог поговорить с тем, кого он называл Костей. Вопреки моим предположениям, именно этот немногословный, стройный, черноволосый человек в очках, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами был начальником отряда, а Василь Иванович — завхозом. Впрочем, это несколько не умаляет роли последнего в истории геологических исследований, поскольку Василь Иванович добросовестно исполняет свои обязанности и к тому же обладает незаменимым в условиях экспедиции характером веселого человека.

Кандидат геолого-минералогических наук Константин Константинович Зеленев уже пятнадцать лет ходит по Сибири, Средней Азии и Дальнему Востоку. Его биография — это история молодого поколения военных лет. Окончив десятилетку, пошел на фронт. Был снайпером. После ранения, в 1943 году, поступил в Московский геологоразведочный институт. Зимой учился, а летом рабо-

¹ Московский геологоразведочный институт.

тал коллектором в геологических партиях. Сейчас возглавляет отряд камчатской экспедиции геологического института Академии наук.

Мне не раз приходилось встречаться на Курилах с геологами, вулканологами, геофизиками, изучавшими геологию островов, искавшими подземные клады — серу и полиметаллические руды. Но отряд Зеленова занимается не поисками месторождений, годных для разработки. У него совершенно иная, необычная цель...

Курильские острова — зона активной вулканической деятельности, и здесь, как в лаборатории, можно проследить процесс возникновения месторождений руд. Потом это поможет найти руды в других, более древних, но сходных по геологическому строению областях страны. Это — новый оригинальный путь, по которому еще никто не шел в геологических исследованиях, и Зеленов готовится к жестоким боям с седобородыми старцами, в том числе и со своими учителями.

Сам он крепко уверен в правильности этого пути. Отряд не первый год работает на Курилах. Зеленов успел побывать на трех островах, подняться на несколько вулканов, много раз спуститься под воду в Охотском море.

На Парамушире есть речка Юрия. Со стороны видна желтая лента ее вод, далеко протянувшаяся в море. В этом районе и было осуществлено первое подводное путешествие. Оно показало, что желтая речка каждые сутки выбрасывает в море тонны железа и алюминия. На Кунашире также «работает» красная речка Лесная, на которую сейчас каждый день ходят в маршруты геологи отряда. Эти факты, наблюдаемые в естественной курильской лаборатории, и дали Зеленову основание утверждать, что залежи руд могут образовываться в результате конечной деятельности вулканов — выноса продуктов разрушения изверженных пород реками.

Смелый вывод должен быть подкреплён множеством фактов. Когда произошло извержение в Бирюзовом озере, Зеленов решил спуститься в него в водолазном костюме и исследовать дно. С этой целью и приезжал отряд на Симушир.

Озеро лежит в глубине кальдеры, в высоких красных скалистых берегах. Его уровень гораздо ниже океанского. Здесь заключены воды древнего моря, в далекие времена попавшие в каменный плен. Никогда в истории геологи-

ческих исследований человек не спускался на дно вулканического озера, окруженного ореолом таинственности. Что ждет там геолога? Чем встретит его сумрак вод? Какие ловушки подстерегают?.. Товарищи закрутили винты шлема, подсоединили шланги, и Зеленов, поддерживаемый их руками, шагнул в бирюзу. Минута... вторая... третья. Капельки пота выступили на широком морщинистом лбу Василь Ивановича. Но вот глуховатый голос из преисподней: «Все в порядке, дно — илистое, но идти можно».

Сейчас этот вид исследований уже в порядке вещей. Через несколько дней Зеленов собирается спуститься на дно еще более таинственного и опасного Горячего озера, что отсвечивает тусклым свинцовым блеском в кратере вулкана Головнина. Забраться в это озеро мечтает и его товарищ по курильским экспедициям молодой геолог Роберт.

Повечерело. Бледный шар солнца уже скатился за широкий хребет Фрегат. Вышел Василь Иванович. Он вынес теплую меховую куртку и, несмотря на протесты Зеленова, накинул ему на плечи. Тут только я заметил, что руки моего собеседника покрыты гусиной кожей, и сам ощутил прохладу вечера.

— Вот вы просите рассказать про самое интересное приключение, — опять вмешался в разговор Василь Иванович. — Ничего сверхъестественного мы не совершаем. Работаем. А приключения, действительно, бывают. Самое интересное позавчера произошло. Возвращались из дальнего маршрута. Уже стемнело, а до поселка еще шестнадцать километров. Грязь. Гнус. Сырость. Чашоба. И вдруг — голоса, свет, люди. На пихте экран висит. Трещит передвижка... На стан лесорубов наткнулись. Поужинали. Отдохнули. Да еще и кино посмотрели!.. Вот это интересное приключение. Правильно я говорю, Костя?

Зеленов рассеянно кивнул головой. Глаза его за стеклами очков чуть заметно улыбнулись чему-то своему.

СПОРИЩИЕ С ВЬЮГОЙ

В девственном лесу

«В глубь острова»; — еще с детских лет застряла в каком-то уголке памяти эта вычитанная из жюльерновских книг, манящая романтикой путешествий фраза. И вот

серым пасмурным утром она вдруг ожила и стала реальной. Хватит сидеть в пыльном и туманном поселке — в путь, в глубь острова, навстречу неизведанному!

На прощанье захожу в редакцию районной газеты и неожиданно обретаю попутчика. На юг, в те места, где собираюсь побывать, отправляется в командировку один из журналистов. Что ж, отлично! Особенно радует, что попутчик — Саша Мандрик, курильский поэт, с которым заочно знаком уже не один год.

— Ну, а как будем добираться?

— Ты не знаешь, как мы тут добираемся? — улыбнулся Саша. — На одиннадцатом номере. Наслаждение — сейчас по лесу пройти. К вечеру в Серноводске будем — и ладно. А возможно и попутная машина попадется.

Асфальтированным пляжем сейчас целиком овладел шумный прилив, поэтому мы идем по вязкому песку.

Александр Мандрик совсем не такой, каким я представлял его себе раньше. С крупного, болезненно румяного лица смотрят запавшие печальные глаза. Он тяжело болен — у него истощение нервной системы. Два дня назад я видел, как тряс его припадок, как побелело лицо и выступили на лбу капли пота. Отдышавшись, Саша тогда улыбнулся, вернее, выдал улыбку и, видимо, заметив на моем лице выражение испуга, сказал:

— Извини, пожалуйста... Как поволнуюсь — всегда так... Иной раз дочь спрашивает: «Ты чего, пап, пляшешь?»

Преодолев пески, подошли к красной речке, где наша дорога поворачивала вправо, и увидели на развилке девушку с чемоданчиком в руке. Что-то очень знакомой показалась белая в синюю клетку блузка, розовощекое лицо. Ба! Да это же пассажирка «Балхаша», одна из девушек-курильчанок, что учатся в Южно-Сахалинском лесотехникуме. Нам повезло: Таня, так ее зовут, будет нашим экскурсоводом по кунаширскому лесу. Ведь, говорят, в нем, как в ботаническом саду, собрались редчайшие породы деревьев.

Только тронулись с места, как послышалось урчанье мотора, и из-за поворота выскочил самосвал, груженный песком. Переглянувшись, мы проголосовали...

Машина стремительно идет по бесконечной спирали на подъем. Рекой течет навстречу ветер. С наслаждением представляем ему разгоряченные лица; вдыхаем всей грудью, пьем сильный аромат леса.

Впрочем, назвать лесом это буйное торжество природы, эти могучие толстенные колонны, теряющиеся в зеленом своде, этот непролазный подлесок с разнотравьем, эти хитросплетения лиан — никак нельзя. Да тут не лес, а настоящие джунгли!

Сквозь деревья показывается вулкан Менделеева. Кажется — рукой подать до его рваного бока, зияющего красными и желтыми обнажениями. Заметны дымки сотен маленьких серных печей—фумарол. Чем дальше, тем больше интересных видов. Я уже полностью принял точку зрения Саши и жалею, что не пошел пешком, но тут водитель тормозит и объявляет, что нам пора сходить.

Спрыгиваем и, миновав редкие домики поселка Менделеева, как в прекрасный сон, погружаемся в пучину зеленого моря.

Лес так переплетен лианами, что слился в одну сплошную непроходимую зеленую массу. Лианы свисают, как веревки, обвивают почти каждое дерево, и кажется, что пихты и ели стоят в зеленых передничках. Некоторые деревья, задушенные лианами, погибли, и их голые вершины торчат, как пики.

Вот стоит у дороги кражистый бородатый великан с лысой макушкой; у его подножия скамейка и табличка: «Место для курения». Это тис — благородное красное дерево.

— А ну, попробуем обхватить!

Лезем в лопухи, и шести рук едва хватает, чтобы обнять бурый дуплистый ствол, изрезанный крупными морщинами. Срываем веточку: широкая, мягкая, бархатистая хвоя. Сколько же лет тису? Вообще, это очень долговечное дерево, живущее до трех тысяч лет, и на Кунашире работники лесхоза встречали тисы в возрасте за тысячу. Может быть, этот старик также древен и был молчаливым свидетелем извержений Тяти и вулкана Менделеева?..

Саша напоминает еще одну подробность о тисах. Их корявые сучковатые стволы — излюбленные снаряды для гимнастических упражнений «мишек». На тисах очень часто можно увидеть следы медвежьих когтей. Совсем недавно лесник, внезапно остановленный лаем собаки, увидел на вершине тиса косолапого верхолаза и метким выстрелом заставил его приземлиться.

С восхищением разглядывали бархат, называемый еще пробковым деревом. У него — перистые листья, и кисточки

цветов по форме такие же, как у черемухи, только зеленоватые и не свисающие, а стоящие строго вертикально, как свечи на новогодней елке.

Стройное дерево с густой кроной, мясистыми листьями и колючками — реликт третичного геологического периода — диморфант. А вот стоят пирамидальные белоствольные пихты с черными шишечками. Тут же — аянская ель, самое высокое и ровное, как стрела, дерево.

Очень красив шиповник. Он осыпан громадными, как розы, цветами.

Группы белоствольных берез, коренастые дубы, клены, ясени, яблоня, вишня, черемуха, калина, малина... Чего тут только нет! Мои попутчики горячо уверяют, что в глубине леса есть даже магнолия.

Но магнолию в тот день не встретили.

Перед вечером лес стал редеть, открывая виды на океанскую синь, а вскоре и совсем расступился, и мы увидели внизу, на берегу залива, ряды домов. Это был Серноводск.

Здесь мы разошлись в разные стороны. Таня пошла к себе в Алехино, Саша — в правление колхоза, а я — к лесникам.

Высок и строен кунаширский лес. По дороге встречались лесосеки и машины с хлыстами. Из своей древесины на острове построены сотни домов, пирсы, кунгасы, цеха рыбозавода. Пользуясь благами леса, островитяне заботятся и о его возобновлении. На порубках ежегодно делаются посадки аянской ели и пихты, а в питомнике посеяны тис, бархат и диморфант.

Выехав из поселка, лесники пустили коней галопом, и мы быстро вымахали на высокий береговой обрыв, отгороженный столбиками. Пропетляв минут сорок по еле приметной тропке, пробитой в гигантских зарослях папоротников, гречихи и лопухов, выехали на обширный луговой склон.

Тут лесники спешили. Присев на корточки, стали разгребать руками густую траву, и глазам предстал лесной детский сад. Топорщили желтовато-зеленые нежные щеточки елочки, шевелили длинными хвоинками пихточки. Множество деревцев, величиной с карандаш, глядело на золотой закат, тянулось к небу.

— Приживаемость сто процентов. — с гордостью сказал Павел, небритый, с грубыми заскорузлыми руками лесник. — Ох, и помучились мы здесь прошлогодней весной, — поцокав языком, продолжал он. — Техники-то нету! Хорошо, что колхозники да школьники подмогли... Ничего, теперь пойдут в рост, выдюжат!

Курильский Кавказ

Всю ночь по крыше барабанил дождь, а утром над Серноводском висели сплошные серые тучи и слегка мозжило.

Мне дали коня под седлом, объяснили, как ехать, и я отправился в Алехино, знаменитый «курильский Кавказ», где, как говорят, всегда солнечно.

Поднявшись в гору, дорога нырнула в лес, под своды тополей, кленов, ясеней и прочей растительности, еще более буйной, чем у Серноводска. Ветви цеплялись за рукава и кепку. Приходилось то и дело нагибаться и увертываться, чтобы не попасть под холодный душ.

Океанский ветерок остался позади. В лесу было очень тихо, лишь говоруны-ручьи нарушали покой. Лес только пробуждался от сна. Вот задымилась паром дорога. Вот чуть-чуть зазолотилась и посветлела над головой молочно-серая пелена: где-то там пробивалось сквозь туман солнце, чтобы приласкать исхлестанную дождем зелень. Пролетела пара стремительных и изящных диких голубей. Над ручьем замельтешила стайка махаонов.

Ехать было трудно. Дорога после ночного дождя окончательно раскисла. Все ухабы и колеи были наполнены до краев, и конь шел по колени, а то и по брюхо в воде, скользил и спотыкался. К тому же путь часто преграждали толстые корни, поваленные пихты, которые особенно страдают от ветров. Иногда у ручьев виднелись крупные когтистые следы. Чужа медвежьи тропы, конь настораживал уши и вздрагивал.

Ехал часа три. И вдруг на пригорке дохнул в лицо незнакомый, теплый и сухой ветерок. В тот же миг сквозь тополиную ветвь, что словно шлагбаум перегородила дорогу, мелькнул такой яркий свет, что пришлось зажмурить глаза...

Всего 12 километров отделяют океанское побережье от Охотского. Там — дождь, туман, серое пасмурное небо,

здесь — чистойшая лазурь, красивые перистые облака, ослепительное после зеленого сумрака солнце. Ну и контрасты!

Еще несколько шагов вперед, и глазам предстают живописные лесистые холмы, приветливые домики, утопающие в зелени, золотистый песчаный берег уютной бухты, снежно-белая пена прилива, черные одинокие кекуры, остроносые кунгасы на волнах, а вдали — призрачно-голубые силуэты гор.

Какое богатство красок! Какой чудесный уголок!

На отшибе поселка, за каменистым мыском, стоит несколько домов. Из дверей самого большого из них валят клубы пара. Это баня, в которую ездят купаться со всего острова. Как и на Горячем пляже, истопником здесь работает вулкан: из-под обрыва бьют горячие ключи. Десятки минеральных источников парят на берегу и дальше к югу.

— Курорт! — со степенной гордостью говорит Леонид, молодой парнишка, вызвавшийся показать Алехино. — Собираемся дом отдыха строить. Межколхозный. За счет неделимых фондов... Приезжайте к нам через пару лет отдыхать!

С интересом разглядывал я вулканическую баню и весь этот берег горячих источников, увитый лианами и виноградом. Но сильнее поразило и очаровало то, что увидел у соседнего дома. Здесь, обрызганные каплями росы, светлели на грядках тяжелые кочаны капусты. Пламенели цветы мака. Желтели граммофончики арбузов, тыкв и дынь. Цвели огурцы и помидоры. Расправив рыжие ресницы, весело глядел на море подсолнух. Свекла, брюква, горох, лук, перец выставляли напоказ литую, ярко-зеленую ботву — стрелки, плети, усики.

Этот буйный, прущий через плетень огородище был расположен прямо на морском пляже, в двух шагах от песчаного вала, намытого приливами.

Хозяин, приземистый, широкоплечий Евдоким Осенний, прихрамывая, водил нас по грядкам и рассказывал, как удалось приучить арбуз и дыню к курильскому климату...

Соседи не верили. Они называли чудачком инвалида войны Евдокима, узнав, что он привез с собой из Астрахани узелок арбузных и дынных семян. Когда он перекапывал песок и носил мешками чернозем, смеялись: «Хоть огудину потом покажи...» А Евдоким, между тем, продол-

жал «чудить». Вскопав сотку пляжа, сделал глубокие лунки, выстелил черноземом и положил в них семена.

По ночам море дышало губительными туманами. Днем над всходами вились мошкара, вороны и голуби. Пришлось накрыть темно-зеленые листочки стеклянными банками... Иногда наступало резкое похолодание, подымался холодный ветер — приходилось завешивать плетень мешками, зажигать костры.

Сердце Евдокима наполнилось радостью, когда арбузы надули бутоны. И, может быть, уже в тот первый год показал бы он соседям не только огудину, но и настоящий арбуз, если бы однажды ночью не зашли на бахчу кони. Все вытоптали, все уничтожили. Но Евдоким был упрям. На следующую весну опять перекопал пляж.

Он пробовал сажать арбузы на песке и черноземе, на солнечном склоне и в низине, испытывал разные сорта. На третий год стало ясно, что лучше всех чувствуют себя на Кунашире «пестро-черные мелитопольские», посаженные на песчаном грунте. С тридцати лунок Евдоким снял пять центнеров крупных, весом до шести килограммов, сочных и вкусных арбузов.

Сейчас у Осеннего много последователей. Вернувшись в поселок, я стал заглядывать за плетни и заборы, и у каждого дома видел добротный огород. Это опровергало обывательскую версию о скудности курильской земли.

Цветок магнолии

Каким ветром занесло на Курилы изнеженную южанку?.. Признаться, я не очень верил в настоящую магнолию даже тогда, когда вместе с Леонидом и Таней — моими алахинскими друзьями — отправился в лес за редкими цветами.

По еле приметной тропке забрались на отвесную кручу, где стеной стоял лес. Потом долго шли, пересекая распадки, полные комариного звона, продирались сквозь папоротниковые заросли и колючие кустарники.

Наконец, Леонид крикнул:

— Вот они!

На пригорке, со всех сторон надежно укрытые елями, пихтами и березами, стояли тонкие, стройные, устремленные ввысь деревья с темно-коричневой корой. Стоило взглянуть на листья — плотные, глянцевиые, похожие

размером и формой на листья фикуса, чтобы убедиться — да, это магнолия.

Был уже конец июля, и деревья в основном отцвели. Лишь на одном заметили белые звездочки. Взяв в зубы ножик, Леонид полез на дерево. Цветы были высоко, на самой макушке, и как ни тянулся Леонид, не мог их достать. Попытался согнуть сук, но Таня звонко закричала:

— Не смей! Слышишь, не смей ломать!..

Мы с тревогой следили за его движениями, и вот ему удалось срезать один цветок, потом другой, третий. Кружась в воздухе, они упали на землю.

Держу в руках белый цветик размером с тарелку. Длинные, толстые и в то же время очень изящные лепестки. В сердцевине — крупные желтые тычинки. Сильный аромат.

— От этого запаха яйца под клушками задыхаются, — деловито замечает Леонид, спрыгнув с дерева. — А на листьях можно писать чернилами.

— Эх ты, чернильная душа, — смеется Таня, прикалывая магнолию к блузке. — Это же — самый красивый цветок на свете!

— Ну, это мы и без тебя знаем, хоть и не студенты, — обиделся Леонид. — Чего ты кипятилась-то, когда я на макушку лез? Не беспокойся, ни одной веточки еще не обломил... А вообще, ломают у нас магнолию безбожно, — обратился он ко мне. — Особенно, если стоит у дороги. Так обдерут, что жаль смотреть. Не понимают красоты! Но в Алехино таких нет. У нас ее на огородах, под окнами сажают. Каждую осень семена собираем.

— Говорят, нашу магнолию будут акклиматизировать в Южно-Сахалинске, — сказала Таня. — Здорово, правда?!

Распрощавшись с алехинскими друзьями, я вернулся к вечеру в Серноводск и встретил на дороге Мандрика. В плаще, в кирзовых сапогах, с сумкой через плечо, он стоял у заляпанного грязью грузовика.

— Далеко собрался?

— Машина идет в Головинно. Едем?..

Влажный ветер лижет лицо. Надрывно урча мотором, машина взбирается на уже знакомый обрыв. Быстро темнеет. К тому же с океана наползает густой туман, и лес

набивается им, как ватой. Поворот — и влетаем в зеленый коридор.

— Едем как в сказке! — кричит мне в ухо Саша. Его словно подменили. Движения порывисты. Глаза сияют. Теперь он именно такой, каким я представлял его себе раньше, до приезда на Кунашир, — неугомонный, восторженный романтик. Пригнувшись, негромко, чуть нараспев, читает стихи...

Я держу на коленях цветов магнолии, решив увезти его с собой на память. Ведь это — не обыкновенный цветок. Это белоснежная душа девственных лесов Кунашира, символ их красоты, величия, упорства. «Как же зимой, в жестокие, снежные бури, в туманы выживает магнолия? — думаю я. — Откуда берет она силы?.. А откуда берет силы человек, что сидит рядом?»

Уже больным приехал он из Иркутска на Кунашир. Приехал движимый мечтой написать книгу стихов об острове, на который высадился впервые в августе 1945 года в цепи десантников. И вот ходит по дорогам, ездит на попутных машинах, восторгается, волнуется, негодует и не хочет, не может отсюда уехать.

Теперь я знаю, почему. Знаю, не спрашивая... Магнолию защищает лес: березы, дубы, тополя. Поэт живет среди вернувшихся с войны друзей: колхозников, лесоводов, овощеводов, переделывающих лицо острова, и воспевает их упрямый, вдохновенный труд. В этом он черпает силы, в этом — его счастье.

Машина все летит и летит вперед по бесконечным зеленым коридорам, сквозь буйные леса, и вместе с прекрасным цветком я увожу с собой светлые, радостные, упрямые строки:

На горных склонах, спорящие с вьюгой,
Среди берез магнолии цветут...

ГОЛОВНИНО

Низкое хмурое небо, холодные, почти черные волны, серые пемзовые берега. Тут и там возвышаются целые холмы ракушечника, и ветер, свежая, перебирает разноцветные ребристые блюдечки, стучит ими, как бухгалтер костяшками счет. На полосе отлива валом лежат водоросли. Люди ходят по ним, как по пружинящему ковро. А

море, словно не зная, куда девать свои богатства, безрас-судно выбрасывает все новые блюдечки ракушек, фиолето-вые шарики и темно-зеленые ленты водорослей.

Даль подернута туманом, и очертания залива, образо-ванного островным берегом и длинным узким мысом Вес-ло, еле проглядывают. Там, где они сливаются с горизон-том, словно два карандаша, торчат маяки.

Так вот он какой, залив Измены! Где-то здесь полтора столетия назад плыли над волнами белые паруса «Ди-аны». Испытав долгие месяцы английского плена, штормы, бури и прочие тяготы кругосветного плавания, капитан-лейтенант Головнин пришел сюда, чтобы положить на кар-ту и описать курильские берега. Из-за мелководья якорь был брошен в нескольких милях от острова, и моряки пошли к нему на шлюпке. Где-то здесь Василий Михай-лович Головнин, ничего не опасаясь на русской земле, ступил на берег. Он сошел без оружия с целью попол-нить запасы пресной воды и продовольствия... Как стая воронов, набросились на него японские солдаты с те-саками, и верный сподвижник Головнина Петр Иванович Рикорд, скрипя зубами, глядел в зрительную трубу, как защищались русские моряки, и проклинал вероломство японцев, тайком построивших на острове крепость.

Во второй и в третий раз подходила «Диана» к низким берегам залива, и всякий раз слеза застревала в усах Рикорда: никак не мог он примириться с мыслью, что его командира и друга держат в железной клетке.

В печальном молчании уплывали белые паруса назад, к берегам Камчатки...

Мерно, монотонно рокошет залив Измены. Вместе с председателем сельсовета идем на окраину поселка Голо-нино, ищем место, где когда-то стояла крепость.

— Может быть, здесь?

Старые земляные валы, густо заросшие шиповником и бурьяном, а чуть в стороне выстроились рядком тонкие, с листвой только на макушке, словно раздетые догола, деревья:

Что за редкая порода?.. Да ведь это березки! Ну и обработал же их ветер-парикмахер! И все-таки это они— бедные, но красивые, тонкие, но упорные — родные бело-ствольные березы. Трудно им здесь, на ветру, на песке и пемзе, на узкой безлесной полоске, между океаном и морем. И все-таки обжились и стоят, и машут ветвями-косами...

Издалека, с матушки-Волги добирались сюда люди. Ехали в вагонах, в твиндеках океанских судов двадцать семь семей, покинувших навсегда луговой речной берег и шумливые березняки.

— Наш колхоз потому и называется «Саратовским рыбаком», что мы — волжские, саратовские, — окая, рассказывает председатель. — Моря-то никто у нас и не видел раньше. Да-а. Коров, кур, картошку, семена лука с собой привезли. Только в первую осень вместо картошки орешки какие-то выбирали. Зимой коровы от бескормицы дохли. А весной только поставили невода, как вдарил штормяга — клочья вытаскивали из океана. Беда за бедой. Кругом — неудачи.

— Ну, да на месте и камень обрастает. Дружно брались за все дела. Государство все время хорошо помогало — и ссудами, и орудиями лова. Научились и картошку выращивать, и кунгасы мастерить, и рыбу ловить. Каждая семья дом себе поставила, скотом, огородом обзавелась, а один старик у нас даже насчет пчеловодства соображает...

Мы проходим мимо уцелевших еще японских хибар, похожих на нищих оборванных старух. В них уже никто не живет. Впереди — улица новых добротных домов.

— Вот школа. Почта. Радиоузел. Больница. А вот это — правление и библиотека. Угадайте, из чего сделаны стены?

Перед нами целый ансамбль — большое здание, построенное буквой «Г». Гладкие сероватые стены. А из чего они — кто их знает! Пожимаю плечами.

— Пемза. Мешаем ее с цементом. Прекрасный строительный материал! Легкий. Прочный... Многие говорили: развалится ваш легкий дом при первом землетрясении. Чепуха! Семибалльный толчок выдержал. Не дрогнул.

В полдень буксирный катер уводит от пирса караван кунгасов и поодиночке оставляет их на волнах залива. Это вышли на промысел добыткики анфельции.

Залив Измены — одно из немногих в стране мест, где на мелководье, на подводных лугах растет эта морская трава. Из ее фиолетовых и красноватых шариков делают агар-агар — редкостное студенистое вещество, применяемое в медицине, химической, текстильной и пищевой промышленности.

Советские альгологи¹ детально изучили богатства залива. Несколько раз приезжали специальные экспедиции для обмера полей анфельции. Хотя она обладает очень большой способностью к регенерации и чем больше ее тревожат, тем сильнее кустится, — установлен ежегодный уровень добычи.

Промысел «привязанной рыбки», как называют колхозники анфельцию, ведется вблизи от берегов, и все же он нелегок и связан с риском. Вместе с травой, поднимаемой тралом с морского дна, в кунгас всегда попадает много воды, и рыбакам приходится работать помпой. Накрывают кунгасы непроглядные туманы, подбрасывают на волнах неожиданные штормы, но труженики моря не падают духом: на выручку им всегда приходят буксирные катера.

Анфельцию и морскую капусту, сельдь, горбушу, кету добывают рыбаки Головинно. Искусными ловцами, большими уловами славится колхоз.

К вечеру пошел мелкий надоедливый дождь. Он мыл развешанные на вешалах сети, поля, застланные побуревшими коврами анфельции. Сквозь сетку дождя было видно, как к пирсу подошел караван вернувшихся с моря кунгасов.

А чуть в стороне, в устье речушки с дном, покрытым ракушками, словно паркетом, происходила любопытная сцена. Два босоногих мальчугана, суевившихся на берегу, столкнули на воду корыто, в котором поят скот, и прыгнули в него. Потом они взяли со дна ребристые блюдечки ракушек и, гребя ими, как веслами, стали править в море. Они уже подобрались к маленькому песчаному бару, когда с пирса увидели их и закричали:

— Эй, мореходы, вы куда? А ну, марш домой!

Сеялся дождик. Было пасмурно и холодно. А залив Измены все рокотал и рокотал, словно языком волн и ветра рассказывал какую-то длинную повесть.

ИМЕНИЕ ТАРАНОВА

Имение Таранова расположено в южной части Кунашира, на низменном луговом мысу, надежно укры-

¹ Альгология — наука о водорослях.

том от холодных северных ветров и океанских туманов вулканом Головнина и лесами.

Проселок бежит сначала по полям, по низкорослым дубовым рощицам и зарослям диких вишен, но потом забирается в лесную глушь и становится все менее заметным, теряется на бамбуковых взгорьях.

Ничего, не заблудимся. Ведь рядом едет на бойком рыжем меринке никто иной, как хозяин имения, сам Василий Таранов.

Он жилист, черен от загара. На плечах — побелевшая солдатская гимнастерка, в правой руке держит только что отточенный косилочный нож, и со стороны похож на казака с пикой. Он то мурлычет себе под нос песню, то, когда кони равняются и цепляются стременами, принимается рассказывать про дела в совхозе.

Таранов хорошо помнит те дни, когда встречали с духовым оркестром первый пароход, доставивший переселенцев, когда у подножия вулкана, среди дубняка, были разбиты первые палатки и дымили в глаза людям печки-временки, сделанные из бочек. Необычно рано, в ноябре, выпал тогда снег. Тоскливо мычали коровы, бродившие по поселку: не было ни кормов, ни двора.

Однажды весной как-то по-особенному зловеще засвистел, заухал ветер. Еще никто ничего не понял, а деревья уже склонили головы, воздух почернел от поднятой с полей земли, и задралась крыша построенного зимой скотного двора.

— Тайфун!

Со всех концов поселка, побросав свои дела, свои дома, люди бежали к скотному двору и парникам, тащили веревки, чтобы перехлестнуть крышу, маты и доски — прикрыть парниковые рамы.

Природа не была милостива к новоселам. Не раз и не два стихия грозила уничтожить плоды труда. Многие так и не дождались, когда на месте временок будут сложены настоящие печи, разошлись, разъехались, кто куда. А Таранов, то ли потому, что сам с автоматом в руках отвоевывал в 1945 году эту землю, то ли потому, что Кунашир пришлось ему уж очень по сердцу, так укоренился на острове, что ни разу даже в отпуск не выезжал.

Темно-зелеными коврами кажутся сейчас картофельные поля совхоза «Дальний». Они уже цветут. Цветут и огурцы. В стороне от поселка, на пригорке, — конюшня, скот-

ные дворы. Среди них выделяется массивное серое здание. Его стены сделаны из пемзы. Это полностью механизированная ферма: есть подвесная дорога, водонапорная башня, электродоильные аппараты, автопоилки. В роскошной зелени дубняка, кленов и берез утопает поселок—улучки еще не потемневших от дождей домов. Хороший поселок! Похож на тихое украинское местечко. Впрочем, не очень тихое. С радиоузла целый день гремит репродуктор.

И все это создано на глазах Таранова, а многое и его руками. Каких только работ не выполнял он в совхозе! Валил зимой лес и возил его в поселок, строил дома, пахал, косил, вывозил удобрения, выращивал картофель, капусту, кукурузу. Мерз, мок, потел Таранов ради того, чтобы шире раскинулись поля и расплодились стада. И, наконец, когда зашла речь о снижении затрат на единицу продукции, именно он, Василий Таранов, предложил часть скота держать целый год на подножном корму в лугах Понкутанского мыса, где почти не бывает снега. Сам же вызвался и жить там в зимнике, вдали от семьи, от ребятшек. Потому и прозвали люди мыс Понкутан именем Таранова.

Едем стремя в стремя. Говорим об огурцах и покосах, о людях и заработках, о хорошем и плохом.

— Ну, а почему же все-таки низкие урожаи? Земля неважная?

— Не-е. Земля подходящая. Пеплы — они плодородные. И климат теплый.

— В чем же дело?

— Земля ласку любит. А у нас она вроде солдатки. Что ни год — новый агроном.

Несколько минут помолчали.

— Она, конечно, требует приноровиться к ней, земля-то. Свои, особые севообороты нужны — чтоб сорняк изжить. Свои удобрения — ракушечник, водоросли надо пускать в дело, ведь этого добра сколько угодно! А разве об этом заботились наши агрономы? Чемоданщики!

Я думал о словах Таранова, о его строгом, хозяйском отношении к жизни. Конечно, он прав. Именно любви, настойчивой и терпеливой работы не хватает агрономам для того, чтобы курильская земля щедро вознаградила земледельцев.

— Ну, ничего, в конце концов, хоть и кривыми дорожками, сами дойдем до этого, — подытожил Таранов.

Из лесного сумрака выехали на высокий, залитый солнцем берег Охотского моря. Под копытами коней расстилались белые клеверные поляны. Гривой тянулись вдоль берега заросли винограда. Пахло медом. У кромки приборя нетронутой белизной сиял сыпучий песок.

Дорога еще несколько раз подымалась на взгорья и спускалась в распадки. Наконец, перед глазами развернулась широкая луговая равнина, показались скотный двор, дымок походной кухни, толстая стряпуха возле длинного дощатого стола, косцы-комсомольцы.

Это и было имение Таранова.

Весь день позвякивали косы и стрекотала сенокосилка, на сиденьи которой возвышался Таранов в кепке, сдвинутой козырьком назад.

— Эй, шевелись! — громовым голосом орал он на коней при поворотах.

В ровные пышные валы ложилась высокая сочная трава.

Вечером комсомолия долго не могла уgomониться. У нее здесь, кроме четырех шалашей и кос, есть и походная библиотечка, и шахматы, и футбольный мяч, и баян. Он не замолкал весь вечер: наверно, баянисты менялись.

Мы молча лежали с Тарановым на ворохе полувысохшего пряного сена и слушали, как хороводится молодежь.

— Люблю эту пору! — сказал он. — По всей России сейчас косы звенят.

Из-за пролива (ширина его в этом месте всего километров двадцать), помаргивая желтыми глазами огоньков, глядел на имение Таранова, слушал звонкий комсомольский баян какой-то японский городишко.

ЛЮДИ С ТОЙ СТОРОНЫ

Ревет океан, издалека катит зеленоватые валы на широкую песчаную излучину маленького залива. К югу берег вздымается белыми отвесными утесами, с северной стороны выступает лесистым мысом. У самого залива, среди дюн, и этажом выше, на прибрежной террасе, — две улицы новых домов, сети, сохнувшие на вешалах, черные остроносые кунгасы, темно-зеленые заплаты огородов, пестрый скот, пасущийся на склоне.

Но самое характерное здесь — бурное дыхание океана,

отчетливо слышное и на улице, и в доме, что расположен шагах в тридцати от береговой кромки. Хотя погода тихая и ясная, накаты сотрясают берег, как пушечные залпы. Кажется, что еще один удар — и лавина воды обрушится на дом и разнесет его по бревнышку.

Мы сидим в чистой горнице. На стенках — застекленные рамки с фотографиями хозяев и их родных, под окном — грядки сизой капусты и еще какой-то зелени.

Хозяин, рыбак Захар Степанович Кустовой, со своим украинским произношением «г» и медлительно-степенными манерами, скорее похож на колхозника с тамбовщины или орловщины, чем на труженика моря. Одетый по-домашнему, в ситцевой рубашке и в носках, он сидит за столом, положив на него тяжелые красные руки, и неторопливо рассказывает о житье-бытье... О том, как в 49-ом году к белым утесам подошел пароход, и люди, говорившие на смешанном русско-украинском наречии, впервые сошли на пустынный берег... О том, как трудно было им привыкать к океану и как они сумели-таки взять над ним верх и дружным трудом сделали свой колхоз благоустроенным и богатым.

А океан все ревет, неумолчный, могучий.

Я прислушиваюсь.

— Прилив идет, — замечает хозяин.

— Шторма здесь у вас, наверно, сильные бывают?

— Шторм — еще полбеды, — вздыхает Захар Степанович. — А вот как тайфун придет!..

Это случилось в мае, когда к берегам подошла на нерест сельдь, и море побелело от молок. Была трудная, суетная и веселая пора путины. Рыбаки дежурили на неводах, перебирали ловушки, транспортировали и разгружали уловы. Почерневшие от загара, похудевшие, они не спали по двое суток.

Невода колхоза «Родина» стояли на охотской стороне, на берегу пролива, отделяющего Кунашир от чужой земли. Погода держалась хорошая, и с нашего берега отлично были видны и горы Хоккайдо, и японские шхуны, что как мак высыпали в пролив, нестерпимо сияющий под солнцем.

Соседи промышляли треску. Колхозники нет-нет да поглядывали в их сторону, приставив к глазам ладони: не

слишком ли увлеклись, не забрались ли в советский огород?

Рыбаки не зря беспокоились. Соседи не отличались честностью. Не раз, внезапно разогнав туман, утро заставало на месте преступления шхуну, дремавшую в наших водах, не раз рыбаки натывались на чужие крабовые сети. Ночные «гости» зарились не только на рыбу, но и на ракушку, на водоросли, а бывало, подкрадывались к берегам с целью снять и увести металлические детали с судов, потерпевших бедствие.

В полночь ветер стал стихать, но на рассвете неожиданно переменил направление и быстро засвежел, засвистел, завыл. Переполошившись, рыбаки снимали ловушки и погналы кунгасы к берегу. Ветер крепчал. По морю шли пенные взбуренные волны. Полил дождь. И вскоре поднялась такая кутерьма, что ничего невозможно было разглядеть.

Так начался тайфун. Он бушевал весь день и достиг такой силы, что на приборах метеостанции не хватало шкалы, чтобы зафиксировать его бешенство. Тайфун прижимал к земле и выворачивал с корнями деревья, срывал крыши с домов, рвал рыбацкие палатки. Невозможно было идти навстречу ветру: глаза, рот, нос забивало песком, захлестывало дождем. В грохочущей пенной полосе прибоя бились бочонки и ящики, доски и спасательные круги. Эти обломки чьего-то достояния и благополучия пригнала стихия из-за Немурского пролива.

К вечеру дождь поутих и видимость стала лучше. Выглядывая из палатки, рыбаки стали различать вблизи от берега мчущиеся на волнах чужие шхуны, слышали треск дерева у скал. Все это время то пропадала за волнами, то вновь появлялась большая японская шхуна. Но, странно, она не шла к терпящим бедствие мелким судам, не оказывала им помощи.

— Что они, ослепли что ли? — ругались рыбаки.

— Нет, тут, брат, не то... Видать, другое задание. На бедствие наплевать.

Не ослабевал тайфун и ночью. Каркас палатки трещал и шатался, полотнище гулко било по стропилам, и казалось, что палатку вот-вот унесет.

На рассвете один из рыбаков вышел на улицу и увидел трех человек, бредущих по берегу. Он остановился и стал приглядываться.

Незнакомцы шли к палатке.

— Кон ничива¹... рюски... кон ничива!..—вдруг закричали они и стали издали кланяться и показывать руками в сторону моря. Там, на каменной гряде, сидела маленькая белая шхуна с неестественно высоко задранной кормой и обнаженным винтом.

Все трое были одеты совершенно одинаково — в изодранные мокрые майки и парусиновые штаны. На ногах — деревянные колодки. Головы обмотаны белыми платками. И даже улыбались и кланялись они все враз и одинаково.

— Кон ничива, рюски, — бормотали они и все показывали руками в сторону шхуны.

«Японцы!.. Потерпели крушение!» — догадался рыбак. Он пригласил их жестами за собой и привел в палатку. Затопили железную печурку, стоявшую у входа. Японцы присели на корточки, протянули руки к огню и заговорили, перебивая друг друга. Молодой здоровенный рыбак Санька, который ходил по палатке пригнувшись, взял на себя роль переводчика.

— Его говори: ходи домой нету. Ай-я-яй дело — табак, шхунешка назад не ходи...

Тут в разговор вступил звеньевой, пожилой рябой дядя Антон.

— Надо пойти посмотреть эту шхуну, — сказал он. — Кто ее знает, что за судно такое. Может, стихией занесло, а может, и со злым умыслом заявилась.

Несколько рыбаков вместе со стариком пошли к судну. Наружный осмотр показал, что это хоть и красивая по форме, но очень ветхая и бедная шхуна.

По обим сторонам кормы аспидно-черным лаком по белому фону были выведены, словно застывшие в судорогах, крылатые драконы — символ бесстрашия, как объяснил рыбакам Санька, бывший моряк тихоокеанского флота... Судно пострадало мало. Лишь в правом борту зияла небольшая пробоина и был разворочен фальшборт.

Санька полез на палубу и отшатнулся.

— Мертвец! — крикнул он.

Но тут послышался стон. Четвертый член экипажа был жив, он лежал без сознания, прикрытый окровавленным брезентом.

В кубрике никого не нашли. Рыбаки решили, что на

¹ Здравствуйте.

шхуне было четверо, но, заглянув в люк машинного отделения, увидели пятого японца. Он сидел на корточках, прижавшись к закопченному двигателю и, увидев русских, отпрянул в темный угол.

— Не бойсь! Выходи!.. Пойдем в палатку!

Когда японец вылез на палубу, рыбаки увидели, что это — почти мальчишка, щуплый, остролицый, со следами слез на щеках.

Санька похлопал его по плечу, поцокал языком:

— Плакать не надо. Твоя будет ходи домой. Понял?

С любопытством вглядывались рыбаки в жалкие приметы чужой жизни. В рубке они заметили несколько чурок и полведра угля. Тут же лежали аккуратно сложенные брезентовые робы. Кубрик, застеленный грязными циновками, был так низок и тесен, что Санька мог передвигаться в нем только на четвереньках. Здесь рыбаки увидели штук десять глиняных, деревянных и картонных богов, половинку соленой трески и горсть риса в котелке.

— Ну, и житуха! — сокрушенно качали головами колхозники. — Разве это кубрик?.. Конура!

— Гроб — а не посудина. У нас на такой ни за что не пустили бы в море.

— Даже пищи негде приготовить. А ведь они далеко в океан бегают... Отважные мореманы!

— Чего ж они в майках-то ходят, мерзнут, когда робы лежат?

— За счет кубрика хозяин увеличил трюм, чтобы больше рыбы влезло, а робы им на много лет даются — вот они и берегут их, — пояснил Санька.

В тот же день раненного, так и не пришедшего в сознание, рыбаки отправили в районную больницу, а остальных японцев привели к себе в колхоз.

В сельсовет набилось полно народу. Жены рыбаков жалостливо смотрели на худых, одетых в грубую изодранную одежду, кланяющихся людей. Высокая дородная тетка Катерина принесла из дому буханку хлеба. Грубоватым голосом спросила:

— Хлиба треба? — и стала совать буханку в руки молодого, похожего на мальчишку японца, которого товарищи называли синдо, что значит — шкипер. Тот не брал, отстранялся и что-то бормотал.

— Он думает, что ты обманываешь его, — сказал Санька.

— А шо мне его обманывать? — обиделась Катерина. — Ну, бери, что ли, турка беспонятная!..

Синдо, наконец, взял буханку и, заулыбавшись, приложил руку к сердцу, стал кланяться.

— Аригато годзаймас, рюски... аригато¹.

Кто-то догадался, что японцы хотят курить, и принес пачку сигарет. Через пять минут уже несколько человек протягивали сигареты гостям. Те все кланялись, улыбались и бормотали:

— Рюски харосо!..

К японцам протиснулся сквозь толпу дядя Антон и задал неприятный вопрос:

— Почему ходите в наши воды?

Японцы не понимали, пожимали плечами, улыбались.

Тогда дядя Антон вытащил из-за пазухи рыбацкую снасть: деревянный брусок, обмотанный капроновыми поводцами с крупными крючками, красными резиночками и фазаньими перышками. Это был ручной перемет для лова горбуши: об этом ясно говорили резиночки и перышки — горбуша, питаясь креветками, клюет на красное.

Японцы перестали улыбаться. Установилась такая тишина, что слышалось жужжание мухи, бившейся о стекло...

— Немуро, — нарушил молчание один из японцев, кивнув на перемет.

— Почему наши воды ходи? — перевел Санька вопрос дяди Антона. И опять стало слышно, как жужжит муха.

Наконец, заговорил самый старый из японцев, на голове которого почти не осталось волос.

— Гохан... дома... нету, — глухо пробормотал он и, видя, что его не понимают, вышел на середину комнаты, присел на корточки и, протянув руки, показывая на мальчишку, пробившегося в первый ряд, сказал голосом, полным тоски:

— Митька... ухи... хочет...

Люди смотрели на его дрожащие крючковатые руки и все еще не понимали, и тогда старый японец, собрав высокий голый лоб в крупные морщины, выдавил из себя еще два русских слова:

— Чапаев... Немуро... ходи... — и взмахнул над головой рукой.

¹ Большое спасибо.

Первым догадался, о чем говорит старик, Санька. Он заулыбался всем своим широким лицом:

— А ведь это денщик в картине о Чапаеве так говорит. Видать, шел в Немуре этот фильм, и японец его запомнил... А Митька — мальчишка... дети, стало быть, есть просят.

От этого Санькиного объяснения всем стало легко. Японцы, кивая головами, опять оживились. Заулыбались рыбаки, женщины, дядя Антон. Даже синдо повеселел.

Воспользовавшись смягчением напряженности, мальчишка, шестиклассник Алешка, на которого показывал рыбак, смело подошел к синдо и, тронув его за локоть, выпалил:

— А вы американцев прогоните. На что они вам?

Тут уж все дружно захохотали. Японцы быстро заговорили между собой, кивая в сторону мальчика.

— Саньк, а ну, потолмачь, что они там про Алешку гуторят.

Санька, склонив голову набок, с важным видом послушал чужую речь и перевел:

— Вон какой махонький, а понимает, что американцев надо гнать в три шеи... Силен Алешка в политике!

Японцев поселили в ближнем к сельсовету доме. Женщины носили им рис, хлеб, картошку, дрова и папиросы. Рыбаки привели в Серноводск их шхуну и поставили на поката и домкраты. Застучали топоры. Японцам помогали колхозные мастера.

Объясняясь при помощи Саньки с немурскими рыбаками, колхозники узнали, что молодой синдо перед тайфуном впервые вышел в море в роли шкипера. Он — единственная опора большой семьи, которая, собрав все скудные сбережения, недавно арендовала эту ветхую шхуну в надежде поправить свои дела.

Лысому Тада Эйити совсем не повезло в жизни. У него семеро детей, и все — девочки. Это большое несчастье. Скоро старого Тада перестанут нанимать на шхуны, выходящие в море. Чтобы прокормить семью, он вынужден будет, как и многие старики, не имеющие сыновей, до самой смерти вылавливать багром у рифов морскую капусту. Особенно поразило колхозников то, что Тада Эйити, уже много лет мучающийся грыжей, не может сделать опера-

ции, потому что на нее пришлось бы затратить весь месячный заработок.

Серноводцы слышали и о страшной, как хватка спрута, власти рыболовных компаний, забирающих у рыбаков весь улов и толкающих их на браконьерство в советских водах.

Спустя три недели, когда раненый японец и Тада Эйити, который все-таки избавился от грыжи, вернулись из районной больницы в Серноводск, опять собралась толпа.

Японцы жали руки рыбакам, женщинам, Алешке, что советовал прогнать американцев, кланялись и все повторяли:

— Сайонара!.. Сайонара!.. Аригато годзаймас¹.

Вот они сели в шлюпку и оттолкнулись от берега. Вот поднялись на борт шхуны, меченой знаком черного дракона, и она стала медленно удаляться от берега.

Японцы махали руками и кричали.

Шхуна пропала за длинными зеленоватыми валами, и стал виден только крестик мачты. А в ушах людей, столпившихся на берегу, все еще звучал благодарный ненашенный говор:

— Сайонара!.. Сайонара!.. Аригато годзаймас!

НА КРАЮ СВЕТА

Откуда-то из седого мокрого и холодного сумрака повеяло сухим ветерком, потянуло теплом. Потом струи ласкового ароматного воздуха стали все чаще и чаще касаться лица, и, наконец, туман распахнулся, словно занавес в театре, и прямо перед носом катера вырос высокий отвесный, черный берег с зеленой гривой леса наверху и желтым серпиком новорожденного месяца в вечернем небе.

Мы подходили к Шикотану, или, как он обозначен на морских картах, — к острову Шпанберга.

Это наименование дано острову в честь русского мореплавателя Мартына Петровича Шпанберга. Возглавляя

¹ До свидания!.. До свидания!.. Большое спасибо.

один из отрядов Великой Северной экспедиции¹, он трижды ходил на Курилы — в 1738, 1739 и 1742 годах. Шпанберг завершил открытие архипелага, положив на карту все острова Большой гряды, дошел до берегов Японии и, возвращаясь назад, описал дотоле неизвестную Малую гряду. Таким образом, русские мореплаватели открыли и исследовали южные острова, так же как и северные, задолго до японцев².

Плавание у Малой гряды проходило в тяжелых условиях.

«На острове Зеленый, — пишет Шпанберг, — воспрепятствовали нам часто переменные противные ветры, также великие туманы и дожди, и беспрестанные частые мели, к которым теми туманами подбегали почти под самую землю, и быди саженьях на четырех, а земли не видали, а подходили к земле нечаянно, где не без великого страху были, и для того имели великий труд и суету мореплавания, и терпели не малую мокроту, и от того многие в команде моей захворали: к тому ж между островами, в узком месте и того ради называли то место губа «Претерпения».

Только в 1739 году Шпанберг потерял от цинги и прочих болезней 14 человек. Вот какие жертвы приносил русский народ, открывая Курильские острова!

Уже стемнело, когда слева, с вершины утеса, приветливо замигал маяк, и катер, наконец, подошел к воротам в бухту. По узкому коридору с отвесными стенами прошли прямо... в сказку. На черном зеркале воды сияли сотни золотых, зеленых, красных огоньков; словно многоэтажные дома, молчаливо светились какие-то большие суда, цепочки огоньков лучились на берегу. Было тихо и тепло, как в бане. В воздухе струились запахи цветов и трав.

¹ Речь идет о знаменитой Второй Камчатской экспедиции Беринга-Чирикова (1733—1742 гг.), предпринятой с целью исследования северной части Тихого океана, Северной Америки, Курильской гряды и изыскания пути в Японию.

² Даже если судить по японским данным, японские чиновники появились на Кунашире впервые в 1799 году «с целями открытия этих островов, воспитания туземцев и открытия рыболовных мест». В 1800 году они высадились на Итурупе, а позже — на Урупе. В 1807 году японцы были выброшены с этих островов горстой русских моряков под командованием Хвостова и Давыдова.

День выдался ясный, и представилась возможность хорошенько разглядеть остров. Недаром слово Шикотан в переводе на русский значит — лучшее место! Действительно, этот небольшой островок (длина его всего 27 километров), со своими черными береговыми обрывами, мягкими волнистыми ландшафтами и теплым климатом, удивительно приятен и красив.

Здесь — удобные, лучшие на Курилах бухты; они глубоко вдаются в остров и похожи на фьорды. Та, в которую мы зашли вечером, называется Малокурильской. Вокруг ее овального голубого зеркала амфитеатром возвышаются невысокие горы со светло-зелеными луговыми склонами, темными перелесками и одиночными пихтами, причесанными ветром. У них горизонтальные редкие ветви, направленные в одну сторону, плоские макушки.

Хороша и Крабовая бухта. Отражаясь в воде, над ней нависают черные выветренные плитчатые скалы. Снизу они изузорены рыжими и зелеными мхами. Выше, в расщелинах, растут травы, цветы, а над ними — пихты, ни-
весть как уцепившиеся за камни.

На острове — прекрасные луга. Широко разметнулись голубоватые от бамбука просторы густых и высоких трав. Тут и там их пересекают речки и ручьи, в которых видимо-невидимо форели. Зима на Шикотане очень короткая, снега бывает мало, поэтому здесь можно откармливать на лугах большие стада скота.

Все кругом зеленеет, цветет, благоухает на Шикотане. Даже под водой, в океане, скрыты гигантские цветники. Эти цветники — коралловые рифы. Иногда на крючки переметов, которые рыбаки ставят на треску, попадают розовые, красные, оранжевые веточки кораллов. Они очень красивы и у многих шикотанцев стоят в домах как украшения.

Рай земной — Шикотан. Но, любуясь его ландшафтом, вспоминаешь: а ведь это здесь, на Шикотане, было последнее страшное пристанище мохнатых курильцев — айнов. После передачи царским правительством Курил японские колонизаторы устроили на острове нечто вроде концентрационного лагеря для айнов и окончательно поработили этот народ¹.

¹ Айны, когда-то населявшие некоторые японские острова, а позже Хоккайдо, Курилы, Южный Сахалин — очень своеобразный на-

Туманные воды океана, омывающие Шикотан и другие мелкие плоские, как блины, острова Малой гряды, богаты сайрой и крабами, которые проходят через проливы на поля питания. Когда крабы возвращаются назад в океан — строго установленное количество их вылавливается.

По ночам из Малокурильской бухты выходят щедро иллюминированные суда. Они оборудованы специальными лампами для лова сайры на электросвет. Промысел этой вкусной и нежной рыбы начался недавно. Сейчас на острове сооружается мощная база для обработки сайры. В Малокурильской бухте расположена также ремонтная база «Далькитозвертresta».

Эта бухта — безопасное укрытие от штормов, тайфунов и отправная точка для плаваний в океане. Я встретил тут китобоев, зверобоев, рыбаков, а также экспедицию, возглавляемую исследователем флоры и фауны океана Макаром Митрофановичем Слепцовым. Здесь всегда стоят на якоре суда и очень оживленно.

На берегу бухты лентой раскинулся поселок Малоку-

род. О его происхождении ученые высказывают много противоречивых мнений. Внешность, материальная и духовная культура роднит айнов с полинезийцами, малайцами и некоторыми народами континента Азии. Они отличаются обильным волосным покровом (за что их и называли «мохнатыми курильцами»), смуглой кожей, крепкими статными фигурами. Первые наши мореплаватели отмечали, что курильцы похожи на русских мужиков.

«Что касается до их обычаев, — писал Крашенинников, — то они несравненно учтивее других народов, а притом постоянны, честолюбивы и кротки. Говорят тихо, не перебивая друг у друга речи... Старых людей имеют в великом почтении. Между собой живут весьма любовно».

История айнов, некогда многочисленного и сильного народа, — это многовековая трагическая борьба с японцами, которые, кичась пресловутой самурайской доблестью, называли айнов эзо-варварами, беспощадно эксплуатировали их и искореняли.

Айны не сдавались без боя. Даже японские летописи говорят о них, как о сильных и страшных врагах. Японцы побеждали только хитростью — подкупом, спаиванием, обманом, нарушением закона гостеприимства; священного у айнов. Излюбленным приемом завоевателей было приглашение в гости айнских вождей и уничтожение их во время пиршества.

К концу IX века айны были вытеснены с Хонсю. Несколько веков понадобилось японцам для того, чтобы проникнуть на Эдзо (Варварский) — нынешний остров Хоккайдо (XV, XVI, XVII века). В середине XVII столетия на этом острове поднялось восстание, которое возглавлял народный герой Сагусаи. Два года длилась

рильск. В нем — магазины, столовая, школа, клуб, почта, радиоузел.

Мое путешествие по Шикотану закончилось на восточном побережье острова. Преодолев несколько перевалов и долин, заросших пихтами, тополями и березами, добрался до берега. Впереди, насколько хватало глаз, расстилался свинцовый океан. Внизу виднелся обрывистый мыс с очень точным названием — Край Света. Отсюда на тысячи километров, до берегов Америки, ни клочка земли. Лишь волны, волны, волны, бегущие одна за другой.

На мысу — белая башня маяка. День и ночь советские люди несут вахту, показывая мореплавателям всех стран безопасный путь.

ДВА БЕРЕГА ОДНОГО ОКЕАНА

(Вместо послесловия)

...Наверно, таким и был Великий океан четыреста лет назад, когда обессиленные штилем, как тряпки, болтались

борьба айнов, вооруженных луками, с японцами, владевшими огнестрельным оружием.

Последнее восстание против завоевателей произошло уже в конце XVIII века на Кунашире. Оно было вызвано тем, что, как пишет японский ученый Тоозан, «переводчики и надсмотрщики совершали много дурных и подлых дел: они жестоко обращались со стариками и детьми и насиловали эзоских женщин».

Ненавидя японцев, айны с радостью и дружелюбием встречали русских мореходов, пришедших на Курилы, охотно принимали русское подданство. «История не знает... ни одного восстания против России той самой народности, которая веками ожесточенно боролась с японцами», — пишет историк М. Г. Сергеев в книге «Курильские острова».

Завладев Курилами, японцы совершили еще один жестокий акт по отношению к айнам. Они согнали их с прежних мест обитания, перебили собак, отобрали лодки, ружья и поселили под охраной надсмотрщиков на неудобном для морской охоты Шикотане. Английский зверобой Сноу, много лет промышлявший морского зверя у берегов гряды, рассказывает в своей книге о Курилах, что при посещении им Шикотана согнанные туда айны жаловались на невыносимые притеснения японцев и с благодарностью вспоминали русских.

«Айн не колеблется идти на медведя, но питает смертельный и инстинктивный страх к японцам... Грустно, что такой крепкий и красивый народ, физически столь превосходящий своих правителей японцев, должен быть стерт с лица земли», — пишет Сноу.

Нынче небольшое количество айнов живет лишь на Хоккайдо.

паруса на мачтах магеллановых каравелл. Глаз едва улавливал колыхание белесо-голубых вод. Казалось, океан отдыхал после работы.

Мы шли проливом Екатерины,¹ тем путем, что положили, двигаясь к берегам Японии, прадеды, руководимые благородными и миролюбивыми устремлениями. В последний раз смотрел я на затушеванный дымкой конус древнего Тяти, служивший когда-то ориентиром Мартыну Шпанбергу и штурману Ловцову; прощался с Курилами, с Тихим океаном.

Вилось, трепетало на флагштоке красное полотнище с серпом и молотом. Кружились над пароходом, провожая нас, чайки. С гордостью смотрел я на удалявшиеся за кормой острова — скалистые и туманные, вечно окруженные белоснежным кружевом пены и грохотом прибоя, советские земли на Тихом океане.

Когда-то давным давно голландский моряк Де-Фриз, состоявший на службе в Ост-Индской компании, искал в северо-западной части Тихого океана золотой и серебряный острова — Кенсима и Женсима. Подойдя в тумане к Курильской гряде, он принял Уруп за продолжение Америки и, так и не найдя вожаденных островов, вынужден был удалиться восвояси. Однако легенда о Кенсима и Женсима долго еще кочевала по матросским кабакам Европы. Эти острова искал в конце XVIII века даже такой серьезный французский мореплаватель, как Лаперуз. Однако ни Де-Фриз, ни Лаперуз, ни японцы, семьдесят лет хозяйничавшие на Курилах, не нашли мифических сокровищ.

Острова, сплошь застроенные дотами и дзотами, изрытые туннелями и ходами сообщения, обезображенные колючкой, предназначенные сеять вокруг смерть, пятнадцать лет назад были отвоеваны у Японии и усилиями советских людей превращены в земли мирного труда и научных исследований. Началось освоение богатств Курильской гряды... И сокровища открыты! Их долгие годы таила голубая целина океана, скрывали от человеческих глаз огнедышащие горы.

¹ Пролив назван в честь бригантины «Екатерины», на которой плывал штурман Ловцов.

Крупнейшим на Дальнем Востоке районом рыбного промысла стали Северные Курилы, разведаны богатства океана на Южных Курилах. Геологи нашли серу и полиметаллические руды, зоологи — драгоценных каланов и котиков.

Мне посчастливилось трижды побывать на Курильской гряде. Восхищение вызывают их суровая и в то же время богатая красками и нежная природа, сила и упорство курильчан, простых советских людей, тех, кто освободил эти острова, переселился с Украины, с Поволжья и Сибири, пустил здесь глубокие корни — построил добротные дома, научился ловить рыбу, выращивать овощи, разводить скот.

А какие большие перемены произойдут на архипелаге тридцати островов в ближайшие годы! Курильская семилетка — это новые районы промысла в океане и механизированные обрабатывающие базы на островах, лов сайры на электросвет и добыча тунцов в водах Южных Курил. Это — новые рыбоводные заводы и лесные посадки. Это — дальнейшая работа по увеличению бобрового стада на Урупe, объявленном недавно государственным заповедником, и заселение пушными зверями островов-клеток. Это — разработка залежей серы и строительство теплиц у подножий вулканов. Новые авиалинии, быстроходные морские суда еще ближе придвинут «самые дальние наши острова» к материку, к Родине.

Близко то время, когда советские ученые разгадают тайны вулканов, на которые люди веками взирали с северным ужасом, и научатся управлять ими так же спокойно, как тепловыми электростанциями. Со временем люди будут ездить на Курилы с такой же охотой, как на Кавказ, чтобы знакомиться с их замечательной природой, совершать восхождения на вулканы, купаться в горячих озерах.

Советский человек пришел на дедовские тихоокеанские земли мудрым хозяином, благородным созидателем, думающим о будущем, заботящимся о том, чтобы передать грядущим поколениям и моря, богатые рыбой, и леса во всей их красе, и берега, полные жизни.

Я с гордостью смотрел на уплывающие вдаль острова, но в моем сердце жила и не утихала тревога: давно уже перестал быть тихим Великий океан. Мрачную страницу вписали в его историю Пентагон и английское военное ми-

нистерство. Это на Тихом океане, в Хиросиме и Нагасаки, были взорваны первые атомные бомбы, здесь вырастали черные грибы над островом Рождества, над атоллами Бикини и Эниветок. Тихий океан превращен в испытательный полигон, в зону военных маневров, ему отводится видное место в агрессивных планах американских империалистов.

Много стран лежит на берегах Тихого океана, много островов разбросано по его просторам. Но есть у океана два основных берега. Это — берег мира, созидания, гуманизма и берег войны, разрушения. На одном берегу — Советский Союз и Народный Китай, Корейская Народная Демократическая Республика и Вьетнам, люди доброй воли всех стран тихоокеанских побережий. На другом — агрессивные круги США и Англии, японские реваншисты и предатели родины — чанкайшисты.

Наш берег сильнее!

...Прекрасна картина восходящего над океаном солнца. Как преображает оно пустынный лик океана, какие яркие, живые краски придает ему. Как радуется солнцу все живое — и птицы, и морские звери, и люди. Пусть всегда и для всех будет восходить солнце. Пусть никогда не озарит океан другое, страшное, убийственное для всего живого, нелепое термоядерное солнце!

*Курильские острова — Южно-Сахалинск.
1958—1959 гг.*

СОДЕРЖАНИЕ

Встреч солнца	3
Весна на Парамушире	6
Погоня за сияющим пятном	13
Ветер от порд-веста	26
Обыкновенная женщина	33
Ты служишь людям, гордый Алайд!	33
Хозяин Серного озера	44
Рабочий берег	51
Здесь проходили байдары и лодии	58
«Дивизион плохой погоды»	63
Новый год на Симушире	78
Пробуждение вулкана	85
Возвращение бобров	90
Попутчик до «пустого» острова	101
Остров двадцати четырех удовольствий	105
Рождение серебристых лососей	110
На целинных землях Итурупа	118
Берег Доброго Начала	123
Тишина	131
Недалеко от Москвы	137
Прогулка на Горячий пляж	141
Самое интересное приключение	144
Спорящие с вьюгой	147
Головнino	155
Имение Таранова	158
Люди с той стороны	161
На краю света	168
Два берега одного океана	172

Арнольд Игнатьевич Пушкир

ОСТРОВА КУРИЛЬСКИЕ

Редактор А. С. Ткаченко

Художник Г. М. Манткова

Художественный редактор В. М. Гевлич

Технический редактор Л. И. Мемешкина

Корректор И. А. Иценко

Сдано в набор 6 VI-60 г. Подписано к печати 21/IX-60 г. Формат бумаги 84×108₃₂. Печ. л. 5,5 (условных 9,02). Уч.-изд. л. 10.

Тираж 5 000. ВМ 07095.

Сахалинское книжное издательство, г. Южно-Сахалинск, ул. Торговая, 96. Заказ 2768. Цена 3 руб. (С 1.1. 1961 г. цена 30 коп.)

Книжно-журнальная типография областного управления культуры, Южно-Сахалинск, ул. Адмирала Макарова, 114.

3 руб.

С 1.1 1961 г. 30 коп.

САХАЛИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960